

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 1, 1977, январь — февраль

В номере:

П. П. Дудочкин, М. И. Калинин — мастер устной речи 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Н. Кожин. Образное слово Константина Федина 12
Т. С. Глебова. Эпитет в прозе К. Симонова 19
В. В. Громова. Фамилии в романе М. Шолохова «Тихий Дон» 25
Н. Н. Иванова. О поэтической традиции в художественном тексте 30

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

И. Е. Гальченко. Культура речи и перевод 35
Л. К. Граудина. Сосредоточивать и сосредотачивать 40
Е. И. Кедайтене. Привять участие — участвовать 44
К. С. Горбачевич. Как говорят студенты? 50
Е. А. Некрасова. Грамматическая ошибка или поэтический прием? 57
Р. С. Акопян. Именительный присоединения 63

СОВРЕМЕННОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Е. Н. Этерлей. Л. М. Леонидов о речи актера 67

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ф. П. Сергеев. Подданный. Подданство. Гражданство 74
Ж. Ж. Варбот. Детинец 80
Е. А. Левашов. Застегнутый на все пуговицы 86
Л. А. Мизяева. Во всю Ивановскую 89
В. М. Мокиенко. Драть как сидорову козу 93

СЛОВАРИ

О. Д. Кузнецова. Ценный памятник диалектной речи	102
Р. Э. Порецкая. Моряк-лексикограф А. П. Соколов	107

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Е. С. Отпи. Геральдика и топонимика	110
Т. А. Закачкина. Десяти XVI—XVII вв.	119

ШКОЛА

А. В. Макеев. «Лица высказывают себя речами»	126
П. С. Пустовалов. Подумай и ответь	101, 131

СРЕДИ КНИГ

С. Е. Морозова. М. Г. Булахов. Восточнославянские языковеды	133
В. Ф. Харпалсва. С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской	136

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Фаворит	99
Слово читателям	141
Планетный, планетарный; Арбуз или тыква?	153
В. А. Никонов. О русских фамилиях (Ответы на письма читателей)	157

*На обложке: Музей М. И. Калинина в Москве
Рисунок Б. Захарова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

М. И. КАЛИНИН — мастер устной речи

Всесоюзным старостой любовно называл народ Михаила Ивановича Калинина. Двадцать семь лет он самоотверженно работал на посту президента Страны Советов. «... Мос избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочими

Чем больше живешь, тем глубже познаешь устную диалогическую речь своего народа. На мой взгляд, именно красками устной речи каждая нация пишет свой портрет.

Известный лингвист Н. Ю. Шведова в «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» (М., 1960) утверждает, что глубоко «русская диалогическая речь почти

массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином», — говорил он в 1919 году в «Декларации о ближайших задачах ВЦИК». М. И. Калинин прошел хорошую школу подпольной партийной работы: он был корреспондентом газеты «Искра», кандидатом в члены ЦК РСДРП, руководил партийными организациями Петербурга, Москвы, Тифлиса, Ревеля. 14 арестов и ссылок не сломили мужественного и верного большевика-ленинца. Талантливый сын трудового народа, свое блестящее образование в области истории, литературы, искусства он получил самостоятельно, в результате упорного и каждодневного труда.

Виднейший пропагандист марксизма-ленинизма, яркий оратор и публицист, М. И. Калинин является автором более двух тысяч работ,

не подвергалась изучению». И действительно, устная диалогическая речь нуждается в широком освещении, так как «подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге».

Выполняя задания центральной прессы, я не раз присутствовал при разговорах Михаила Ивановича Калинина с людьми самых разных профессий и возрастов. Меня всегда восхищало слово в диалоге.

Данная статья не претендует на научное разрешение этой проблемы. Я же позволю себе коснуться лишь фактов, которые, на мой взгляд, вносят ясность, каким был диалог с участием Михаила Ивановича.

29 декабря 1945 года, суббота, час дня, Москва, Кремль. Это была последняя, за полгода до кончины, встреча М. И. Калинина с небольшой группой журналистов центральной печати, к которым он всегда относился уважительно. Мы уже были в сборе, когда в приемной открылась боковая дверь, и Михаил Иванович вошел. Сел за стол, приветливо, как всегда, поздоровался с нами, тихо попрощался:

— Товарищ Анисимов, садьте поближе.

Николай Ильич Анисимов, главный редактор газеты «Социалистическое зем-

леделне», ныне «Сельская жизнь», сел рядом справа, на свободный стул, вторично слегка поклонился:

— Здравствуйте, Михаил Иванович.

— Здравствуйте, [кивнул Калинин, и, как бы мимоходом, шутливо, обращаясь только к редактору, сказал]: Сперва не хотел вас принимать: чувствую себя неважно, вижу плохо. Мне уже пора вон туда. [И показал рукой вверх, не вниз, а вверх] Потом решил все же встретиться, а то подумаете — зазнался. Давайте побеседуем полчаса.

Подчеркиваю, эти слова были сказаны только редактору, диалог с ним, короткий, простой, шутки ради, но все присутствующие незаметно для себя уже обрели совсем другое состояние духа, официальную скованность как рукой сняло, всем казалось, что беседа не начинается, а продолжается и так задушевно, будто каждый из нас в близких отношениях с главой государства. Так минутный диалог стал вступлением к большому важному разговору. В этом весь Михаил Иванович: говорит как бы с одним, а зажигает, притягивает к себе, окрыляет всех. И достигается это не только тем, что молвлено, но и тем, как молвлено. Мудрая серьезность и шутливая интонация, скупой жест и добродушность улыбки, простота слова и глубина мысли — постоянные детали калининского диалога.

посвященных вопросам социалистического строительства, коммунистического воспитания, литературы и искусства. Михаил Иванович был большим знатоком народной речи, ценителем образного русского слова. В его статьях и речах — замечания о языке, о культуре устной и письменной речи, суждения о сущности языка, развернутые определения и толкования некоторых слов и понятий.

Мы печатаем статью живущего в городе Калинин писателя П. П. Дудочкина, который по заданиям центральной прессы неоднократно присутствовал при встречах М. И. Калинина с людьми разных профессий: корреспондентами, рабочими, колхозниками, писателями. Автор широко использовал материалы своих записных книжек, а также личные впечатления.

При встречах с журналистами и писателями, рабочими и крестьянами Михаил Иванович обычно не произносил длинных речей, а говорил то с одним человеком, то с другим, то отвечал на вопрос, то сам спрашивал, то есть беседы протекали в диалогической форме. Стиль его устной диалогической речи в некотором отношении напоминает лепинский: та же партийная философская глубина, сила логики, волнующая злободневность, неопровержимость мотивировки. И в то же время нельзя не заметить разницу. Владимир Ильич часто усиливал свой диалог сатирическим мотивом, любил вспоминать выражения и образы произведений классиков литературы — Салтыкова-Щедрина, Крылова и многих других. Михаил Иванович почти всегда дополнял свою речь шутливым словцом, простонародным выражением, прибауткой.

В качестве примера приведу воспоминания крестьянина Смирнова, верхнетроицкого соседа Михаила Ивановича: «Когда из Кремля Калинин в свою деревню приезжал, по вечерам заходил к нам, к друзьям детства. Бывало скажешь: «Уж извини, Михайло Иваныч, чем богаты, тем и рады. Мы-то не знаем, что кому впрок или не впрок, у нас всем еда одинакова». А он: «Крестьянская пища и проста и полезна. Если человек здоров, что в рот полезло, то и полезно».

Обладавший хорошей памятью, Михаил Иванович, встречаясь с кем-нибудь повторно, помнил детали предыдущих бесед, а поэтому весьма интересен с его участием диалог, как вид речи, характеризующийся контекстуальностью, то есть обусловленностью предыдущими высказываниями.

— Сколько сменилось председателей? — спросил Михаил Иванович, когда при встрече с корреспондентами зашел разговор о его родной деревне.

— Двенадцать.

— Дюжина была, а вот дюжего так и не было, — огорчился он, но больше всего гневался на одного председателя, который приехал в Кремль с надеждой получить по знакомству изрядную безвозмездную ссуду. И тут же, продол-

жая разговор, вспомнил свою встречу с тем председателем. Получился как бы диалог в диалоге:— Я сказал напрямик: не получишь. «Советская власть, говорю, у вас есть?»— «Есть»,—говорит. «Устав сельскохозяйственной артели есть?».— «Есть».— «А раз есть, вот и живите, как все!». Правда, потом, признаюсь, дрогнуло сердце, когда узнал, как живут после войны в деревне.

Реплики-повторы, как вид синтаксических конструкций, тоже были часто специфической принадлежностью диалога, как и построения с частицей *вот*, наречиями *так*, *куда*: «Дюжина была, а вот дюжего так и не было», «А раз есть, вот и живите, как все». Иностранные слова в речи Калинина встречались весьма-весьма редко.

Вспоминается еще одна особенность устной речи Калинина. Иногда он не спешил продолжать разговор, наступала пауза, иной раз минутная,— а это очень долго при встрече, да еще на людях,— могло показаться, что он или не хочет участвовать в беседе или ждет, что кто-то скажет за него. Вот разговор с Семеном Шушаковым (московским журналистом):

— Михаил Иванович, есть мнение, нужно узаконить для колхозников более строгие задания по работе: выработает человек столько, сколько задано,— хорошо, не выработает — пусть несет наказание.

Иллюстрируя свою мысль, мой коллега привел пример плохой трудовой дисциплины в одном колхозе. Михаил Иванович слушал сосредоточенно, будто вникал в мысли не только говорившего, но и всех присутствующих. Пауза была долгая-долгая, всесоюзный староста молчал.

— А на трудодень сколько там получают?— спросил министр сельского хозяйства СССР Иван Александрович Бенидиктов.

— Мало,— ответил Шушаков.

— Вот в этом и суть,— сделал вывод министр.

Михаил Иванович поддержал министра утвердительно кивком и, недовольный рассуждениями журналиста, завершил диалог с укором:

— Вы хотите идти в одну дверь, а попадаете в другую. Вы превращаете колхозы в барщину. У вас, выходит, труд принуди-

тельный. Нельзя так! У нас принудительный труд лишь для репрессированных элементов. А для колхозников, на мой взгляд, не должно быть никаких таких законов, о которых вы говорите. Свободный труд — вот настоящее счастье! Он всегда, свободный, прекрасен и выгоден.

У Калинина сразу в одну точку бьет и слово, и жест, и тон. Скажет коротко, а побуждает не только к размышлению, — к действию!

Изучая устные диалоги Михаила Ивановича, нельзя не заметить, что с кем бы он ни разговаривал — с рабочими ли, с крестьянами или с интеллигентами — любой его разговор поучителен для всех, ибо несет в себе элементы коммунистической нравственности. Цель диалога иногда приобретает, на мой взгляд, монологические оттенки; в слове заключалось более обширное содержание, чем способна вместить обычная реплика. И еще существенный момент: несмотря на спокойную повествовательную сдержанность речи, динамичность разговора при этом ничуть не снижается. Диалог с участием Калинина становился порой публицистичным, ибо надо было конкретно ставить точки над «и» при столкновении взаимоисключающих идей. Вот, например, встреча Калинина с крестьянином Смирновым из Верхней Троицы.

Смирнов: — Ладно, пускай будем в колхозе, посмотрим как жизнь обернется. А ты, вот что, Михайло Иваныч, скажи: подле своей-то собственной избы, в огороде да в саду, — тут как будет? Что мужику можно делать, а чего нельзя?

Михаил Иванович: — Нельзя лишь одно: нечестно жить — вот это нельзя. Своими мозолистыми руками, без эксплуатации, без батраков делай, как душа захочет. Яблони или виноград — сажай, пожалуйста. Пчелы завлекли — тоже не возбраняется. Пока что в артели дела ни шатки ни валки, то выход у хороших хозяев может быть один: поставить артель на ноги. А заберет артель силу, от нее, от артели, придут все достатки, все счастье — откуда же иначе?

— Вот тогда сад-огород с пчелами можно побоку! За ненадобностью! — рассудил кто-то, кажется, учитель из местной школы.

Усевшийся на ступеньках крыльца Михаил Иванович проницательно поглядывал на собеседников: одни из них безответно молчали, другие пожимали плечами, робко что-то бубнили себе под нос, третьи возражали: «Как же так — побоку?». Михаил Иванович оживился, потом задумался. — А мне сдается, — сказал он, — сад не помешает на усадьбе. Никогда! Никому! Корова, свинья и овцы, даже куры могут стать помехой в своем личном дворе. Не сейчас, конечно, а когда артель разбогатеет. Просто невыгодно будет возиться с пойлом да с месивом: ведь и молоко, и мясо, и яйца, и все, что надо, можно будет взять в артельной кладовой и в столовой; в любое время в любом количестве. Зато фруктовый сад — попомните, друзья, мое слово! — даже при райской жизни нужен каждой семье, возле каждого дома. Это ж чудо из чудес — сад под окнами! — Кстати, Калинин и при последующих встречах нет-нет да и высказывал сожаление, что в городах и даже в деревнях — «приусадебное садоводство как-то захирело». — Странно получается, — говорил он, пожимая плечами, — это уже во время Отечественной войны при встрече с журналистами, — для поросенка и в городе хлевушек мастерят, а вишни в палисаднике посадить — это почему-то невдомек. Конечно, перво-наперво про хлеб-соль да про щи и кашу люди думают, а потом уже на всякие разносолы человека тянет, но мы же советские, о хорошем завтрашнем дне мечтаем...

Синтаксическая неполнота стимулирующих и реагирующих реплик, разумеется, была в диалогах, но оставалась незаметной, ибо органично компенсировалась за счет предыдущих высказываний.

Слова *вероятно, наверно, на мой взгляд* в устной диалогической речи Михаила Ивановича я слышал не раз, но для меня чаще всего они звучали утвердительно, будто он говорил: «Конечно!». Кое-кому из коллег я признавался в этом; оказывается, они испытывали то же самое. Причина, очевидно, заключалась в психологической убедительности всей реплики или всего диалога. Временами М. И. Калинин не была чужда и резкая категоричность, а когда это было вызвано необходимостью, слово приобретало даже приказной характер. Вот история, которую я старался с максимальной правдивостью записать в Кимрах от ста-

рого большевика Николая Васильевича Шокина, работавшего там до Великой Отечественной войны директором краеведческого музея и заведующим парткабинетом, и от фотографа Владимира Шокина. В двадцатых и в тридцатых годах оба они не раз встречали и сопровождали Михаила Ивановича, когда он со станции Савелово ездил на лошадях в Верхнюю Троицу. Шокинские снимки с эпизодами из жизни Всесоюзного старосты тогда печатались в журналах и газетах, получали премии на международных выставках.

М. И. Калинин случайно оказался участником ссоры, которая разгорелась у дороги. Двоих крестьян, срубивших придорожную березу и увозивших на двух телегах распиленный кряж, настиг лесник. Он остановил подводы, отобрал топоры и стал поворачивать коней. Крестьяне противились, ругались. В эту минуту и поровнялся с ними Михаил Иванович, ехавший со станции Савелово.

Он быстро подошел к ссорящимся, резко спросил: — Что случилось? — И, выслушав, рассудил: — Лесник-то прав — чего распоясался! — Узнав, с кем свела судьба, виноватые замолчали.

Агитаторы и пропагандисты должны отыскивать животворящие зерна русского слова и мысли и нести их народу.

К слову нельзя относиться небрежно. Небрежность в выражениях будет только мешать влиянию агитаторов и пропагандистов.

М. И. Калинин. О некоторых вопросах агитации и пропаганды

Одним из могучих средств развития человека является хорошее знание родного языка. Многие из нас мысль понимают, а вот изложить ее как следует перед другими могут не все. Что это означает? А это означает слабое знание языка. Изучение родного языка — это очень трудная, очень большая задача.

М. И. Калинин. Перед обществом «Долой неграмотность» стоят новые и ответственные задачи

— В волисполкоме составляю акт,— предупредил еще более приободрившийся лесник,— дрова отберу, распилите для школы; и штраф — никуда не денется — заплатите как миленькие.

— И все наказание?— спросил Михаил Иванович, неудовлетворенный, чувствовалось, такими мерами.

Лесник пожал плечами.

— Не сажать же их в кутузку: сеять вот-вот пора.

— Правильно,— согласился Михаил Иванович.— В кутузку не надо. Но посадить три березки вместо одной срубленной — это надо обязательно сделать на этом же месте. Поеду назад через две недели — чтоб были посажены.

Так и появились три березы, где росла одна. А потом, вспомнив об этом диалоге, кимряки продолжали посадки. Теперь у бойкого Ильинского тракта уже большая березовая роща.

У И. С. Тургенева есть слова: «Вести диалог — великое искусство». Михаил Иванович Калинин в совершенстве владел этим искусством.

Диалогический стиль устной речи М. И. Калинина должен стать предметом большого научного исследования.

Петр ДУДОЧКИН

Многие имеют ложное представление, что с крестьянством надо говорить нарочито простым, сладким языком,— глубокая ошибка. Надо писать о вещах, которыми интересуется крестьянин...

М. И. Калинин. Кто смыкает и кто размыкает

Специфически крестьянского творчества нет. Иной говорит, что для крестьянина нужен особый язык, слащавый, приторный. Это сказки. Крестьянин любит самый обыкновенный, хороший, нормальный русский язык... Крестьяне так же говорят по-русски, как и все прочие. Наоборот, кто слабо знает русский язык, тот не умеет говорить по-крестьянски... Если только крестьянин почувствует фальшь в языке, то такая корреспонденция крестьянами читаться не будет ни в коем случае.

М. И. Калинин. О задачах деревенских корреспондентов

Образное слово Константина Федина

В произведениях К. Федина самые обыкновенные, так называемые безобразные слова, служат средством создания образа. Например, в этой роли используются качественные прилагательные, семантике которых свойственны элементы оценки, изобразительности (*капризный человек, нрав; капризное лицо; капризный голос; капризная судьба, река, погода; капризный край*): «Для тех, кто знал эти богатые, но *капризные края*, для коренных саратовцев упругие степные ветра предвещали сухой год» (К. Федин. Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 7, М., 1961), и прилагательные, указывающие на свойства предметов по их отношению к другим предметам, к месту, времени и т. п. (*мусорный ящик, пакет; мусорная яма, тележка; мусорное ведро, тряпье; мусорное самолюбие*):

«Это были протоколы снятых с арестованных показаний, личные документы задержанных, заявления, опросы свидетелей. Иные

дела показались ему ничтожными, возникшими из мещанской зло-сти, *мусорных самолюбий* и наводящих уныние дряг...» (Необык-новенное лето).

Качественные и относительные прилагательные обретают в произведениях К. Федина дополнительные осмысления как следст-вие образного словоупотребления, что является красноречивым свидетельством художественного мастерства писателя.

Можно выделить ряд приемов образного словоупотребления К. Федина.

Изменение предметной отнесенности слова под влиянием ассоциативных связей обозначаемого

Слова, обозначающие признаки-свойства людей, животных, мо-гут выступать как названия свойств неодушевленных предметов. Страсть Мешкова к золотому тельцу обнажается стыковкой слова *льстивый* с существительным *звон* (сравните обычные сочетания: *льстивый человек, льстивая родня, льстивый голос, льстивая речь, льстивая ласка*):

[Извеков]: «— А золото сейчас пересчитаем, составим акт, вы под-пишете.

— И это в вашей воле,— бесстрастно сказал Мешков.

Он только прикрыл глаза и продолжал недвижимо сидеть на самом краю скамьи, будто присел на один миг и сейчас встанет и пойдет. Невозможно было уловить, о чем он думал, но — конечно — он должен был думать и о деньгах, особенно когда в избе заворко-вал их однозвучный *льстивый* звон: Кирилл и Дибич принялись не-уклюже отсчитывать и столбиками расставлять золотые» (Необык-новенное лето).

Победно-одухотворенное состояние Рагозина, чувство лютой ненависти к белогвардейцам, изображается в контексте, где слово *окрыленный* сближается с существительным *глоба*:

«Рагозин, установив локти на палубном поручне, глядел в бинокль. Если бы он мог в эту минуту наблюдать самого себя, он изумился бы скованности своего тела. Широко расставив ноги, пригнувшись, он прогибал тяжестью корпуса металлический прут, на который упирались локти. Иначе, нежели этой натугой всех мышц, нельзя было удержать в повиновении прежде никогда неведомое чувство. Это была *окрыленная глоба*, звавшая его туда, где рвалась на комки и развевалась в золотую пудру земля. Он смотрел и смотрел в далекий светящийся чад, напутствуя этой злобой снаряд за снарядом, летевшие с корабля на вражеские батареи» (Необыкновенное лето).

Взаимоотношение матери и сына после девятилетней разлуки раскрывается посредством сочетания прилагательного *ненасытный* с существительным *разговор*:

«Когда наконец Кирилла появился, во всех их *ненасытных*, хотя и малоречивых *разговорах* был установлен особый строй: Вера Никандровна либо слушала сына, либо отвечала ему. Она как будто продолжала переписку с ним,— он лучше знал, о чем надо и можно было говорить, и если он молчал, значит его не следовало выспрашивать» (Необыкновенное лето).

Имя прилагательное может сочетаться с существительным под влиянием близости признаков, свойств обозначаемого. Так, слово *гипсовой*, обычно связанное с названиями изделий из гипса (*гипсовая маска, повязка*), у К. Федина выступает в сочетании с существительным *улыбка*. Таким образом, сочетание *гипсовая улыбка*, приобретая экспрессивно-оценочный смысл, служит средством характеристики Пастухова, на лице которого в определенных ситуациях появлялась дежурная маска любезности:

«Перед Меркурием Авдеевичем сидел молодой, но из-за полноты и видимой рыхлости тела казавшийся старше своего возраста человек... его рот и щеки приподнимала любезная *гипсовая улыбка*, а глаза совершенно не были связаны ни со спокойствием лица, ни с обязательностью улыбки,— любопытные щучьим любопытством, жадно-холодные глаза. Заглянув в них, Мешков испытал состояние, которое мог бы определить словами: ну, пропал! Но ему было приятно и почти лестно, что вот сейчас *гипсовая улыбка* дрогнет и необыкновенный человек обратится к нему, очевидно, с посвященным разговором» (Первые радости).

В непривычном сочетании имя прилагательное может быть носителем иного смысла, связанного с образной основой контекста. Так, слово *разжиженный*, называющее понятие о признаке, который является менее густым, менее насыщенным, более жидким (*разжиженный* лак, *разжиженная* олифа, *разжиженный* снег, *разжиженная* грязь), осмысливается как расплывчатый, неясный, смутный, неопределенный, безразличный в синонимичном соседстве с прилагательным *туманный*, что согласуется с экспрессивным фоном контекста, дающего представление об актерском мастерстве Цветухина, перевоплощающегося в Барона:

«*Разжиженным, туманным взором* смотрел он перед собой. Складки щек оползли, рот увял, тряслась голова, но на ней, вздрагивая, капризно хохлились реденькие сивые космы, и в этом хохле было и презрение к убогому лику, который он украшал, и уязвленная гордыня несчастливца.

— Пускай говорят: я лстивый раб,— благоговейно вымолвил Мефодий,— но ты, Егор, может быть, даже гений!

Цветухин распрямился перед зеркалом элегантно и заносчиво, сказал негромко:

— Цыц, леди!

— Гений,— тихим дуновением повторил Мефодий и удалился из уборной, подобрав бешмет, смиренно наклонив голову.

Цветухин не заметил его ухода. Пока он менял свое лицо, болтовня с Мефодием развлекала его, потом она стала мешать: он кончал работу над своим превращением у зеркала, и зеркало начинало работу над ним. Измененное лицо убеждало Егора Павловича, что он больше не существует, и Егор Павлович терял свои приметы одну за другой — посадку, сложенье, рост, пока перед зеркалом не поднялся расслабленно Барон — кичливый завсегдашай почтязьки и — кто знает? — может быть, впрямь былой обладатель золоченой кареты с лакеями на запятках.

— Цыц, леди! — еще раз произнес Барон и засмеялся тоненьким рассыпчатым смешком» (Первые радости).

Слово *жесткий*, имеющее значение «твердый, крепкий, плотный, очень сильный» (*жесткая* постель, *жесткий* плащ, *жесткие* руки, *жесткие* волосы, *жесткое* слово, *жесткое* выражение лица, *жесткий* голос), при включении в синонимический ряд слов — *жадный* «падный на что-либо, жаждущий удовлетворения»; *забубенный* «бесшабашный, удалой, залхватский»; *безжалостно-отчаянный* — осмысливается как «беспопадный, крайне суровый, неуправляемый». Это усиливает колоритность изображаемого и у читателя возникает

яркое представление о лабиринте мелких страстишек базарного люда:

«Верхний базар был жестким, жадным, каким-то безжалостно-отчаянным, забубенным. Толпа кишела шулерами, юлашниками, играющими в три карты и в наперсток. Дрались пьяные, ловили и били насмерть воров, полицейские во всех концах трещали свистками. Кругом ели, лопали, жрали...» (Первые радости).

Близкое по значению слово может употребляться в плане приравнения, усиливающего экспрессивную нацеленность авторского «я»; такова роль прилагательного *соблазнительный* при изображении внутреннего мира Мешкова:

«Книга, которую он сейчас усердно штудировал, была самому ему несколько странной, как бы соблазнительной, потому что принадлежала перу нерусского сочинителя, некоему совершенно неизвестному и оттого загадочному отставному полковнику Ван-Бейнигену — то ли фламандцу, то ли голландцу по происхождению. Но, несмотря на чужеземность источника, он убеждал Меркурия Авдеевича не только тем, что был дозволен цензурою еще в роковой девятьсот пятый год (понимала же цензура, что делала), но и неоспоримым родством с тем духом православия, который, повергая Мошкова в умиление, питал его ум пищей наидуховнейшей». (Необыкновенное лето).

Изменение предметной отнесенности слова под влиянием антонимических связей

Так, слово *рыхлый* в значении «вялый, дряблый, пухлый» в антонимичных связях с прилагательным *молодой* может осмысляться как стариковатый, старческий, пожилой, и данное осмысление усиливает колоритность красок при изображении внешнего вида Пастухова, с которым встречается читатель на первых страницах романа «Первые радости»: [Пастухов] «легко нес на себе светлое, цветом похожее на горох, широкое ворсистое пальто, песочную шляпу с сиреневой лентой, и лицо его, чуть *рыхлое*, но молодое, холеное, довольное, было словно подкрашено пастелью и тоже легко и пышно, как пальто и шляпа».

Изменение предметной отнесенности слова как нарушение его привычной сочетаемости

Определяющее слово может отрываться от постоянных связей с целым рядом определяемых слов: в ином словесном окружении у имени прилагательного возникают элементы экспрессии, расширяющие изобразительные возможности слова. Например: слово *безалаберный* в значении «беспорядочный, небрежный, беспечный» сочетается с именами существительными сферы «человек и его по-

стунки» (хозяин, хозяйка, гость, посетитель, семья, семейство, заседание, дежурство, начальство и т. п.); при сближении этого прилагательного с необычным по сочетаемости существительным возникает новое осмысление, используемое К. Фединым в романе «Первые радости» для воссоздания атмосферы затухающего праздника:

«Шел один из последних дней пасхи, когда народ уже отгулял, но улица еще дышит усталой прелестью праздника... Снизу, с берега Волги, пробирались деревянными квартальцами завыванья похмельной песни, которая то сходила на нет, то вдруг всплескивала себя на такую высоту, откуда все шумы казались пустяками — и гармоника с колокольцами где-то далеко на воде, и безалаберный трезвон церкви, и слитый рокот пристаней» («Первые радости»).

Прилагательное *наглый*, употребляемое при аттестации крайне дерзких, бесстыжих, нахальных людей (*наглый* тип, мерзавец, взгляд, тон, поступок и т. п.), сочетается со словом *блеск*, и это используется для обрисовки состояния девочки-босоножки, спасшей для нужд семьи подаренный Цветухиным полтинник:

«Она потеряла о голую коленку полтинник, полюбовалась его *наглым блеском* на солнце, ответила, помедлив:

— Немножко? Ну-ну.

Он взял ее за руку и, с видом победоносца, повел через двор к старой одностворчатой двери» (там же).

Элементы образности возникают и тогда, когда прилагательное включается в смысловые связи с существительными, которые непосредственно не ориентированы на мир «вещных» ассоциаций. Так, слово *нефтяной* обретает оценочно-характеристическую нацеленность в сочетании с именем, не имеющим непосредственного отношения ко всему, что связано с понятием о нефти:

«Они закинули головы и прочитали жестяную ржавую вывеску, висевшую над крыльцом: „Ночлежный дом“. Они медленно оглядели фасад двухэтажного здания, рябую от дождей штукатурку, стекла окон с *нефтяным отливом*, кое-где склеенные замазкой, козырек обвисшей крыши с изломанным водостоком» (там же).

Расширение потенциальной образности слова вследствие ослабления устойчивости лексико-семантических связей

Некоторые прилагательные могут расширять сферу смысловых связей и подключаться к существительным, которые не имеют непосредственного отношения к выражению смысла, реализуемого устойчивым сцеплением слов; так, например, понятие о мраке, тьме реализуется сочетаниями *крошечная ночь*, *крошечный мрак*, понятие о преисподней, аде — сочетаниями *тьма крошечная*, *ад*

кромешный, понятие о сильных мучениях — сочетаниями *кромешная жизнь*, *кромешная мука*, понятие о беспробудном пьянстве — сочетанием *кромешное пьянство*. При изображении душевного состояния Мешкова, не согласного с рабоче-крестьянской властью, слово *кромешный* подключается к существительному *год*: «Внук Виктор иногда стучал во сне то коленкой, то локтем об стену, — забияка, и сны-то у него петушиные! В отца, что ли, — Виктора Семеныча? Тот по сей день хорохорится. Уж, кажется, подрезали крылышки и хвост выщипали, от гнезда ни пушинки, ни прутика не оставили, надо бы стихнуть — так нет! Все чего-то прикидывает да сулит: „Погодите, папаша, погодите!“ — „Чего годить, неугомона?“ — спрашивает Меркурий Авдеевич, — полтора *кромешных* года годим, а только ближе к смерти...». (Необыкновенное лето).

Слово *неизбывный*, ограниченное сочетаемостью с рядом слов (беда, обида, тоска), используется в ином сочетании, обладающем характерологической значимостью: «Маленькая, шустрая, рано состарившаяся, Ольга Ивановна, легко приседавая, бежала с узелком по улице, торопясь отнести заказчице платье... Этим бегом, суетой, труженничеством безустальных рук неугомонная женщина сколько раз вытаскивала семью из ям, куда невзначай сталкивал ее глава дома — Тихон Парабукин — неизбежной своей приверженностью к вину» (там же).

Указанные виды образного словоупотребления — это крупницы, из которых складывается словесное мастерство К. Федина, это выражаемое в художественных произведениях эстетическое познание писателем действительности: «Моя концепция, — подчеркивал К. Федин, — что центром романа является его *цель* (идея, замысел), стало быть, его автор» (К. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1961).

А. Н. КОЖИН

Наша Академия очень много сделала для развития русского языка. Всем ясно, какое огромное культурное значение для народа имеет знание своего языка. Но Россия всегда имела разноязычное население. Русская Академия принимала слабое участие в развитии языков этих народов. Во всяком случае, их изучение шло не в том направлении, чтобы прийти на помощь угнетаемым национальностям.

М. И. Калинин. Речь на торжественном заседании конференции Академии наук СССР, посвященном 200-летию ее существования

ЭПИТЕТ В ПРОЗЕ К. СИМОНОВА

В прозе К. Симонова эпитет занимает особое место. Именно эпитет более всего помогает писателю наглядно обрисовать предмет, создать емкий по содержанию художественный образ. Например, достаточно сказать: «Печку топили *не досыта* даже в блиндаже у командира дивизии» (Солдатами не рождаются), и уже ясно, что было холодно, топлива не хватало.

Эпитеты у Симонова обычно бывают двойные — или синонимичные (*возбужденным* и *счастливым* голосом сказал Сарычев) или противоположные по смыслу (оксюморон): «Заведующая отделением, *очень высокая, сутулая* женщина, похожая на усталого верблюда... положила на стол *большие, чисто вымытые* руки. Лицо у нее было *сочувствующее*, а руки *равнодушные*. Может быть, потому, что они уже ничего не могли сделать» (Солдатами не рождаются). Оксюморон *сочувствующие — равнодушные* подчеркивает усталость людей от войны. Или: «Жена была в каком-то слепом ко всему окружающему самодовольном ощущении собственного благородства. Она *демонстративно покорно* стояла» (Двадцать дней без войны. — «Знамя», № 9, 1972). В оценочных эпитетах, относящихся к жене Лопатина, звучит ирония. Поэтому здесь и сталкиваются противоположные эпитеты — несоответствие между подлинным лицом жены Лопатина и маской, что она носит. Иного характера эпитеты, рисующие дочь Лопатина: «Девочка приехала *растерянная* и *счастливая*... *Понимающе кивнула*... Дочь *счастливо кивнула*...»; «Несколько раз он поцеловал ее в *мокрое, несчастное* лицо, *сел в машину*» (Двадцать дней без войны). Эти эпитеты говорят об искренности чувств дочери Лопатина в противоположность ее матери.

Удвоенные эпитеты, если они синонимичны, поясняют друг друга. Например: «*Шли по холодному, гулкому* коридору»; «*Лопатин ехал в машине* рядом с *недовольным замершим* водителем»

(Гулкий коридор, потому что холодно; недовольный водитель, потому что замерз).

Удвоенные эпитеты разносторонне рисуют предмет изображения, усиливая однородное впечатление о нем, например, в романе «Товарищи по оружию» эпитеты *мертвая, опасная* создают впечатление настороженности, тревожное настроение: «На западе внутри кольца всю ночь била артиллерия, а на востоке за Маньчжурской границей стояла *мертвая, опасная тишина*».

Многие эпитеты у Симонова можно отнести к звуковым или зрительным, создающим определенное настроение в зависимости от содержания образа; например, в новогоднюю ночь по радио люди слушают бой курантов на Красной площади. «Все трое поднялись, и, стоя у стола *навытяжку*, слушали, как в Москве *далеко и громко* падают удары часов» (Солдатами не рождаются). Здесь эпитетами создается ощущение торжественной приподнятости.

А вот чисто зрительный образ: эпитет в сочетании с метафорой делает осязаемым, видимым предмет изображения: «Над сплюсненной снарядной гильзой поднялось *узкое лезвие огня*» (Солдатами не рождаются).

В затишье звуковой образ передает впечатление тишины. Ощущение создается с помощью художественной детали — звука шагов или человеческого голоса, или скрипа колес — от усиления слабых звуков, не слышных в грохоте боя. «Шифровальщик повернулся и вышел, *топоча тяжелыми сапогами*. Эта внезапная громкость отдалась в ушах Львова» (Последнее лето.— «Знамя», № 6, 1970). То, что в обычной мирной жизни было бы не замечено, во время войны кажется непривычным.

Эпитеты у Симонова бывают сложными по конструкции и могут быть окрашены добрым юмором. Например, резкая и прямолинейная сестра Лопатина «по своему самоедскому характеру» сказала, что нуждается в деньгах. «Ничего не поделаешь, такая уж была она — *не подходи — ушибешься* — его старшая сестра Анна Нико-

лаевна, которую с детства любил и боялся» Лопатин. Определение здесь дается в глагольной форме: *не подходи — ушибешься*.

Характеризуя внутреннее психологическое состояние человека и его восприятие другими людьми, писатель останавливает свое внимание на том, как звучит голос человека и какие у него глаза. У Зырянова, пониженного в звании и переживающего свою драму, «голос *сильный* и в то же время *надорванный*, словно не в голосе, а в самом человеке дребезжала невидимая трещина» (Солдатами не рождаются). Контрастность эпитетов *сильный — надорванный* (оксюморон) и сравнение с трещиной звучат трагически. Эта же образная символика — ощущение чего-то разбитого, сломанного, применяется по отношению к Серпилину, когда он сообщает Тане Овсянниковой о смерти своей жены. «Она даже вскрикнула от этих слов и этого голоса — *глухого, усталого, потерянного*. Как будто этот голос только что был где-то высоко-высоко, на горе, и вдруг на глазах у нее упал и разбился на мелкие кусочки».

Облик человека, одержимого страхом — сына Серпилина — также создается при помощи эпитетов: «*Неподвижные, серые* глаза были, как две заслонки, не хотевшие пускать туда, внутрь себя чего-то, чего они боялись». Серпилин вдруг подумал, что есть глаза, которые берут, дают, и есть, которые не пускают (Солдатами не рождаются).

Для изображения внутреннего состояния человека писатель часто использует порой повторяющиеся эпитеты. В романе «Солдатами не рождаются» совершивший проступок Барабанов покушался на самоубийство. В отношении него нарочито повторяются эпитеты: «*мертвый* голос Барабанова», «сказал Барабанов *мертвым* голосом», или того же ряда: «Барабанов откозырял *непослушной, ватной* рукой» (т. е. в его движениях была та же мертвенность).

Постоянный эпитет сопровождает и адъютанта Львова: «За столом, привалясь к стене, подложив под *толстую* щеку *толстую* руку, спал *толстый* полковник» (Последнее лето). Смысл этого эпи-

тста в том, что несмотря на опалу, ничто не меняется в распорядке жизни Львова. Эпитет как бы символизирует неизменность поведения и принципов этого персонажа.

Эпитет может закрепляться и сопровождать человека на протяжении всего повествования, из прозвища становясь как бы его именем. Так, Вячеслав Викторович называет поэта Рубашкина за его неприспособленность к жизни и беспомощность Лопухом. Лопатин же, очевидно запомнивший прозвище, а не имя, так и будет говорить: «Лопух встал, Лопух поздоровался, сказал Лопух» и т. д.

И у некоторых предметов — необходимых атрибутов быта войны — появляются как бы постоянные эпитеты (точнее, — однородные, синонимичные). Ободранная скамейка, у которой «один край отколот так, словно от него щинали лучину»; «расхлябанная за скрипевшая дверь», на которой были «лохмотья драной дерюги, следы звонков, остатки таблички с фамилиями...». «Постучался в постаревшую дверь с ободранной клеенкой» и т. п. Подобные повторения постоянных эпитетов создают особую симоновскую ритмику речи.

Эпитеты в сочетании со сравнениями передают трагизм войны в лирической форме. Так, например, в повести «Двадцать дней без войны» передается скорбь грузинских женщин по ушедшим на фронт сыновьям. «Они молча сидели рядом, чем-то похожие и чем-то непохожие друг на друга. Две грустные грузинские женщины, и у каждой своя грусть. У одной — старая, устоявшаяся и при всей своей глубине и силе все равно уже привычная. А у другой — новая, только что возникшая, режущая, как битое стекло».

Ощущение трагизма войны может создаваться и повторяющимися эпитетами в сочетании с оксюморонами. В повести «Двадцать дней без войны» в потоке мыслей Лопатина о заводе, где он побывал, в его памяти проходят картины, которые автор связывает в единую цепочку воспоминаний. «Память выхватывала только под-

робности, то одни, то другие. Усатое веселое лицо Турдыева... И это же усатое лицо, вдруг состарившееся... И лицо женщины. Лицо, искаженное ужасом... И другие лица — русские и нерусские... И внезапно вспыхнувшее воспоминание о... Сталинграде... где были тоже усталые, тоже русские и нерусские лица...».

Эту же роль играет накопление эпитетов и оксюморон в речи девочки на митинге в Прохладной: у нее был *«ровный, тонкий, хорошо слышимый, мертвенно спокойный»* голос, которым она рассказывала оттуда, с грузовика, как немцы повесили ее отца и мать и как все это было, потому что все это было у нее на глазах. И в том, как она их называла — папа и мама, — этим своим тонким, хорошо слышимым голосом, было что-то невыносимое».

Накопление однородных эпитетов по нарастающей степени, завершающееся метафорическим сравнением, создает впечатляющий образ трагедии войны. Так, в повести изображен митинг в Прохладной, только что освобожденной от фашистов: «Люди, собравшиеся на площади, были *оборванные, истощенные, придавленные* войной, еще не *распрямившиеся* от нее. Такие, словно не только по этому грязному снегу, лежавшему на площади, а по ним самим проехала колесами и прошла ногами война» (Двадцать дней без войны).

Иногда художественный образ у Симонова строится при помощи целого комплекса художественных средств: метафор, сравнений, эпитетов — возникает образ-олицетворение. «Тем временем внутри кольца мы каждый день отрезали от пространства, занятого японцами, все новые ломти *изрытой* окопами... *изъявленной* воронками земли. Окруженную японскую группировку пробовали, как металл, на разрыв и на сжатие. Танкистам приходилось... сутками возиться... из-за одного или двух бархапов, так *перепачканных* артиллерией, что, казалось, на них нет живого места, и однако *продолжавших* отплескиваться минами и пулеметными очередями» (Товарищи по оружию).

В этом отрывке много значащих эпитетов: земля, *перепаханная* и *изрытая* артиллерией, *изъязвленная* воронками. Так строится один образный ряд: работа артиллерии сравнивается с мирной пахотой; другой ряд: сравнение земли, занятой японцами, с хлебом, от которого отрезают ломти; третий: сравнение с работой по металлу, и четвертый: свирепые, но обессиленные японцы продолжают «отплеиваться» минами...

Например, олицетворяются у Симонова и военные машины: «Танки ночью слепы», «Переваливаясь на буграх, броневичок покатился по степи, запылил по дороге на север».

И наконец, у Симонова может быть эпитет использован в качестве каламбура. При этом нужно учитывать особенность эпитета быть омонимом (многозначность слова). Так, например, в повести «Двадцать дней без войны» узбек Турдыев, не зная оттенков значений слов в русском языке, своеобразно отвечает на вопрос, тяжела ли работа в разведке. «Очень тяжелая, говорит, восемьдесят — сто килограмм. Объясняет: «Иногда бывает такой тяжелый попадается, волокешь язык — тяжелый язык». Здесь обыгрывается значение слова *тяжелый* в значении веса человека, так называемого «языка», то есть пленного, которого должен доставить разведчик, и *тяжелый* в смысле 'трудный'.

Многообразен эпитет в художественной прозе К. Симонова: он служит не только одним из выразительных средств при создании художественного образа, но также в какой-то мере влияет и на стиль произведения.

Т. С. ГЛЕБОВА

...Форма, товарищи, величайшая вещь! Кое-кто думает: было бы содержание, а форма не имеет значения. Это чепуха, вранье! Тот, кто хочет общественно влиять... должен стараться овладеть формой. А чтобы охватить форму, надо знать язык. А чтобы знать язык, надо почитать наших классиков, великолепно владеющих языком...

Я советую вам пройти в музей изящных искусств. Там есть толстовская выставка. На этой выставке вы можете увидеть, как писал Толстой. Посмотрите на страницу его рукописи, написанную вначале, и прочтите ту же страницу, переписанную набело. Вы увидите 15—20 вариантов и не найдете почти ни одного слова, написанного вначале. Вот как писали величайшие мастера письма, величайшие знатоки русского языка. А нам, когда мы читаем их, кажется, как все просто написано!

М. И. Калинин. Из речи на IV Всесоюзном совещании рабселькоров

РОМАН-ЭПОПЕЯ «Тихий Дон» — итог многолетней работы автора. М. А. Шолохов обдумывал и выверял каждую деталь романа, подбирал имена для своих героев так, чтобы они выполняли функции художественной, социальной, этнографической характеристики.

Анализ архивных документов 1917 года, относящихся к Верхне-Донскому району Ростовской области, дает основания говорить о том, что в романе «Тихий Дон» представлены фамилии жителей района, где жили герои романа. В «Протоколах участковых комиссий от 16 ноября 1917 года по выбору Учредительного собрания» имеются протонимы фамилий почти всех героев «Тихого Дона» — донских казаков, живущих в этих же хуторах и в это же время. Так, в хуторе Старо-Попове — *Коршунов* и *Майданников*, в Верхне-Вязовом — *Бесхлебнов*, в Нижне-Кривском — *Абнизов*, в Безбородовом — *Анисим Песковатсков*, в Кочетовом — *Крамсков*, в станице Мигулинской — *Мрыхин*, в Варваринском — *Болдырев* и *Бирюков* и целая семья *Мелеховых*, среди которых *Мелехов Григорий Петрович*, *Мелехов Петр Васильевич*, *Мелехова Дарья Ивановна*, *Мелехова Евдокия Матвеевна*. Реальна и фамилия Антипа Бреха — в хуторе Коноваловом — *Брехов Ефим*

**Фамилии
в романе
М. Шолохова
«Тихий Дон»**

Иосифович, в Сетраковом — вахмистр Афанасий *Брехов*, в Чигонацком — Тихон *Брехов*, в Каргине — Митрофан и Иван *Алимовы*. В Верхнем Токине — Михаил *Каргин* и Дмитрий *Ермаков*, в Лебяжинском — *Богатырев*, в Максаевском — *Максаев*, в хуторе Верхне-Грачевском — казаки *Каргин* и *Фомин* Петр, урядник Ерофей Степанов *Зыков*, *Максаев* и *Рябчиков*, в станице Вешенской — *Алимов*, в Яблонском — *Токин*. Помещая данные этого документа, автор статьи не ставит своей целью доказывать реальность прототипов героев «Тихого Дона», помня о предостережении М. А. Шолохова, высказанном им на страницах газеты «Молот» от 10 января 1936 года: «Не ищите вокруг себя точно таких же людей, с точно такими же именами, фамилиями, каких вы встречаете в моих книгах. Мои герои — это типичные люди, это несколько черт, собранных в единый образ». Автора статьи интересует вопрос, реален или вымыслен ономастикон романа-эпопеи.

Соответствие фамилии образу героя — одно из важных художественных средств.

В хуторе Татарском живут *Моховы* и *Коршуновы* — самые богатые люди хутора, хищники, эксплуататоры. Как *мох*, растение, паразитирующее на другом растении, так и *Моховы* живут за счет других, эксплуатируя их и обкрадывая: «В смуглый кулачок, покрытый редким глянцевито-черным волосом, крепко зажал он хутор Татарский и окрестные хутора. Что ни двор — то вексель у Сергея Платоновича». Сыну Мохова рабочий Давыдка говорит, злобно усмехнувшись: «Жила у тебя отец... Скупой страшно. Изпод себя ест». Затхлой плесенью, болотом веет от жизни обреченных купцов Моховых.

Художественная сила фамилии *Коршунов* определяется этимологическим значением восточнославянского слова *коршун* («хищная, коварная птица»). Автор подчеркивает сходство Митьки Коршунова с хищником, ищущим добычу: «Идет Митька, играет концом наборного пояса. Из узеньких щелок желто масляется круглые с наглинкой глаза. Зрачки кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митьки текуч, неуловим». Все время Митька кого-то преследует, издевается, участвует в зверской расправе над подтелковцами и семьей Кошевого. Недаром Мишка Кошевой, разоряя усадьбу Коршуновых, относится к этому так, как если бы он разорял гнездо коршуна. Таких значащих фамилий в романе много.

Прохор *Зыков* — бессменный вестовой Григория Мелехова, ему все время приходится сопровождать и оповещать, звать своего командира. В основе фамилии лежит глагол *зыкать* — «прыгать, звать, горланить, аукать» (В. И. Даль). В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского (М., 1974) эта фамилия отмечена как образование от мирского имени — прозвища: «Зык, Зыков: Зык Обрубов, слуга митропо-

лита, вторая половина XV в., Григорий Иванович Зыков, ключник рязанских князей, конец XV в., Зык Васильевич Кутузов 1545».

Часто целесообразность выбора фамилии подчеркивается контекстом: *«угрюмый, бирючьего вида и бирючьей повадки, Кондрат Медведев, с трудом владевший грамотой, отмалчиваясь на совещаниях, под конец скавал, все так же оглядывая всех: «Подсобить мы Мелехову подсобим...»*. Автор усиливает художественную выразительность фамилии *Медведев* определениями *угрюмый и бирючьего вида и бирючьей повадки* (от донского диалектного слова *бирюк* — 'волк, медведь').

Фамилию *Богатырев* М. А. Шолохов использует в «Тихом Доне» и в «Донских рассказах», по-разному подчеркивая ее внутреннее содержание. В рассказе «Председатель совета республики» встречаются два врага — Богатырев и Фомин: «Попереди атаман ихний, Фомин по прозвищу. Залохмател весь рыжей бородой, физиономия в пыли, сам собою зверский и глазами лупает: — Ты самый Богатырев, председатель?». Для председателя совета республики автор выбирает фамилию, в основе которой лежит слово *богатырь* 'храбрый воин'. В «Тихом Доне» такую же фамилию носит казак хутора Татарского: «Во дворе Архина *Богатырева* — большого старорверской складки старика, служившего когда-то в гвардейской батарее...». Если фамилия Богатырев дана людям сильным, смелым, крепким, то фамилию негативного плана носит «казак с хутора Татарского Максимка *Грязнов* — конокрад в прошлом и горький пьяница в недавнем вчера... беспутный и веселый казак, по всему юрту стяжавший до войны черную славу бесстрашного конокрада».

Этот прием прямого соответствия фамилии художественному образу героя используется писателем и при создании образов коммунистов. Во время казни по-разному вели себя люди перед лицом смерти: одни проявляли малодушие, другие шли молча, а «седой большевик Орлов — тот задорно махал руками, поплевывал под ноги казаков». Автор как бы подчеркивает, что этот человек был храбрым, как орёл. Командир *Лихачев* — смелый, мужественный человек, встретившись глухой ночью в степи с засадой казаков, смело идет им навстречу: «Кто смеет орать? Я — командир отряда карательных войск! Уполномочен штабом Восьмой Красной Армии задавить восстание! Кто у вас командир? Дать мне его сюда!». Попав в плен к белым, он поражает своим мужеством Григория Мелехова. «Лихачев сидел на соломе, зубами развязывал бинт, срывая повязку. Он взглянул на Григория полными кровью, ожесточенными глазами. Белозубый рот его был оскален мучительно, как в агонии, в глазах светилась такая мертвая тоска, что у Григория сон будто рукой сняло. «—Ты чего?— спросил он... — Смерти хочу!» — закричал Лихачев, бледнея, падая головой на солому».

Фамилия Лихачев мотивирована словами *лихач*, *лиховство* — 'ловкость, молодечество'.

Фамилия *Кошевой* — одна из любимых фамилий М. А. Шолохова. В рассказе «Родинка» ее носит главный герой — Николка Кошевой, «командир эскадрона. Землероб. Член РКСМ... 18 лет. О нем говорят: «Мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира, а отец его белый атаман, главарь банды Кошевой». *Кошевым* на Дону и Украине называют кошевого атамана, от *кош* (селение, станица). В «Тихом Доне» эту же фамилию носит Михаил Кошевой — целеустремленный, непреклонный красный атаман хутора Татарского.

Наряду с приемом прямого соответствия внутренней формы фамилии характеру действующего лица использован прием контраста: внутренняя форма фамилии противоположна по содержанию характеру художественного образа.

Казак *Лагутин* служит под командой Листницкого. Фамилия Лагутин от прозвища *лагутка* 'дурачок, притворяющийся дурачком, простаком' (см. А. Миртов «Донской словарь», 1929). Фамилия с явно сниженной внутренней формой, но носит ее весьма незаурядный человек: «У Лагутина из-под фуражки гладкие зачесы волос, на пухлых щеках неровно куделилась бородка, *умные с хитринкой глаза* сидели глубоко, прикрытые выпуклыми надбровными дугами...». Важная деталь — *умные с хитринкой глаза*. «*Простой с виду, постный*, — подумал Листницкий, — *а что у него за душой?*». И далее в диалоге раскрывается, что уж очень непрост, а политически зрел и опасен для всех листницких казак-бедняк, понимающий сущность классовых интересов и умеющий отстаивать их.

Иногда автор совмещает оба приема: соответствия и контраста: «Веселая сердцевина всей сотни Гаврила *Лиховидов* — казак редко *зверского вида*, известный тем, что постоянно и *безропотно сносил побои семидесятилетней старухи матери и жены — бабы неказистой*». Внутренняя форма фамилии Лиховидов (лихой вид) соответствует внешнему облику ее носителя, но противопоставлена его поведению.

Форма фамилий служит средством социальной характеристики: фамилии на *-ский*, *-цкий* принадлежат лицам дворянского происхождения или представителям социальной верхушки: *Вороновский* («Я в прошлом — дворянин по происхождению, командую в Красной Армии Сердобским полком... Штабс-капитан»), *Высоцкий* («Высокий марковец, с погонами на синей бекеше, с аккуратно

бритыми английскими усиками»), *Листницкий* (донской помещик, генерал).

Сильное противодействие формированию на Дону фамилий на *-ский* оказывал социальный фактор: чешско-польские фамилии на *-ский* принадлежали представителям высшей дворянской знати. Это был противодействующий фактор, усиливающийся тем, что в основе деления населения на Дону было не только сословное деление, но и ранговое, поддерживаемое военизированным положением территории Дона. Анализ архивных документов XVIII—XIX веков подтверждает это. Представители высшей казачьей знати стремились закрепить свои фамилии в форме на *-ский*: Африкан Богаевский. Фамилия же простого казака из этой же станицы Богаевской имела форму на *-сков*: Богаевсков.

Фамилии простых казаков хутора Татарского часто имеют суффиксы *-ов*, *-ев*: Харлампий Ермаков, Петр Богатырев, Платон Рябчиков, Кирилл Громов, Михаил Иванков, Прохор Зыков, Егорка Жарков, Емельян Groшев, Борис Белов, Митька Коршунов, Григорий Мелехов; *-овсков*, *-евсков*, *-цков*, *-сков*: Бодовсков, Раздорсков, Маныцков; *-ин*: Каргин, Сулин.

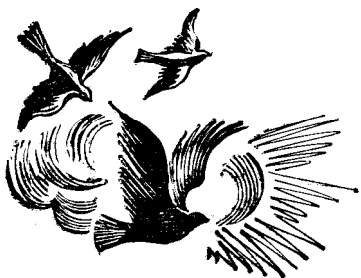
По своему происхождению фамилии донских казаков в романе разделяются на две группы: общерусские и донские. Фамилии общерусского типа, как правило, образуются от прозвищ или имен при помощи суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин*.

Под влиянием общерусского типа на Дону сложилось два основных типа донских фамилий: фамилии, в которых производящая основа — донские диалектные слова (*чекомас* — окунь, *сула* — рыба, судак; *карга* — ворона, *бирюк* — волк, домовый, бычок; *атарщик* — пастух, *болдырь* — метис, помесь русского и татарина). Образованы эти фамилии по общерусской антропонимической модели, при помощи суффиксов *-ов*, *-ин*, *-ев*: Чекамасов, Сулин, Каргин, Бирюков, Атарщиков, Болдырев. Второй тип донских фамилий составляют фамилии на *-сков*, *-цков*, *-овсков*, *-евсков*: Раздорсков, Маныцков, Топольсков, Бодовсков.

Исследователь донской антропонимики Л. М. Щетинин (см. «Имена и названия». ИРУ, 1968) отмечает, что фамилии на *-цков*, *-сков* восходят к историческим местным прозвищам, указывавшим на происхождение их носителей из какого-либо населенного пункта, расположенного на Дону. Эти прозвища — исторические свидетельства миграции населения в пределах Донской области.

Таким образом, фамилии романа «Тихий Дон» отражают типы фамилий, распространенных на Дону, и служат ярким средством художественной характеристики действующих лиц романа.

В. В. ГРОВОВА
Ростов-на-Дону

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ХУДОЖЕСТ- ВЕННОМ ТЕКСТЕ

Поэтическое произведение представляет собой замкнутую словесно-художественную структуру. Лингвистический анализ позволяет увидеть в ней сложное скрещение различных в историко-литературном плане речевых пластов, нередко — сложную систему их сопоставлений и противопоставлений. Выразительность стихотворения, его художественный эффект во многом зависят от появления органиче-

ского единства генетически разнохарактерного, стилистически неоднородного материала.

Не последняя роль при этом принадлежит тем элементам в тексте стихотворения, которые позволяют увидеть связь или соотнесенность поэтического произведения с литературой прошлых эпох (эти элементы иногда называют отсылочными) и, одновременно, обнаружить смысловые и стилистические изменения, которые претерпевает слово в данной художественной структуре.

Для выяснения роли слов и словосочетаний, являющихся своеобразными отсылками к литературе прошлого, то есть к литературной или собственно стихотворной традиции, обратимся к стихотворению Б. Слуцкого «Расширенное воспроизводство поэтов» (сб. «Доброta дня». М., «Современник», 1973). Вот текст этого стихотворения, о взаимоотношениях поэта с теми, кто учится поэтическому мастерству.

Ничего по своему
образу, подобию.

Ты не бог,

а педагог.

В соответствии уму,

и его и своему,

искорки готовые

раздуваешь в огонек.

Он из глины не возник —
ученик,

рыжий или черный.

В нынешний двадцатый век
он такой же человек,
только неученый,

Ты его не выловил —
он сам пришел к тебе.
Ты его не вылепил,
и в его судьбе
ты не бог,
а педагог.
Ты ему помог,
как мог.

Он записывает за
тобою советы.
Он глядит тебе в глаза
преданно за это.
Но он спину разогнет!
Школьничества сладкий гнет
с наслажденьем сбросит,
совета — не спросит.
Ты — ступень,
а он — ходок.
Ты не бог,
а педагог.
Знай, сверчок,
свой шесток:
ты не бог,
а педагог.
Не преграда,
не порог,
просто — путь-дорога!
Ты не бог,
а педагог.
Ты похлеще бога.

В стихотворении отчетливо выделяются несколько групп слов, не нейтральных для поэтической речи. Их выделение небезразлично, поскольку «выразительность речи может быть дана и помимо значения слов; слова могут быть важны и помимо значений, как несущие на себе другую выразительную функцию речевые элементы», так как «слово окрашивается той речевой средой, в которой оно преимущественно употребляется» (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965).

В первую группу входят слова, связанные с одним из

образов библейской мифологии и, следовательно, вводящие в поле зрения читателя древнейший источник книжной речи: по своему образу, подобию, бог, из глины, вылепил. В литературном языке каждое из слов этой группы стилистически нейтрально. Но если говорить об окраске слов, связанных единством образной основы, то следует отметить на них экспрессивный отпечаток «книжности».

Вторая лексическая группа связана с традиционным для поэзии образным представлением жизни как пути или движения по этому пути и, соответственно, человека — как путника, того, кто проходит путь: *путь-дорога, ходок, ступень, преграда, порог*. Эти стилистически нейтральные в литературном языке слова включают в число читательских ассоциаций традиционно-поэтические представления и их наиболее типичные языковые воплощения в литературе: *путь жизни; проходить жизненный путь, идти по жизненной дороге; чей путь усыпан цветами, тернист и под*.

Третью лексическую группу составляют слова и словосочетания, используемые преимущественно в газетно-публицистической литературе: *расширенное воспроизводство, в соответствии чему, двадцатый век, педагог, разогнуть спину, сбросить гнет чего, школьничество*.

Лексика четвертой группы связана с народно-поэтическим и народным источником. В нее включаются измененная по словица *знай, сверчок, свой шесток*, просторечная форма сравнительной степени *похлеще*, разговорно-экспрессивная форма сочетания *раздувать искорки в огонек*.

Как взаимосвязаны, подчинены друг другу эти различные элементы художественного текста? Каким образом создают они единое художественное целое?

Первые две из названных лексических групп характеризуются в литературной традиции экспрессивно-стилистическим звучанием, зависящим от их связи с образом — высоким или поэтическим; третья, вводящая книжный источник речи, в целом не противопоставлена первым двум в стилистическом отношении, хотя и включает в себя экспрессивно неоднородные единицы. Ср., например, единицу деловой речи *в соответствии чему*, научной речи — *расширенное воспроизводство* и торжественно-риторическое сочетание *сбросить гнет чего*. Экспрессивная же окраска слов четвертой группы, напротив, противопоставлена остальным в поэтической традиции. Именно поэтому ее взаимодействие с лексикой других групп наиболее существенно для выяснения стилистической функции традиционных элементов в дан-

ном художественном тексте.

Художественная выразительность и стилистическое своеобразие стихотворения определяются не только отбором речевого материала из всего многообразия национального языка, но и способом его организации в тексте. Последний позволяет автору усилить, «оттенить» или ослабить, «сгладить» ощущения экспрессивных качеств и стилистических свойств отдельных слов. Это прежде всего касается соотношения традиционно-книжных и народно-разговорных слов в тексте, то есть объединения по-разному стилистически и эмоционально окрашенных слов.

Композиционная схема стихотворения такова: заключающий в себе смысловое противопоставление, выделенный пятикратным повторением в тексте и, следовательно, весьма существенный в плане содержания рефрен *ты не бог, а педагог* последовательно, от строфы к строфе, как бы раскрывает свой смысл. Это раскрытие сопровождается параллельным опровержением библейской легенды и, следовательно, намеренным снижением самого образа: *ничего по своему образу, подобию; он из глины не возник...; ты его не вылепил*. В результате существительное *бог* постепенно освобождается автором от библейской окраски, от того запаса смыслов и литературного

ореола, которые оно приобрело в литературной традиции; слово как бы снижается, «заземляется». Этот процесс завершается решающим утверждением конечного стиха — *ты похлеще бога*. Здесь просторечное *похлеще*, выделенное положением в концовке стихотворения, оказывает стилистическую, то есть собственно языковую, поддержку освобождению слова от устойчивых в поэтической речи экспрессивно-оценочных свойств.

Аналогичные изменения характеристики слова под влиянием контекста происходят и со словами — элементами устойчивых образных представлений в поэтической традиции. Так, существительное *ходок*, народно-поэтическое словосочетание *путь-дорога* (во второй лексической группе) представляют собой по существу экспрессивно измененные варианты обозначений, традиционно закрепленных за образным представлением: жизнь — путь, человек — путник. По функции в тексте стихотворения это новые синонимы в ряду широко известных словесных воплощений старого образа. В самом деле, существительное *ходок* соотносится по смыслу с традиционными в поэзии *путник*, *странник* (ср. у Одоевского в элегии «Что вы печальны, дети снов...»: «Зачем земли он *путник* был...// И до могилы жизни бремя, // Как дар без цели,

донесут // И сбросят *путники* земные»; у Батюшкова в стихотворении «К другу»: «*Минутны странники*, мы ходим по гробам, Все дни утратами считаем»). Но слово *ходок* и существенно отличается от них, его отличие — в большей стилистической сниженности, возникшей, по-видимому, под влиянием экспрессивной окраски других значений слова *ходок*: ср. *ходоки от крестьян*; *ходок* (в просторечии) — «ловкий человек». На подобную возможность указал Б. В. Томашевский, отметив, что «часто слово в одном его значении стилистическую окраску получает от его употребления в другом значении» (Б. В. Томашевский. Пушкин. II. М.—Л., 1961). Существительное *ходок* отличается и отсутствием ореола литературности, поэтичности, характерного для слов *путник*, *странник* в приведенных примерах.

Парное синонимическое словосочетание *путь-дорога*, имея народно-поэтическую окраску, также является экспрессивно-стилистическим новшеством в ряду высоких символических обозначений жизненного пути человека *путь*, *дорога*, *стезя*. Ср. в поэтических текстах, например, у Пушкина: «Мой *путь* уныл Сулит мне труд и горе Грядущего волнуемое море» (Элегия); «Прости, печальный мир, где темная *стезя* Над бездной для меня лежала...» (Элегия); «Глупец кри-

чит: *куда? куда? Дорога здесь.* Но ты не слышишь, Идешь, куда тебя влекут Мечтанья тайные...» (Езерский). Стилистическая окраска сочетания *путь — дорога* сближается в тексте с соответствующей окраской слова *ходок*. Оба эти элемента как бы сливаются в едином звучании с измененной поговоркой: *знай, сверчок, свой шесток* (ср.: Всяк сверчок знай свой шесток), которая является сигналом народнопесенного стиля, воспринимается как фольклорная реминисценция, передающая тексту стилистическую окраску своего народного источника.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что все эти лексические элементы в их сниженном варианте (по сравнению с литературной традицией) связаны как между собой, так и с другими сниженными элементами текста: просторечной лексикой (*похлеще*), эмоционально-оценочными образованиями разговорного характера (*искорки, огонек*), а также конструктивно подчинены стиховой интонации, ритму, вплотную приближающемуся к песенно-прибаутчному:

Ты — ступень, а он — ходок.
Ты не бог, а педагог.
Знай, сверчок, свой шесток:
ты не бог, а педагог.

Становится понятным это единство стилистического восприятия текста, как факта эс-

тетического, единство, рождающееся из взаимодействия различных речевых фактов. Вспомним, что и Ю. Тынянов отмечал: «Если исчезает ощущение взаимодействия факторов... — стирается факт искусства; оно автоматизируется» (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка).

Наблюдение над использованием традиционных средств в стихотворении Б. Слуцкого позволяет вскрыть речевой «механизм» своеобразной полемики его автора с традицией классического стиха, точнее — с использованием в нем высоких в истории поэзии образов, представлений и соответствующих им речевых средств. Существо полемики в том, что в результате отбора и комбинации этих средств их прежнее экспрессивно-стилистическое звучание приглушается, снижается. Это не исключает существования самой традиции в качестве затекстовой параллели, того фона, на котором воспринимаются рассматриваемые элементы текста.

В заключение заметим, что стихотворение «Расширенное воспроизводство поэтов» характерно для творческой манеры Б. Слуцкого, одной из своеобразных черт которой является использование стилистически неоднородных и по-разному отыслочных слов и словосочетаний.

Н. Н. ИВАНОВА

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ПЕРЕВОД

Русский язык, оказывая благотворное влияние на языки народов СССР, непрерывно развивается, впитывая все лучшее и своеобразное из этих языков. Национальные культуры, углубляя самобытность, чему в нашей стране уделяется огромное внимание, убыстренно развиваются благодаря их взаимовлиянию. В этом развитии активная роль принадлежит русскому языку как языку межнационального общения. Лучшие произведения всех литератур народов СССР переводятся на русский язык. Число художественных переводов из года в год увеличивается. Перед издательствами и переводчиками стоит неотложная задача повышения качества переводов. Многие мастера слова национальных литератур обеспокоены состоянием переводческого дела (см., например, ответы на анкету «Русской речи» Африкана Бальбурова из Бурятской АССР и народного писателя Азербайджана Мирзы Ибрагимова. — «Русская речь», 1973, № 1). Переводческому делу большое внимание уделит VI съезд писателей нашей страны. В докладе первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. М. Маркова сказано: «Необходимо всеми мерами поднимать значение переводческой работы, отвечать за нее не формально, а по существу, как за дело, от которого во многом зависят судьба нашей советской культуры, интернациональная духовная жизнь нашего советского общества» («Литературная газета», 23 июня 1976).

Переводчик должен сохранить стиль произведения и национальный колорит. К. Федин писал: «Слагаемых стиля много... Но основой стиля, его душой является язык.

Это — король на шахматной доске стиля. Нет короля — не может быть никакой игры. Нет языка — нет писателя» (К. Федин. Записная тетрадь). Перед переводчиком встает сложная задача — решить, какое национальное слово надо сохранить, а какое можно перевести русскими средствами. Да и последнее сложно. «Прежде чем начать переводить „Поднятую целину“, — писал чешский мастер художественного перевода Богумил Матезиус, — мне пришлось научиться пахать, чтобы точно представить себе технику этого. Одно слово, например, я искал несколько недель: мне нужно было узнать, как называется конец поля, где плуг поворачивают в другом направлении, причем узнать не как это теоретически называется, а как это в действительности называется в деревне» (сборник «Михаил Шолохов». Изд-во ЛГУ, 1956).

Сохранить в переводе надо слово с особым смысловым объемом и стилистической окраской, которое только одно и может передать подлинную суть и красоту изображаемого в оригинале, его глубину. Эта задача, естественно, по плечу только переводчику-художнику.

Знакомство с языком переводов художественных произведений литератур народов Северного Кавказа на русский показывает, что речевая культура многих из них на высоком уровне. Если перевод кабардинского эпоса «Нарты» (М., ГИХЛ, 1957) удовлетворит читателя, то этого нельзя сказать о языке всех переводов. Эпос переведен квалифицированно, с сохранением национального стиля фольклорного повествования и колорита изображаемого. В специальном приложении (словаре) дается пояснение сорока четырех слов, многократное употребление которых в различных сказаниях передает специфику и своеобразие этого прекрасного эпоса. Например: *Альп* — сказочный конь; *Исны* — сказочное племя карликов; *Кафа, кафа-удж* — народные танцы; *Сано* — напиток нартов и т. п. Многие слова поясняются в самом тексте; в сказании «Сосруко и Адиюх» читаем: «В самую темную ночь... протягивала в окно Адиюх свои руки, льющие свет, и темная ночь обращалась в сверкающую, лунную, а пасмурный день — в яркий и солнечный. Оттого и звалась эта нартская женщина именем *Адиюх*, что означает — *Светлорукая*». Сохранение слова подлинника национального художественного произведения при его переводе на русский язык обуславливается

столько же семантикой, сколько и теми наслоениями социального порядка, которые оно обрело в своей конкретной национальной среде. Академик В. В. Виноградов отмечал: «Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание „кусочка действительности“ и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху...» (В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов.— «Вопросы языкознания», 1953, № 5).

В сборнике «Песни живших до нас. Из народной поэзии кабардинцев и балкарцев» (Нальчик, Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1966) Н. Гребнев перевел 49 кабардинских и 70 балкарских народных песен, собранных сотрудниками Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в течение долгих лет. На первых страницах даны куплеты-песенки «Истины» (двустихия и четверостишия). О том, что они кабардинские, читатель узнает лишь из оглавления. Правда, в двух песнях находим всекавказское слово *джигит*, а в одной — «бродячее» слово *арба*.

В книге (более 170 страниц стихотворного текста!) нет приложения-словаря и ни одной сноски, в которой пояснялось бы то или иное слово. Даже некоторые национальные слова в тексте без пояснений вызывают у читателя недоумение. В песне «Купса» русский читатель узнает только об экспрессивности названия песни из двух куплетов «Купса, моя купса, Это не меня ли Купсой, длинной купсой Господа прозвали» и «Братья, суждено ли Мне дожить до воли? Вольного едва ли б, Купсою назвали б!». Ясно, что название раба *купса* употребляется господами в презрительном смысле, а что оно означает — «длинная верхушка шапки», понять нельзя. Не дает ничего узкий контекст и вся книга для понимания слов *дуней* (Нартская песня), *Адиюх* (Песня об Адиюх), *сохста* (Песня об украденных калошах) и других. Читатель обязательно должен знать, что слово *дуней* имеет значение «мир, вселенная; жизнь, свет»; *адиюх* — «светлорукая героиня нартского эпоса»; *сохста* — «ученик духовной школы».

Не должны бы вызвать нареканий строки из стихотворения балкарского поэта Сафара Макитова «Осень», переведенные В. Цыбиным (Сафар Макитов. Синие горы. М., «Сов. Россия», 1968); «Сам председатель Доволен Мусою:—

Праздник в бригаде Отметим бузою!..». Переводчик сохранил слово *буза* (хмельной напиток), но в русском языке есть просторечное слово *буза* с другим значением: 'скандал, шум, беспорядок', на что указывают толковые словари современного русского языка: «Толковый словарь русского языка», под редакцией Д. Н. Ушакова; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова; Словарь русского языка в 4-х томах. В данном контексте побочные ассоциации, вызываемые этим значением слова *буза*, могут свести на нет авторский замысел.

Глубокая художественная целесообразность требует сохранения того или иного слова оригинала в переводе. Вот это и побудило переводчика А. Седугина в одной лишь главе «Свадьба» (четыре страницы текста) поэмы «Люди передового колхоза» в книге черкесского поэта Хусипа Гашокова «Свет в горах» (Черкесск, Облиздат, 1952) сохранить десять слов национального оригинала:

Словно лунное светило
В чистой майской синеве,—
Мурзият лицо открыла,
Дыше-пиа¹ на голове.

Не идет лицо скрывать ей,
На плечах лежит лёдан².
В длинном, шитом шелком, платье
Стал еще стройнее стан.

Мурзият сейчас подобна
Легендарной Тхаухуд³.
За нее со словом добрым
Радостные гости пьют.

На этой же странице в сносках поясняется: 1) *дыше-пиа* — национальный свадебный женский головной убор, красиво расшитая золотом и серебром атласная шапочка; 2) *лёдан* — шелковый шарф, которым по старым черкесским обычаям закрывалось лицо невесты; 3) *тхаухуд* — легендарная красавица, фея. Подобные пояснения даны и другим словам. Своеобразная картина черкесской свадьбы предстает перед читателем во всей своей силе благодаря тому, что приведенные черкесские слова передают специфический колорит изображаемого.

Сохранение в тексте перевода слов языка оригинала обусловлено их значением и специфическим ореолом, воссоздать которые в художественном произведении невоз-

можно средствами другого языка. В язык русских изданий (переводных и оригинальных, многие представители национальных литератур пишут свои книги на русском языке) произведений литератур народов СССР входят слова всех национальных языков.

Освоение иноязычных слов замедляется часто из-за отсутствия их единого написания. Например, А. Леонов при переводе с ногайского повести «Полноводная Тазасу» Суюпа Капаева сохраняет для обозначения понятия 'омоение перед молитвой' слово оригинала: «В полдень бабушка наливала воду в медный кумган.. и совершала *аптес*» (Черкесск, Ставропольское книжное изд-во, 1966). В переводе же Г. Московской повести «Юсан» этого же автора находим: «[Отемпс] Завернув рукава шепкена и сняв чарыки, сделал *абдес*» (Очаг. Повести и рассказы. М., «Советский писатель», 1969).

В произведениях ногайских писателей часто сохраняется слово, обозначающее 'низкий столик на трех ножках': «Тем временем Эркехан, жена Байшоры, внесла *супру*, поставила ее посередине комнаты, подвинула к ней низкие табуреточки...» (Ф. Абдулжалилов. Бурный поток. Перевод И. Чумака. Черкесск, Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960). В повести С. Капаева «Полноводная Тазасу» встречаем: «Обстановка — самая простая: старая деревянная кровать, сколоченный из досок топчан, небольшой круглый *сыпра*...» (перевод А. Леонова), а в переводе Г. Московской повести «Юсан»: «Шабан поставил на *сыпыра* бутылку». В переводе Н. Свирина и С. Никулина повести Фазиля Абдулжалилова «Когда приходит весна» читаем: «Он сел на табуреточку, подтянул к себе *супра*, вытягивая его из-под топчана» (Ставрополь, Ставропольское книжное изд-во, 1972).

Как видим, слова даются в разном написании: *аптес* и *абдес*; *супра* — в издании 1960 года склоняемое слово женского рода (эта форма, видимо, наиболее верна для русского языка), а в последующие годы оно несклоняемое и имеет иной грамматический род.

Упорядочение написаний такого рода слов других языков так же необходимо, как и соблюдение единых правил орфоэпии, норм русской речи вообще.

И. Е. ГАЛЬЧЕНКО,
доцент Северо-Осетинского
университета

СОСРЕДОТОЧИВАТЬ

И

СОСРЕДОТАЧИВАТЬ

При образовании глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*) с корневым гласным *-о-* в одной группе глаголов происходит чередование и замена *-о-* на *-а-*, в другой чередования не происходит и сохраняется корневой гласный *-о-* или наблюдаются колебания в зависимости от разных условий употребления. Если в глаголе совершенного вида ударение падает не на корневой гласный, то в парном глаголе несовершенного вида современной литературной норме соответствуют образования с *-а-*: *выработать* — *вырабатывать*, *выпорхнуть* — *выпархивать*, *затормозить* — *затормаживать*, *притормозить* — *притормаживать*, *засорить* — *засаривать*, *настойть* — *настаивать*, *обглодать* — *обглаживать*, *опростать* — *опрастывать*, *притоптать* (ср. аналогичные образования с приставками: *затоптать* — *вытоптать*) — *за(вы-, при-)таптывать* землю (но *притопывать* каблуками), *подбодрить* — *подбадривать*, *просочиться* — *просачиваться*, *приволочь* — *приволакивать*, *приноровить* — *припоравливать*, *под(от-, вы-, за-)точить* — *подтачивать*, *прострочить* — *прострачивать*, с(вы-, по-) *хлопотать* — *схлопатывать*, у(под-) *коротить* — *укорачивать*.

Это правило в настоящее время в русском литературном языке не знает исключений. Даже те формы, которые рекомендуется во избежание омонимии употреблять с корневым *-о-*, сейчас иногда употребляются с *-а-*: *насоливать*, *обессоливать* (*солить*) — «Предусмотрены меры для ликвидации опасных примесей, методы обессоливания воды...» («Правда», 1972, № 135) и «Здесь почвы на орошении быстро *засаливаются* и становятся непригодными для сельскохозяйственного производства. Такие бросовые поля обваливаются, заливаются водой и получается пруд, в который запускают **летков** карпа. После трех-четырех лет эксплуатации поля в качестве пруда почвы *рассоляются*» («Известия», 12 ноября 1972). Распознаются также формы *сплачивать* (сов. вид *сплотить*: «Молодежь

Африки *сплавивает* свои ряды»), но *обесплочивает* (от *обеспло- тить*): «Эту женщину я, вероятно, не увижу больше, и не надо ви- деть, ни мне, ни ей неприятно, она „обесплочивает“ мои страсти, бросает их в небеса своими саксонскими глазами» (А. Блок. Днев- ник 1911 года).

Если же в глаголе совершенного вида ударение падает на кор- невой гласный, то в парном глаголе совершенного вида чередования не должно было бы происходить, то есть корневой гласный *-о-* со- храняется. Эта норма закрепились в русском литературном языке еще в XVIII веке и продолжала упрочиваться и в начале XIX века. У писателей и поэтов отмечалось преимущественное употребление глаголов с корневым *-о-*. Так, у Державина встречаются формы *обработывать, обстроить, расстроить, удобривать* и подобные; у Карамзина — *присвоивать, настраивать*; у Пушкина — *разрабо- тывать*: «Турецкие пленники *разработывали* дорогу» (Путешест- вие в Арзрум), *успокоивать*: «...предосторожностью *успокоивал* он свою недоверчивость ко всем...» (Дубровский), *оспоривать*: «И не *оспоривай* глупца» (Памятник), *присвоивать*: «По крайней мере он, каждый час *присвоивая* себе новые права, всякой раз говорил мне о своих чувствах...» (Пушкин, Роман в письмах).

На протяжении XIX века в русском литературном языке шел медленный процесс замены и вытеснения форм с корневым гласным *-о-* формами с *-а-*. Однако в небольшой группе глаголов традицион- ная литературная норма прошлого века действует и до сих пор: *наморщить — наморщивать* (лишь изредка употребляется вариант с *-а-*: «Временами, поддакивая и *намарщивая* небольшой лбишко, ковырял он ложкой яичницу, посапывал и молчал». Л. Леонов. Барсуки), *озаботить — озабочивать*, *отсрочить — отсрочивать*, *просрочить — просрочивать*, *опозорить — опозоривать*, *опошлить — опош- ливать*, *пришпорить — пришпоривать*, *прихотить — прихочи- вать*, *приневолить — приневоливать*, *упрочить — упрочивать*.

Некоторые образования на *-ива-* сейчас вышли окончательно из литературного употребления. Так, используются только формы *ознакомлять, оформлять, ускорять, оздоравливать, утолщать*, а не их старые соответствия, типа *оформливать, ознакомливать, ускоривать*.

Тенденция к замене *-о-* на *-а-* в глаголах несовершенного вида, действовавшая в литературном языке в XIX и особенно в XX веке, оказалась такой сильной, что со временем охватила почти всю эту группу глаголов. Сложилась новая литературная норма. История развития в соотношении форм шла не скачками, а постепенно и на первый взгляд даже малозаметно. Вследствие влияния грамматиче- ской аналогии в орбиту действия новой формы глаголы втягивались исподволь, слово за словом, хотя в группах однокорневых слов

книжные варианты заменялись разговорными, примерно, в одно и то же время.

Ряд глаголов, у которых еще в начале XX века зарегистрированы формы с *-о-*, теперь употребляются только с *-а-*, а прежний вариант воспринимается как искусственный и устарелый. Такова, например, группа префиксальных образований от глагола *трогать* (*ся*) — *до(при)трогивать(ся)*, *затрсгивать*: «Старуха перестала бояться... и, *догтрогиваясь* до его колена, принялась рассказывать о тяжбе своей с крестьянами» (А. Н. Толстой. По пути); «Сергейч кивает иностранцу: — Благодарю вас. Иностранец в ответ *притрогивается* к шляпе» (Федин. Похищение Европы); «Вот некоторые из сторон, *затрогиваемых* нашим журналом» (журнал «Смехач», 1924, № 1).

Академик С. П. Обнорский о формах на *о* и *а* писал так: «Если обратиться к последующей истории нашего литературного языка, если учесть также показания диалектной речи, мы встретимся с той же картиной длительного использования в языке разновидности форм с корневым гласным *о* и с очень медленно проявляющейся струей замещения последних форм новой их разновидностью с корневым *а*, причем в большинстве случаев новые варианты глаголов с корневым *а* не вытесняют полностью из языка их предшественников, формы с *о*, а употребляются параллельно с ними» (С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953). Однако составители словарей, предписывающих правильное употребление в начале XX века, не разрешали многие параллельные формы с *-а-*. Так, в словаре В. Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» (Варшава, 1909) рекомендовались к употреблению формы *облагороживать*, *притрогиваться*, *усвоивать*, *присвоивать*, *успокоивать*, *удостоивать*. Параллельные формы с корневым гласным *-а-* зачислялись В. Долопчевым в разряд неправильностей. Запреты не оказали влияния на историю этих форм: разговорные варианты стали со временем нормативными.

К нашему времени форма с *-а-* утвердилась в следующих глаголах: *за(об-, при-, под-, вы-, раз-, с-, от-)рабатывать*, *за(при-, под-)готовливать*, *за(об-, от-, на-, при-, под-, у-, пер-, вы-, рас-)страивать*, *о(при-, у-)сваивать* (хотя еще в 20-е годы можно встретить глагол *освоивать*: «Попавшие в этот новый мир сначала недоумевали, потом приходили в восторг, но скоро успокаивались, *освоивались* с положением и принимались за работу». Циолковский. Вне земли), *оспаривать*, *переспаривать*, *при(за-)канчивать*, *удваивать*, *сдваивать*, *утраивать*.

Свыше двадцати глаголов, в которых еще в начале XX века было только *о*, теперь колеблются в употреблении. В этих парах вари-

антов наблюдается стилистическое размежевание. Варианты с *-а-* свойственны разговорной речи, а с *-о-* более употребительны в письменной, книжной и деловой речи. Можно привести письменные примеры для глаголов *за(по-, с-, от-)хлопывать*: «Хорошие рассказы описывают, как *захлопываются* тюремные ворота» (Вс. Иванов. Возвращение Будды); «Рука исчезает и через минуту появляется с бутылкой „Смирновки“ и фторточка *захлопывается*» (Гиляровский. Москва и москвичи); «Атаман Григорьев вылез из брички и, *хлопывая* пыль с сапог, подошел к крыльцу» (Вс. Иванов. Пархоменко); «Кошевой, задумчиво *похлопывая* плеткой по голенищу, уронив голову, медленно входил по порожкам моховского дома...» (Шолохов. Тихий Дон); «Тогда дверь, ведущая к высшей ступеньке Олимпийского пьедестала, *захлопывалась* для нее» («Комсомольская правда», 20 февраля 1968).

Зарегистрированы оба варианта в парах: заболочивать — заболачивать, заподозривать — занодазривать, задобривать — задабривать, беспокоивать — беспокоаивать, обуславливать — обуславливать, опорочивать — опорачивать, опорожнивать — опораживать, подмороживать — подмораживать, подытоживать — подытаживать, приурочивать — приурачивать, подзадоривать — подзадаривать, разрознивать — разразнивать, сдобривать — сдабривать, сосредоточивать — сосредотачивать, узаконивать — узаканпвать (но часто употребляется *узаконять*), уполномочивать — уполномачивать, уваживать — увааживать, условливаться — уславливаться, удостоивать — удастаивать.

Примеры с формами на *-о-*: «Избегал Иван Петрович и принятых современными ему художниками, Левицким и Рокотовым, погрудных портретов — в них художники все свое внимание *сосредоточивали* только на лице» (Ал. И. Кузнецов. Крепостные мастера); «Дело критики вовсе не сводится к тому, чтобы заниматься формальной унификацией понятий, отсекав одни и *узаконивать* другие» (У. Гуральник. Смех — оружие сильных); «Ведь это *обуславливало* бы переход всех природных богатств в руки алжирского народа...» («За рубежом», 1962, № 13).

Форма с *-а-*: «Этим „Здравствуйте!“ я как бы *сосредотачиваю* на себе внимание зрителя» (Румянцев. На арене советского цирка); «Так его! Так его! — *подзадаривали* Менгли-Гирея русские воеводы» (О. Л. Дор. Русская история при варягах и ворягах); «Каналы... обваливаются, размываются водой, покрываются илом, нарастают камышами, земли *заболачиваются*» («Техника — молодежи», 1961, № 12); «Тошпе, мытые пески ежегодно *увааживал* нечистотами, которые растаскивал на собственной спине» (Л. Леонов. Скутаревский); «Мы сразу же *уславливаемся*: к родителям Юрия не поедем» («Огонек», 1961, № 25).

В письменных стилях используются оба типа вариантов, причем, как правило, с преимущественным употреблением вариантов на *-а-*. В устной речи предпочитают формы с *-а-*.

В книге К. С. Горбачевича «Изменение норм русского литературного языка» констатируется факт переосмысления нормы: «...варианты, с корневым *а*, хотя и реже встречаются в письменном языке, сейчас уже не могут быть забракованы как несоответствующие современной литературной норме» (Л., 1974, с. 226). Однако широкое обследование вариантов кратных глаголов убеждает в том, что процесс перехода разговорных форм с корневым *-а-* в разряд строго литературных, рекомендуемых и для письменной речи, пока еще не завершился.

Л. К. ГРАУДИНА

ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ — УЧАСТВОВАТЬ

Наша речь богата фразеологизмами, устойчивыми словосочетаниями. В основном это исконно русские выражения, такие, как *ума палата, курам на смех, как огня бояться, во всю ивановскую, как кур во щи, зашумело в голове, помирать со смеху, водой не разольешь, намылить голову, хоть кол на голове теши* и т. д. Все они являются специфической особенностью русского языка, и переводчикам от них одно терзание: в других языках таких оборотов нет.

Но в русском языке немало фразеологических словосочетаний, например, из старославянского: *всей душой, всем сердцем, на сон грядущий, тьма кромешная, как зеницу ока, не от мира сего, до скончания века, бразды правления* и многие другие; из западноевропейских языков: *время — деньги, третьего не дано, борьба за существование, бросить тень, убить время, игра не стоит свеч, крылатые слова, холодная война, работать как вол* и т. д.

Наш язык также обогатился устойчивыми выражениями, пришедшими из художественной литературы: *Счастливые часов не наблюдают, С чувством, с толком, с расстановкой, И дым Отечества нам сладок и приятен!* (А. С. Грибоедов); *Слона-то я и не приметил, А ларчик*

просто открывался, Медвежья услуга, А Васька слушает, да ест (И. А. Крылов); Не мудрствуя лукаво, Еще одно, последнее сказанье, Любви все возрасты покорны, С корабля на бал, Что пройдет, то будет мило, А счастье было так возможно, Как денди лондонский одет (А. С. Пушкин); Не по чину берешь! Сама себя высекла, Большому кораблю — большое плаванье, Мертвые души (Н. В. Гоголь); Человек в футляре, Как бы чего не вышло, Хотят свою образованность показать (А. П. Чехов); Суждены нам благие порывы, Рыцарь на час, Кому на Руси жить хорошо (Н. А. Некрасов); Человек! Это звучит гордо! Рожденный ползать — летать не может, Если враг не сдается — его уничтожают (А. М. Горький); Коль любить, так всей душой; коли пир, так пир горой (А. К. Толстой); Было дело под Полтавой (из песни И. Е. Молчанова); Кто весел, тот смеется; кто хочет, тот добьется, Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет (из песен В. И. Лебедева-Кумача); Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь (из народной песни) и т. д. Обычно такие обороты называют крылатыми словами и выражениями или афоризмами.

Фразеологические единицы языка — это устойчивые сочетания слов, характеризующиеся слитностью и цельностью воспроизведения их в речи. Фразеологизмы представляют собой смысловое целое, но соотношение значений всего фразеологического оборота в целом и составляющих его слов-компонентов может быть различным.

В одном случае общий смысл фразеологизмов совершенно не зависит от лексических значений входящих в него слов: *дать стрекача, курам на смех, точить лясы, бить баклуши, дело в шляпе*. Значение этих фразеологических выражений не вытекает из значений компонентов, входящих в них. Такие обороты называются фразеологическими сращениями.

В другом случае фразеологические обороты так же, как и фразеологические сращения, неделимы в смысловом отношении, но выражают значение, исходящее из совокупности отдельных слов этих фразеологизмов. Обычно значение таких оборотов — переносное и воспринимается нами метафорически: *бить ключом, мутить воду, намылить голову, делать из мухи слона, первая ласточка*. Их называют фразеологическими единствами. Эти устойчивые сочетания слов изучаются в особом разделе лексикологии, который называется фразеологией.

И еще есть устойчивые сочетания, которые находятся на стадии перехода или переосмысления во фразеологические обороты,—это фразеологические сочетания. «Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание делимости и заменимости фразеологически несвободного слова. Например: *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п. (Ср.: *задеть чувство чести; задеть гордость* и т. п.)» (В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972, с. 29).

Самыми распространенными, живыми и продуктивными фразеологическими сочетаниями являются глагольно-именные, типа *принять участие, возлагать надежды, одержать победу, оказать помощь, принять решение, войти в историю, играть роль, иметь значение* и т. д., которые и рассматриваются в предлагаемой статье. Этих сочетаний в русском языке насчитываются тысячи.

В других языках такие обороты также употребительны, и мы можем подобрать ко многим эквивалентные выражения. Например, в польском языке: *наложить повязку* — *nałożyć opatrunek*; *питать надежды* — *żywić nadzieje*; *завязать разговор* — *nawiązać rozmowę*. Если обратимся к неславянским языкам, например к литовскому, то в нем тоже найдем адекватные словосочетания: *дать согласие* — *duoti sutikimą*; *завоевать свободу* — *iškovoti laisvę*; *положить здоровье* — *padėti sveikatą* и т. д.

Смысловая роль таких устойчивых глагольно-именных сочетаний заключается в обозначении действия, процесса или состояния. Их смысловым центром является именной компонент, а глагол имеет лишь грамматические значения: вид, наклонение, время, число, лицо. В устойчивом обороте он обычно претерпевает лексическое изменение и приобретает другое значение. Например: *приносить извинения* — значение слова *приносить* в данном сочетании отличается от номинативного значения этого слова в свободном словосочетании *приносить книги*. В устойчивом обороте глагол не называет действие, а лишь указы-

вает на него: *дать название, дать согласие, дать слово, дать свободу, дать клятву, дать разрешение, дать сражение, дать повод и другие.*

Устойчивые глагольно-именные сочетания по смыслу могут соотноситься с соответствующими одиночными глаголами: *возлагать надежды — надеяться, одержать победу — победить, дать согласие — согласиться, принять участие — участвовать, выражать сочувствие — сочувствовать* и т. д. В этих словосочетаниях каждое слово имеет свое лексическое значение, свою грамматическую форму, а сочетание в целом передает семантику соответствующего ему одиночного глагола. Ф. И. Буслаев называл такие выражения описательными: «Некоторые из них варажают ту же самую мысль, как и простые глаголы, впрочем, придавая ей новый оттенок, потому что в языке каждая форма имеет собственный свой смысл; напр., *держат речь — говорить*; иные же служат в пополнение недостающим формам глагола: напр., *вести знакомство, вести дружбу* (вместо самостоятельных глаголов, которые следовало бы произвести от существительных *знакомство, дружба*)» (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 509). Следует обратить внимание на то, что описательные обороты возникли не как лексический дублет соответствующего одиночного глагола, а как один из приемов обозначения действия, состояния и процесса:

«На Волге его уважали, как богача и умного человека, но дали ему прозвище — Шалый» (Горький. Фома Гордеев); «...Этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, *не подвергая* себя никакой опасности, хотел меня убить...» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Наташа имела к ней неограниченную привязанность и доверяла ей все свои мысли» (Пушкин. Арап Петра Великого); «В сухом, отдаляющем взгляде, которым восмотрел на него государь, князь Андрей еще более, чем прежде, *нашел подтверждение* этому предположению» (Л. Толстой. Война и мир); «Солдаты, стоявшие в цепи, как люди, показывающие что-нибудь редкое, уж не смотрели на французов, а *делали* свои наблюдения над проходящими и, скучая, дожидались смены» (Л. Толстой. Война и мир); «С первых же дней после ее смерти вдруг оказалось, что Мария Ивановна могла *вести* полевое хозяйство...» (Пришвин. Курымушка).

В языке существует большое количество и таких устойчивых глагольно-именных словосочетаний, у которых нет синонимичных однословных глаголов. Эти описательные обороты выступают как единственное средство характеристики того или иного действия, процесса или состояния: *делать перерыв, войти в историю, бороться за идею, избавиться от забот, принять меры, играть роль, иметь значение, привлечь внимание, использовать положение* и т. д. «Он не мог равнодушно говорить об англomanии своего соседа и поминутно *находил случай* его критиковать» (Пушкин. Барышня-крестьянка); «Корсаков к ней разлетелся и попросил *сделать честь* пойти с ним танцевать» (Пушкин. Арап Петра Великого); «В сей крайности *пришло мне на мысль*, не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?» (Пушкин. История села Горюхина); «Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор *пришли* в такое *замешательство*, что не нашлись совершенно, что отвечать, а между тем Ноздрев, нимало *не обращая внимания*, нес полутрезвую речь...» (Гоголь. Мертвые души); «Я буду *иметь честь* прислать к вам нынче моего секунданта...» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Я хотел *дать себе полное право* не щадить его, если бы судьба меня помиловала» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Федору казалось, что Чапаев *уделял* ему *слишком мало внимания*...» (Фурманов. Чапаев); «Так как говорить было нечего и ни тому, ни другому не хотелось *подать повод* другому сказать, что он первый выехал из-под пуль, они долго простояли бы там, *взаимно испытывая храбрость*...» (Л. Толстой. Война и мир); «...моя мать под конец жизни все-таки выкупила имение и всем нам пятерым позволила *получить высшее образование*» (Пришвин. Кашеева цепь); «За сутки не прошел ни один поезд, а в ста двадцати километрах *шел бой* с крупным партизанским отрядом...» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Все большее и большее число людей *бралось за оружие*, и каждая схватка рождала новых участников» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «После обеда, не вставая из-за стола, закурили, с дозволения начальства, сигары и *повели беседу*» (Чехов. Торжество победителя); «Ты ему вчера *слово дала*, а он сегодня же утром нашу кухарку на пятак обсчитал!» (Чехов. Братец).

Глагольно-именные выражения дополняют глагольную лексику в тех случаях, когда для обозначения какого-либо действия отсутствует одиночный глагол. Многие описательные обороты имеют большую семантическую емкость, чем одиночный глагол. Нередко при употреблении таких словосочетаний выявляются возможности для более точного и одновременно образного выражения мысли. Так, можно сказать *принять горячее участие*, но нельзя — *горячо участвовать* или можно сказать *возлагать большие надежды* и нельзя — *много надеяться*.

Устойчивые глагольно-именные сочетания могут указывать на большую интенсивность действия, состояния или процесса, чем одиночные глаголы: *броситься в погоню и погнаться, поднять крик и закричать, прыгать от восторга и радоваться, сгорать от стыда и стыдиться, пуститься в пляс и заплясать*. «Твои жалобы о прежнем твоём положении меня тронули до слез» (Пушкин. Роман в письмах); «Я погрузился в размышления, большей частью печальные» (Пушкин. Капитанская дочка); «Он горел нетерпением услышать что-нибудь об графине и собрался ехать в адмиралтейство...» (Пушкин. Арап Петра Великого); «Так и чапаевцы: пока общаются меж собой — полная непринужденность, могут и ляпнуть, что *на ум взбредет...*» (Фурманов. Чапаев).

Описываемые обороты и одиночные глаголы могут иметь различные смысловые оттенки. В словосочетаниях *возводить обвинение* (несправедливо обвинять), *брать на себя ответственность* (действие произведено в соответствии с желанием действующего лица) указывается на оценочный характер действия, а в синонимичных одиночных глаголах *обвинять, отвечать* отсутствует качественная характеристика действия. Устойчивые словосочетания и соответствующие им одиночные глаголы далеко не всегда имеют одинаковую стилистическую принадлежность. Такие обороты, как *вступить в брак, возлагать надежды, изложить на бумаге*, относятся к книжному стилю, а глаголы *жениться, надеяться, написать* более употребительны в нейтральном стиле речи.

В работе над языком, в стремлении достигнуть выразительности и правильности речи надо знать характерные особенности родного языка. Одна из причин неверного употребления глагольно-именных сочетаний в речи — непони-

мание того, что эти сочетания — устойчивые, и слова, входящие в них, не могут свободно заменяться по воле говорящего. Вот эти ошибки: *оказать вред* вместо *причинить вред*; *играть значение* вместо *иметь значение*; *сделать впечатление* вместо *произвести впечатление*; *предпринять меры* вместо *принять меры*; *дать предложение* вместо *сделать предложение*; *иметь роль* вместо *играть роль*; *сделать подвиг* вместо *совершить подвиг* и т. п. Чтобы правильно говорить, точно выражать свои мысли, надо изучать индивидуальное своеобразие речевой культуры народа.

Доктор филологических наук
Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

Как говорят студенты?

Речь молодежи, в том числе студенчества, не раз привлекала внимание исследователей русского языка. Научно-организованная языковая политика, ставя перед собой задачу укрепления норм литературного языка, не может не считаться с теми реальными колебаниями и изменениями в произношении и словоупотреблении, которые наблюдаются в современном обществе. Учитывая, что языковой идеал, как замечал А. М. Пешковский, лежит целиком позади нас, и оберегая традиционные, поддерживаемые классической литературой формы выражения, лингвисты в то же время отчетливо сознают, что разрыв между нормой и общепринятым речевым обычаем не может быть слишком значительным. Сохранение традиции не должно носить искусственного характера. Об этом мудро говорил еще в 1849 году на акте Петербургского университета И. И. Срезневский: «Считай прошедшим то, что удерживается силой, искусственно; считай будущим то, что все более пробивается в жизнь языка, хоть иногда по частностям, по мелочам».

Естественно поэтому, что современная русистика, приобретая постепенно черты прогнозирующей науки, уделяет серьезное внимание не только наблюдениям над актуальной художественной, научной и т. д. литературой, но и записям живой устной речи, а также результатам опроса представителей разных социально-профессиональных групп. Языковое восприятие студентов, носителей (и отчасти создателей) будущего литературного языка, представляет собой в этом отношении особый интерес. В среде студенчест-

ва осуществляется преимущество устных культурно-речевых навыков интеллигенции старшего поколения.

В 1974 году на геологическом, филологическом факультетах и на заочном отделении факультета журналистики Ленинградского государственного университета был проведен эксперимент, который преследовал лишь одну цель — получить данные о том, какую из двух колеблющихся форм ударения предпочитают студенты. Составленный вопросник содержал 70 фраз (или типичных словосочетаний) со словами, в которых зафиксированы варианты ударений: «Потерял бумажник с *деньгами*»; «Снег *искрится* на солнце»; «Затянутая *петля*» и т. п. (в выделенных словах предлагалось поставить знак ударения). Некоторые слова с неустойчивым ударением были приведены дважды (в разных сочетаниях и в разных местах). В эксперименте приняли участие 250 человек (сумма ответов часто не равна этой цифре, так как ударения были проставлены студентами не во всех фразах). В вопроснике разъяснялось назначение данного лингвистического исследования и условия эксперимента.

Известно, что даже корректная форма заполнения анкеты такого рода (не нужно называть фамилию) все-таки влияет на речевое поведение информантов, часто поэтому прибегающих к справочникам или восстанавливающих в памяти усвоенную ранее («чужую») норму. Чтобы преодолеть это психологически объяснимое желание дать «правильный» ответ, а не тот, который автоматически возникает в сознании (именно это ожидалось от информанта), заполнение вопросника проводилось в аудиторных условиях при жестком лимите времени.

Приведенные цифровые показатели в оценках спорных фактов современного ударения не являются, по-видимому, отражением языкового сознания студентов и, конечно, не могут служить основанием для изменения нормативных характеристик. Однако резкое преобладание у молодежи некоторых отвергаемых (и даже осуждаемых) словарями ударений должно насторожить нормализаторов, тем более, что такие «нарушения» достаточно устойчивы (в этом убеждает анкетирование, проведенное в 1967 году профессором ЛГУ В. В. Колесовым) и свойственны многим авторитетным поэтам нашего времени. Хотя в эксперименте участвовало сравнительно небольшое количество студентов, результаты оценки многих вариантов оказались столь контрастными, что они могут служить симптомом начавшихся изменений.

● Четливо наблюдается развитие акцентологической подвижности и преобладание ударения на окончании у многих одно-двухсложных имен мужского рода. Еще словарь-справочник «Русское литератур-

ное произношение и ударение» (М., 1959) указывает: *гуляша* (не *гуляшá*). Ср. результаты анкетирования: во фразе «Заказать порцию гуляша»: *гуляшá* — 203, *гуляша* — 40. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (М., 1970) для форм слова *уголь* рекомендует лишь неподвижное ударение: *у́гля, у́глю, у́глем* и т. д. Проведенное обследование заставляет усомниться в правильности столь жесткого ограничения. «Тонна угля»: *у́гля* — 167, *у́гля* — 75. Кстати, формы *у́гля, у́глем* зафиксированы у Маяковского, Маршак, Безыменского, Грибачева, Тихонова, Цыбина, Винокурова, Р. Рождественского, Авраменко, Смелякова. Современные словари признают равноценными варианты: *моста, мбсту* и *мостá, мосту́*. В речи студентов более распространено ударение на окончании. По данным В. В. Колесова (1967): *к мосту́* — 152, *к мбсту* — 76; по данным 1974 года, в сочетании «Недалеко от моста»: *мостá* — 216, *мбста* — 27. В современной поэзии (Твардовский, Исаковский, Дудин, Жаров, Щипачев, Наровчатов, Мартынов и другие) ударение *мостá, мосту́* также заметно преобладает.

Часто возникают споры о том, как правильно: *два го́ла* или *два голá*? Словари рекомендуют в этом случае неподвижное ударение: *два го́ла*. Есть основания, однако, предполагать, что в будущем и здесь может утвердиться новая форма (ср. в других счетных словосочетаниях: *два шарá, два ша́га и шагá*). Большая часть студентов предпочла подвижное ударение. «В ворота сборной заби́ли два го́ла»: *го́ла* — 152, *го́ла* — 87.

Колебание ударения *де́ньгами* — *деньга́ми* зарегистрировано еще в XVII веке. Вариант *де́ньгами* и сейчас нередко встречается в речи представителей старшего поколения. Молодежь предпочитает ударение на окончании. «Потерял бумажник с деньгами»: *деньга́ми* — 215, *де́ньгами* — 32. «Черномазый, с кривыми рогами. Держит в лапах бумажник с деньга́ми» (Маршак. Сегодня, завтра и вчера). В. И. Чернышев в книге «Русское ударение» (СПб., 1912) объяснял ударение *деньга́ми* влиянием южновеликорусских говоров и поэтов — носителей этого говора. Однако для нашего времени вариант *деньга́ми* потерял территориальную ограниченность и признан нормативным в новейших словарях русского литературного языка.

Колебание ударения часто наблюдается не только в отдельных формах слова, но и во всей парадигме (системе форм). При этом у дву- — трехсложных русских и заимствованных существительных мужского рода отмечена устойчивая тенденция переноса ударения с последнего слога на первый или на второй. Например, в XVIII—первой половине XIX века еще широко употреблялись: *возду́х, призна́к, прику́п, отрб́к, локб́ть, сударь́, окрúг, психоло́г, топогра́ф*; лишь в начале XX века было признано ударение *то́карь*

(в XVIII—XIX веках правильно: *тока́рь*); равноценными считал В. И. Чернышев (1912) *на́сморк* — *насмóрк*, *фунда́мент* — *фунда-мэнт* и т. п. Стремление к переносу ударения с последнего слога обнаружилось и в анкете 1974 года: *тво́рог* — 157, *творóг* — 86 (причем студенты-ленинградцы разделились поровну: 41 и 41); *лёмех* — 199, *лемéх* — 39; *лёмоть* — 151, *ломóть* — 97 (ударение *лёмоть* не признается литературным, хотя встречается и у современных поэтов: Кирсанов, Берггольд, Евтушенко, Мартынов, Шестинский, Винокуров и др.); «И я сказала: Не отдам — И бедный лóмоть крепче сжала» (Берггольд. Ленинградская поэма); *некрóлог* — 132, *некролóг* — 111 (ненормативное *некрóлог* зафиксировано у Луговского, Недогонова, А. Вознесенского, Евтушенко).

Особенно ощутимо тяготение ударения к центральным слогам у многосложных существительных, где исконное ударение падает на последний слог и наличие, таким образом, трех или более безударных слогов подряд создает ритмическое неудобство. Показательно в этом отношении слово *дебаркадер*, которое постепенно расстается с ударением языка-источника: *дебаркадёр* (заимствовано из французского языка в середине XIX в.). Сначала в профессиональной речи, а затем и в общелитературном языке начинает употребляться с русифицированным ударением: *дебарка́дер*. Вот данные анкеты: *дебарка́дер* — 148, *дебаракадёр* — 86. Новое ударение зафиксировано и в современной поэзии (Аквилев, Дудин, Кукин, Мартынов, Сидоренко и др.). «Каскадами каменных ядер Гремел грозовой небосвод. И кверху ушел дебарка́дер. И — книзу ушел пароход» (Дудин. «Мне берег приснился горбатый...»). В сложных словах с компонентом *-провод* (*бензопровóд*, *газопровóд*, *нефтепро-вóд* и т. п.) нормой признается лишь окончательное ударение (исключение: *электропрóвод* — 'электрический шнур'). Наблюдения над устной речью свидетельствуют о колебаниях ударений в этих словах. Преобладание нормативного ударения у студентов в некоторых случаях весьма незначительно: *нефтепровóд* — 134, *нефтепрó-вод* — 109.

Однако тенденция сдвига ударения ближе к началу или центру слова подтвердилась далеко не на всех обследованных существительных мужского рода. В спорном случае с ударением слова *фе-номен* (в современных словарях нет единства в определении места ударения) голоса студентов разделились следующим образом: *феномéн* — 222, *фенóмен* — 17 (напомним, что эксперимент проводился на разных факультетах, и поэтому здесь нельзя видеть влияния речи какого-либо лектора).

Преобладание традиционной нормы обнаружилось в словах *квартал* и *договор*. Ударение в этих словах привлекало общественное внимание и неоднократно обсуждалось в печати и популярной

радиопередаче «В мире слов». «Квартал новостроек»: *квартáл* — 222, *квáртал* — 21; «План на второй квартал»: *квартáл* — 137, *квáртал* — 102; «Договор с друзьями», *договóр* — 218, *дбгвор* — 28; «Договор о мире»: *договóр* — 190, *дбгвор* — 52.

Как известно, у многих двухложных слов женского рода на -а(-я) наблюдается постепенное перемещение ударения на последний слог (*нужда* — *нуждá*; *лыжня* — *лыжнá*; словарь Даля: *лыжня*, словарь Ушакова: *лыжнá*, новейшие словари: *лыжнá*). Результаты эксперимента убедительно подтверждают эти акцентологические изменения. «Накатанная лыжня»: *лыжнá* — 231, *лыжня* — 15.

Многие современные словари не признают еще нормативным вариант *петля́* (такое ударение часто объясняется влиянием южно-великорусских говоров или украинского языка). Однако студенты (независимо от места, где прошло их детство) предпочли именно этот вариант. «Затянутая петля»: *петля́* — 206, *пéтля* — 41; «Петля Нестерова»: *петля́* — 214, *пéтля* — 25. Колебания, кстати, обнаруживаются и в современной поэзии: традиционное ударение — *пéтля* (Сельвинский, Корнилов, Грибачев, Борисова), новое ударение — *петля́* (Багрицкий, Безыменский, Маршак, Сурков, Исаковский и др.).

Незначительным оказалось преобладание традиционного варианта ударения в слове *ровня́*. «Он ей не ровня́»: *рбвня́* — 137, *ровнá* — 107. Новое ударение *ровнá* встречается и у современных поэтов (Твардовский, Кедрин, Казакова). «Орфографический словарь русского языка» (13-е изд. М., 1974) допускает оба ударения: *рбвня́* и *ровнá*.

Весьма показательными явились и результаты обследования ударений у некоторых глаголов. Не наша, например, поддержки у студентов рекомендация «Словаря ударений для работников радио и телевидения» (М., 1970): только *искриться́*. В 17-томном академическом Словаре в качестве нормы также приведено: *искриться́*, вариант *искрítься* снабжен пометой «просторечное». Однако продуктивное для глаголов неопределенного накложения ударение на втором слоге от конца слова (*носítься*, *крутítься*, *змейт́ся* и т. п.) отчетливо обнаружилось и у *искриться́*. «Снег искрится на солнце»: *искрítся* — 233, *искрится́* — 12; «Вино искрится»: *искрítся* — 218, *искрится́* — 25; по данным В. В. Колесова: *искрítся* — 196, *искрится́* — 23. В современной поэзии, кстати, также преобладает вариант *искрítься*. Это ударение представлено в стихах Тихопова, Алигер, Фатьянова, Слуцкого, Друниной, Васильевой и др. «Снег скрипит, искрítся поле, На деревьях бахрома. Здравствуй, светлое раздолье! Здравствуй, зимушка-зима!» (Фатьянов. Здравствуй, зимушка-зима).

Неодинаково оценили студенты новые варианты ударения у разных глаголов на *-ировать* (как известно, у большинства из них ударение падало прежде на последний слог: *аккомпанирова́ть, вальсирова́ть, рецензирова́ть* и т. п.). То, что освоение нового, продуктивного ударения (*-и́ровать*) происходит весьма неравномерно, легко увидеть из результатов обследования: *баланси́ровать* — 242, *баланси́рова́ть* — 1; *норми́ровать* — 192, *нормирова́ть* — 54; *бомбарди́ровать* — 102, *бомбардирова́ть* — 138; *преми́ровать* — 76, *премирова́ть* — 162.

В научной и научно-популярной литературе о культуре речи уже неоднократно обсуждалось ударение в формах настоящего времени от глаголов *звонить* и будущего времени от глагола *позвонить*. О степени нормативности (литературности) вариантов *звбнит, звбннит* высказывались разные мнения. Впрочем, большинство лингвистов рекомендует придерживаться традиционной нормы: *звони́т, позвони́т*. Первоначальный эксперимент подтвердил эту рекомендацию. В контексте «Не беспокойтесь, мы вам позвоним» две трети студентов предпочли традиционный вариант: *позвони́м* — 159, *звбнним* — 74. Впоследствии опыт был усложнен. Были предложены подряд две фразы: «Вы позвоните мне завтра?» и «Позвоните обязательно!». Оказалось, что различие в грамматическом значении формально одинаковых глагольных форм (изъявительное наклонение с вопросительной интонацией в первой фразе и повелительное наклонение во второй) связывается в сознании многих студентов с местом ударения. При повторном эксперименте шансы ненормативного варианта *звбните* (при вопросительной интонации) значительно возросли.

Следует еще раз подчеркнуть, что полученные данные не являются основанием для пересмотра нормативных оценок, которые выводятся в результате всестороннего рассмотрения речевых фактов. Количественный показатель — это лишь один из компонентов научной нормализации языка. Однако вовсе игнорировать такие сведения было бы едва ли благоразумно, тем более, что многие из отмеченных тенденций в развитии ударения свойственны не только устной речи студенчества, но и отчетливо обнаруживаются при сопоставлении классической поэзии XIX века со стихами современных поэтов. Впрочем, к ударениям в поэзии нужно относиться с осторожностью, поскольку здесь выбор вариантов иногда зависит от ритмики стиха, а не от того, какое ударение предпочитает поэт в обычной речи.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство. Хотя при заполнении вопросника информанты указывали место, где прошло детство, и эти данные учитывались при обработке анкет, распреде-

ление ответов оказалось практически независимым от традиционного диалектного членения русского языка (Север — жители городов, поселков и деревень, расположенных на территории северновеликорусских говоров, Юг — южновеликорусских говоров). Пожалуй, более контрастные расхождения обнаруживались между ответами студентов-ленинградцев (82 человека) и жителей других населенных пунктов (как северных, так и южных). Литературно-традиционные варианты ударений (*ломбѣть, ровня, некролѣг, премировѣть* и т. п.) в подавляющем большинстве были выбраны уроженцами Ленинграда, Ленинградской и Московской областей (студентов-москвичей среди информантов не было). Тяготение к традиционным вариантам у уроженцев культурно-исторических центров, с одной стороны, и общий рост речевой культуры, возрастающее влияние авторитета книги, литературно-письменной формы речи, с другой, несомненно также должны учитываться при нормализации современного русского языка.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ
Ленинград

...Знание русского языка является чрезвычайно важным фактором в общем развитии человека. Ведь нет такой науки, которую вам придется изучать в будущем, особенно если вы пойдете в гуманитарные вузы, и нет такой сферы общественной деятельности, где бы не требовалось хорошее знание русского языка. И даже в обыденной жизни такое знание необходимо для того, чтобы правильно и точно выражать свои мысли, чувства, самые глубины переживаний. Ведь если человек хочет все это сделать достоянием других людей, то он должен выразить это предложениями, правильно оформленными синтаксически и грамматически...

Изучение родной речи — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах. Язык — это орудие для выражения мысли. И мысль только тогда становится мыслью, когда она высказана в речи, когда она вышла наружу посредством языка, когда она — как сказали бы философы — опосредствована и объективировалась для других. Вот почему я говорю, что знание родного языка — это самое основное, что требуется для вашей дальнейшей работы.

М. И. Калинин. Речь на собрании учащихся восьмых, девярых и десятых классов средних школ Ленинского района Москвы

Грамматическая ошибка или поэтический прием?

Такой вопрос может возникнуть при внимательном чтении современных поэтических текстов, в которых встречаются сравнительные конструкции с союзной связью. Например:

И тогда взлетел Огромный,
Словно лопнуло стекло.

Фейерверк

Так поэт Д. Самойлов описывает фейерверк. Казалось бы, сравнение *словно лопнуло стекло* должно пояснять характер протекания действия главной части сравнительной конструкции. Но это не так: в главной части говорится о процессе взлета фейерверка — *взлетел*, а в собственно сравнении — о явлениях, побочно связанных со взлетом, — о шуме, сопровождающем взлет. Приведем еще примеры разного рода

«нелогичных» соединений главной и придаточной частей в сравнительных конструкциях:

Хозяин расставлял фарфор. . .
Он отыскал собрание сочинений
Молоховец —

и в кабинет унес,
И каждый том, который создал гений,
Подставил, как Борей, под пылесос.

Тарковский. Новоселье

Если этот отрывок прочесть, исходя из традиционного представления о связи главной и придаточной частей сравнения, объединенных общим признаком, по которому проводится сопоставление, окажется, что *Борей*, подобно хозяину квартиры, владелец пылесоса. В данном примере *хозяин* и *Борей*, по-видимому, сопоставляются по сложному, прямо неназванному признаку — «те, кто может производить ветер».

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток!

Тарковский. Посредине мира

В чем основной смысл выделенного здесь сравнения? В том, чтобы уточнить, образно оживить первое сравнение — *как девочка*? Возможность такого прочтения не исключена, поскольку эмоциональный тон анализируемого сравнения (слова *золотой*, *шелк*) усиливает ощущение легкой непринужденной радости, свойственной смеху ребенка. Но думается, что главное назначение этого сравнения — в характеристике *мотылька*, напоминающего *золотого шелка лоскуток*. В таком случае оно, как и в предыдущем примере, «игнорируя» прямое грамматическое подчинение глаголу главной части конструкции (смеется... как? — как девочка... как лоскуток), соотносится с общим смыслом всего отрывка. Следовательно, можно предположить, что основное художественное назначение таких семантически самостоятельных сравнений в том, чтобы распространить их образное воздействие на более широкий контекст и тем самым вызвать больше разнообразных ассоциаций, создающих неоднозначное, многомерное прочтение художественного произведения (или его части).

Образная и грамматическая «самостоятельность» сравнений подобного типа иногда специально подчеркивается графически — такие сравнения отделяются от главной части конструкции точ-

кой: «Канада горизонтальна. Заселена только сравнительно узкая полоска над американской границей. Как слой сливок на кринке молока. Или на пейзажах Рериха — полоска земли и полотно неба над нею» (Вознесенский. Ау, Ванкувер!). Из примеров видно, что этот прием — своеобразное явление современной поэтической речи, требующее пристального внимания лингвистов и любителей поэтического слова. Хотя фактов подобного рода накоплено недостаточно для широких обобщений «разрешающего» или «запрещающего» характера, некоторые причины распространения такого явления в современной поэтической речи можно привести. Прежде всего это воздействие более свободного синтаксиса живой разговорной речи на поэтическую речь, которая может быть ориентирована и на устное произнесение. В доказательство возьмем пример из 17-томного Словаря на слово *загорать*: «широкая открытая грудь загорела, как медный таз» (Фурманов. Красный десант). Хотя *медный таз* не обладает свойством приобретать загар, мы такие фразы воспринимаем как совершенно обычные — они стали нормой разговорного стиля литературного языка. Сравнение, с которого начиналась данная заметка — *И тогда взлетел Огромный, словно лопнуло стекло*, структурно очень похоже на приведенное: сравнения объединяет логическая самостоятельность собственно сравнения по отношению к главной части. Следовательно, можно найти точки соприкосновения нормированных общелитературных употреблений и окказиональных поэтических построений. Это закономерно, поскольку нет четкой границы, отделяющей факты нормативного литературного языка от менее строгих художественных употреблений поэтической речи.

Назовем сравнения, в которых придаточная часть грамматически не связана с главной. Два однотипных сравнения из стихотворений Вас. Федорова:

.....
 С белым ситцевым конвертиком
 Мать ступала по селу.
 Мать ступала.
 В знак прощения
 Приподняли старик
 Троеперстно, как крещение,
 Лаковые козырьки.

Любка — Любочка

По глазам твоим,
 Широко открытым,
 Как прощанье,
 Увидал себя я
 Молодым.

Березовый рай

Приведем несколько отрывков из произведений А. Вознесенского:

Мы оба тощи. Мы рыбы тоже.

Нам тошно это.

На нас — тельняшки, меридианы —
жгут, как веревки.

Фигуры наши —
как *Модильяни* —
для сковородки.

Бар «Рыбарска хижа»

В сапожки она одета
с раструбами, как *кларнет*,
с дырочками для шнурков. . .

«Где-то свищет, где-то, где-то...»

В этих примерах грамматическую «несвязанность» с главной частью легко устранить, добавив недостающий предлог: как *при* крещении, как *при* прощании, как *у* Модильяни (здесь общелитературное метонимическое обозначение произведений через указание фамилии автора). Естественно, что при этом резко сужается количество ассоциативных связей таких сравнений, то есть искажается их образный смысл. Но в данном случае нас интересует характер грамматической «самостоятельности» собственно сравнения. Е. Винокуров, говоря о своем стремлении к искренности, употребляет такой образ:

Как чистая вода под ряской, —

Я б пил, рукою отведа. . .

Той и бестактной и дурацкой!

Ее [искренности.— Е. Н.] хочу я, как дитя.

Искренность

Данное сравнение можно сделать нормативно правильным только описательно, примерно так: как пьют воду, отведа ряску руками в сторону, так и я ищу проявление искренности под ворохом наносных, поверхностных явлений; или: жажда искренности настолько сильна, что ее можно сопоставить с жаждой человека, который пьет даже затянутую ряской воду... Количество интерпретаций может быть сколь угодно велико. В этом и заключается образный смысл таких информативно насыщенных сравнений. Продолжим наши примеры:

Я буду помнить все свои печали,
все, что осталось у чужих дверей.
Как дым, как дым над русскими печали —
темно и дымно в памяти моей.

Казакова.

«Когда я не люблю, я беззащитна...»

Прости за черноту вокруг зрачков,
как будто ямы выдранных садов, —
прости!—

Вознесенский. «Прости меня...»

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали как преображенье
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла.

По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Тарковский. Первые свидания

В последнем отрывке сравнение *как головокруженье* вводится без разъяснения, к чему оно относится. Характеризует ли сравнение крутизну и форму лестницы или героиню стихотворения, или определяет сразу чувства героя и крутизну и извилистость лестницы, связанной с первыми свиданиями? Этот пример наряду с другими иллюстрирует образную емкость, многомерность сравнений подобного типа.

Принципы построения сравнений, ориентированных на живую разговорную речь, широко разрабатывал классик советской поэзии В. Маяковский. Г. О. Винокур писал: «...Для стихотворений Маяковского в высшей степени характерно дробное построение речи в виде замкнутых и взаимно разобщенных отрезков, взаимная связь между которыми поддерживается не столько грамматическими, сколько чисто семантическими свойствами. Таким построением достигается устранение различных типов синтаксической зависимости, так что связный поток речи превращается в соединение независимых синтаксических единиц, которые продолжают определять и дополнять одна другую *самими своими значениями*, без опоры на форму отдельных слов» (Г. Винокур. Маяковский — новатор языка. М., 1943, с. 76—77). Вот некоторые сравнения из произведений В. Маяковского:

Будто бы вода —
 давайте
 мчать, болтая,
будто бы весна —
 свободно
 и раскованно!
 Юбилейное

Кто не выдержал
 натиск домашний,
спит
 в уюте
 бумажных роз,—
до грядущей
 жизни мощной
тот
 пока еще
 не дорос.

Как и шуба,
 и время тоже —
 проедает быта моль ее.
 наших дней залежалых одёжу
 перетряхни, комсомолня!
 Выболакивайте будущее!
 И краске,
 и песне
 душа глуха,
 как корове цветы
 среди луга.
 Владимир Ильич Ленин

Г. О. Винокур отмечает характерные особенности синтаксиса В. Маяковского, никак не выделяя специфики построения некоторых типов сравнений поэта, потому что свободный синтаксис Маяковского не ограничивается какими-либо конструкциями, но затрагивает стих в целом. Современные поэты «преодоление синтаксиса» осуществляют заметнее всего в пределах сравнительных конструкций. Во всяком случае можно утверждать, что даже поэты, стремящиеся к ясности и «правильности» стиха, в пределах сравнительных конструкций отступают от этих принципов (см., например, приведенные примеры из произведений А. Тарковского). Языковое новаторство В. Маяковского, ориентированное на широкое использование законов устной неподготовленной речи в арсенале поэтических средств, можно также рассматривать как один из стимулов развития отмеченной тенденции в современной поэтической речи.

В заключение подчеркнем, что вопрос, вынесенный в заглавие заметки, строго говоря, был сформулирован неточно. Понятие грамматической ошибки заимствовано из представления о нормативных установлениях литературного языка и неприменимо к менее строгой поэтической речи, анализируя которую, следует говорить в необходимых случаях не о грамматической ошибке, а о художественных просчетах поэтов. Только изучая художественные произведения по их собственным законам (и законам художественной речи), можно наполнить конкретным содержанием понятие индивидуального почерка (художественной манеры) того или иного автора и тем самым выявить разнообразие форм и индивидуальность стилей.

Кандидат филологических наук
 Е. А. НЕКРАСОВА

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРИСОЕДИНЕНИЯ

В языке художественной литературы последних десятилетий наблюдается широкое распространение конструкций с существительным в именительном падеже, вынесенным в начало или в конец фразы (с препозитивным или постпозитивным именительным). Эти конструкции представляют собой явление, весьма характерное для современного русского языка. Именительный постпозитивный (в конце фразы) неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако он рассматривался только в связи с другими проблемами.

Отличительным признаком именительного падежа в присоединительных конструкциях является значение добавления, обусловленное положением именительного, его синтаксическим и интонационным отделением от предыдущей части. В этой статье мы рассматриваем различные значения именительного постпозитивного, ту разновидность конструкций, в которых основная часть интонационно не завершена и отделена от именительного с помощью тире или двоеточия. Например: «На сцену класс за классом полезли ученики — *последние споры, жестикуляции возле урн, шум*» (Гендряков. Чрезвычайное); «Она тряхнула косами — *тоже новая привычка*» (Абрамов. Две зимы и три лета).

В этих примерах первая, основная часть — структурно и семантически завершенное предложение, вторая — существительное или словосочетание со стержневым словом в именительном падеже. Такие построения имеют много общего с бессоюзными присоединительными конструкциями: разрыв между основной и присоединяемой частями, разнообразие значений присоединяемой части, пауза, интонация добавления и т. п. Вторая часть не зависит от первой, при ее исключении основная часть не изменяет своей структуры. Функцию именительного падежа в этих конструкциях определяем как именительный присоединения.

©

Именительный присоединения может иметь разные значения, в основе которых лежат такие, например, признаки: лексическое значение существительного, значение всего словосочетания, се-

мантика существительного, наличие частиц в составе присоединяемой части, построение основного предложения, соотношение основной и присоединяемой частей и т. п.

К а ч е с т в е н н о - х а р а к т е р и з у ю щ е е, о ц е н и в а ю щ е е значение именительного присоединения определяется лексическим значением существительного или словосочетания, в котором оно выступает: «Голова у него, видимо, кружилась — *типичное пост-контузионное явление*» (Чаковский. Блокада); «Лист в руках Нуланса мелко вздрагивает — *хороший признак*» (Дангулов. Дипломаты); «Тоскливо, по-волчьи выла пурга, снег забивал щели в стенке, сложенной из кусков льда, и Семенов каждые несколько минут прочищал веслом отдушину для прохода воздуха — *главная забота дежурного*» (Санин. В конце зимовки); «Наступают с музыкой, как на параде — *психическая атака...*» (Эренбург. Буря).

Именительный присоединения приобретает значение обобщающей характеристики, если основная часть представлена бессоюзным предложением, в котором дано перечисление описываемых явлений, предметов и действий. Иначе говоря, первая часть выражает конкретную характеристику, а вторая — общую: «Гудели паровозы, из-под колёс с шипением вырывались клубы пара, смазчик стучал молотком по буксам вагонов — *вечные сигналы дальней дороги, тоскливого расставания*» (Рыбаков. Выстрел); «Стало светать, медленно проступали законопаченные паклей темные стены, стол, лавки, печь с ухватками — *нищенское вдовье жильё*» (Тендряков. Чрезвычайное).

Для конструкций с причинным значением присоединяемой части характерна возможность включения причинных частиц, например, *ведь, же*: «Тем более что вечером мы все должны быть здесь — *очередное совещание*» (Казакевич. Дом на площади); «Ночевка у меня на другом конце города, в метро не поедешь — *облавы...*» (Эренбург. Буря); «Да только недолго мы пожили, — *война*» (Баруздин. Просто Саша). Наличие уступительных частиц придает оттенок уступительности: «Наверное, им было противно, но они держали марку — *коктейль все-таки*» (Казаков. Проклятый север).

Многочисленную и разнообразную группу составляют конструкции, именительный присоединения которых имеет пояснительное значение. «В тесной и темной комнатке Саввы Ильича все стены увешаны картинами: *лужайки, березки, кусты, берега реки...*» (Тендряков. Свидание с Нефертити). Здесь не допускается включения каких-либо частиц и модальных слов. В присоединяемой части употребляются несколько существительных как отвлеченного, так и конкретного значения, а также имена

собственные. Эта группа весьма неоднородна. Пояснение может быть уточняющим, восполняющим, атрибутивным, предикативным.

При уточняющем пояснении присоединяемая часть раскрывает содержание, уточняет детали, дает более конкретную характеристику (обозначает родовое понятие): «На стене в черных рамках портреты людей в старомодных костюмах — *родители*» (Воронин. Всего дороже).

Высказывания со значением восполняющего пояснения близки к предыдущим. Однако различаются тем, что в присоединяемую часть входят глагольные существительные, обозначающие дополнительное действие к тому, что описывается и поясняется в первой части: «По Волхову катались — *баян, песни...*» (Эренбург. Буря); «Ну, ладно, Варбургу вольно разыгрывать невесть кого, на то он и „Зевс“, но ты-то рационалист, чего ради тянешься за ним — *словечки, шуточки, бравада...*» (Азаров. Дорога к Зевсу).

На атрибутивно-пояснительное значение присоединяемой части указывают следующие признаки: наличие указательного местоимения (*такой, тот* и т. п.) в первой части и атрибутивные отношения между поясняемым и поясняющим: «Русский человек никогда не ездил из Берлина *такой* дорогой: *Вена, Белград, Константинополь...*» (Дангулов. Кузнецкий мост); «В промышленности *такая* форма найдена — *заводские лаборатории*» (Марков. Соль земли); «Как отец... Ты в *том же* духе — *стихи, коллекции, ужины*» (Эренбург. Буря). Помимо указательных местоимений в первой части могут встречаться прилагательные (близкие по значению к местоимениям), числительные: «Все это народ *видный: косяк сажень в плечах, могучая грудная клетка, сапоги номер сорок пять*» (Славин. Уралец); «Над входом в каждую мастерскую вытесан был ее прежний герб; но монета, выходящая из-под чекана, была *одинаковой: серебряный пражский грош*» («Вокруг света», 1973, № 5); «Я старалась эмоционально настроить себя на *одну* волну: *война*» («Смена», 1973, № 18).

Конструкции, именительный присоединения которых имеет предикативно-пояснительное значение, выделяются на основании ряда признаков: лексического значения существительного или всего словосочетания и возможности включения личного местоимения в присоединяемую часть. Именительный выполняет функцию дополнительного предиката и содержит добавочное сообщение относительно субъекта, объекта основной части или субъекта предшествующей фразы. В соответствии с этим выделяются три разряда предложений.

В предложениях, именительный которых представляет собой предикативное определение субъекта основной части, поясняе-

мый субъект обозначает и одушевленное и неодушевленное лицо, имеет при себе свой предикат (сказуемые самых различных типов). Эти высказывания представляют собой структуру, в которой при одном субъекте имеется два предиката. В зависимости от значения существительного или значения определяющих его прилагательных присоединяемая часть выражает родовое или видовое понятие, имеет оценочное значение: «Она с ним в родстве — *действительно племянница*» (Никулин. Мертвая зыбь); «В Польше все еще находились савинковские банды, петлюровцы и другие подонки белогвардейщины — *горючий материал для разжигания конфликтов*» (там же); «Он даже не похож на человека — *ходячая водянка*» (Лавренев. Крушение республики Итль).

Именительный, обозначающий предикативное определение объекта предыдущей части, может иметь собственно-определяющее, качественно-оценочное или сравнительно-оценочное значения: «Я очень рад, что я вас встретил — *первый парижский знакомый за все это время*» (Эренбург. Буря); «Достал книги и будто глаза промываю. Еще больше за себя обидно становится: *червь смородиновый, паугина!*» (Федин. Первые радости).

Именительный присоединения, представляющий собой предикативное определение субъекта предшествующей фразы, имеет в основном характеризующее или сравнительно-оценочное значения. Определяемый субъект, как правило, обозначает лицо одушевленное: «... Очень нравилась Михаилу першинская речистость. Зимой, бывало, придет на Ручьи да как начнет про международную политику выкладывать — *комиссар!*» (Абрамов. Две зимы и три лета); «Вот и весь сказ — *дезертир*» (Дангулов. Кузнецкий мост); «Все это тихохонько: *настоящая Тихоня*» (Инбер. Как я была маленькой).

●

Рассматриваемые конструкции получили широкое распространение в языке художественной литературы. Именительный постпозитивный в присоединительных конструкциях используется как в авторской речи, так и в речи персонажей. Встречаются также конструкции, в которых сочетаются авторская и индивидуальная характеристики. В таких конструкциях именительный представляет собой несобственно-прямую речь. Например: «Она вспомнила, как Дюма сказал, что Рудди будет капитаном. Теперь это не растрогало, но возмутило ее, — *старый шут!*» (Эренбург. Буря).

Конструкции с именительным присоединения характерны не только для языка художественной литературы. Они встречаются и в современной публицистике, в частности в очерковом жанре и в научной литературе.

Р. С. АКОПЯН
Ереван

Л. М. Леонидов о речи актера

«Без волнений, без потрясений, без слез, без смеха театра нет и быть не может» — эта мысль неоднократно повторяется в статьях, дневниках, записных книжках и выступлениях народного артиста СССР, профессора, доктора искусствоведения Леонида Мироновича Леонидова, которого К. С. Станиславский назвал «единственным русским трагиком».

Современник Станиславского и Качалова, учитель Бориса Ливанова и Николая Хмелева, Л. М. Леонидов (1873—1941) представлял собой явление достаточно уникальное даже для русского театра. Он был наделен в равной степени как темпераментом, так и высоким интеллектом. И когда могучий интеллект Леонидова приходил в соприкосновение с его не менее могучим темпераментом, рождался вулкан, носивший имя Дмитрия Карамазова, Отелло, Пугачева... При этом, игре Леонидова были чужды какие бы то ни было внешние эффекты, она отличалась необычайной простотой и лаконичностью актерских приемов. Неслучайно он называл себя «трагическим актером в пиджаке», подчеркивая абсолютную неприемлемость для себя всякого рода сценических эффектов и украшения.

В наши дни обращение к заметкам, дневникам, письмам Л. М. Леонидова, стенограммам его репетиций и бесед с молодыми

актерами (см. книгу «Леонид Миронович Леонидов. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. Статьи и воспоминания о Л. М. Леонидове». М., 1960) диктуется не только желанием напомнить об этом великом русском актере, но и необычайной остротой и актуальностью тех вопросов, которые Л. М. Леонидов поставил около полувека назад и которые по-прежнему продолжают волновать театр. В огромной степени это касается и сценической речи.

Модной в наши дни «скороговорочке», «бытовизации» звучащего со сцены слова, речевым ошибкам, небрежному отношению к тексту, бытующим зачастую на подмостках современных театров, а также сознательному «обытовлению» языка драматургии противостоит ясная, четкая и бескомпромиссная позиция Леонидова, считавшего слово решающим компонентом в творчестве актера, а потому относившегося к слову с истовым, благоговейным вниманием. Он писал: «Всякое манерничанье, фокусничанье, всякое стилизаторство в языке, как и в жизни, есть фальшь и ложь».

Творческий процесс самого Леонидова можно было бы свести (разумеется, упрощенно) к формуле: «слово — образ — слово». Слово писателя служит, по мнению Леонидова, тем импульсом, который будит воображение актера и приводит в конечном счете к рождению сценического образа. Мысль автора, его идеи актер также доносит до зрителя через посредство звучащего со сцены слова. Вот откуда максимальные требования Леонидова к слову: «Слово должно нести в себе... „зерно“ жизненной и художественной правды, тогда оно уместно в тексте драматурга и оправдано для актера и для зрителя».

В связи с этим следует пояснить, что понимал Леонидов под «художественной правдой»: «Настоящая правда [в искусстве] — фотография, натурализм. Художественная правда — это типическое, обобщающее. Художественная правда только тогда достигает цели в театре, если она зрителем принимается как настоящая правда».

Во имя высокой художественной правды не уставал Леонидов предостерегать от небрежного, неумелого, легкомысленного отношения к слову, не уставал повторять молодым актерам, что их задача — «глаголом жечь сердца людей». Именно такое понимание роли звучащего со сцены слова с необычайной силой демонстрировал он сам. «Слова, которые он произносил на сцене, врезывались в память, вызывая волнение у тех, кто их слышал даже спустя много лет после того, как голос Леонидова замолк навеки», — вспоминает М. О. Кнебель.

Требования, которые Леонидов предъявлял к актеру, начинались с простейшего: хорошей дикции. «Как бы гениально ни играл

актер, но если у него плохая дикция, все пропадет», — учил он студентов Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского. «Не болтайте слов!» — требовал он на репетициях. Как часто в наши дни серьезное, вдумчивое отношение к тексту подменяется ненужной аффектацией и криком. И вновь вспоминаются требования Леонидова: «Я бы просил вас громче чувствовать и тише говорить...» (стенограмма репетиции пьесы Н. Вирты «Земля»).

Репетируя с актерами, Леонидов добивался от каждого из них ясного понимания того, что он говорит: «Для чего вы говорите и для чего вам необходимо это сказать? На сцене каждая фраза или необходима, или не нужна — середины быть не может». Артист МХАТа В. Ершов, игравший роль Великатова в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского, вспоминает, как долго не давалась ему заключительная реплика Великатова: «Александра Николаевна, пожалуйста! Сейчас последний звонок». Эта фраза казалась актеру проходной, лишённой внутреннего смысла, подтекста. Всё стало на свои места после замечания Леонидова: «Ведь хозяин пришел! Здесь это уже тигр, который когти выпустил». И фраза не просто заиграла, она стала ключевой для всего понимания характера Великатова: до поры до времени державшийся в тени, здесь он уже прямо заявляет свои права на Негину, жизнь и судьба которой отныне зависят от этого купившего ее талант хищника.

«Слово должно быть кованое», — говорил Леонидов. И, болезненно переживая пренебрежительное отношение к звучащему со сцены слову, невнимание к тексту, он писал: «Особенно страшно, когда это слово принадлежит Грибоедову, Гоголю, Пушкину, Островскому». В 1938 году, присутствуя на репетициях «Горя от ума», Леонидов записывает в дневнике: «Считаю неправильным в „Горе от ума“ всякие зевания, повторения слов, придыхания, вставки по три раза: „Карета Горича!“, „Карета Скалозуба!“». Его коробят речевые ошибки и просчеты актеров. «Ах, вести старые, кому же они новы», — цитирует он в дневнике, замечая: «А на сцене *новЫ*»... В 1934 году актер вписывает заинтересовавшее его замечание А. М. Горького, который присутствовал на репетициях «Егора Булычова»: «Почему вы говорите *дблги*, а не *долгИ*?».

Леонидов настойчиво напоминал о традициях русской сцены, где «слово занимало почетное место». «В Малом театре, — писал он, — так произносили слова Островского, что они звучали, как настоящая музыка». С величайшим восхищением говорил Леонидов о «блестящем языке» Ольги Осиповны Садовской: «Вот уж „подлинная музыка в разговоре“, как говорит Несчастливцев». Через много лет вспоминал Леонид Миронович, как он, тогда еще безвестный ученик Московского театрального училища, увидел в 1895 году

Михаила Провича Садовского в роли Хлестакова. Его стиль, манеры, разговор поразили юного Леонидова: «... Как он произносил слова: „Да, деревня тоже имеет свои пригорки, ручейки...“ — и вдруг совершенно неожиданно и тихо: „зефиры“».

Сам Леонидов внимательно, как-то по-исследовательски пылливо вчитывался в произведения русских классиков, чутко улавливая в них те черты, которые нередко ускользают от внимания даже профессионалов. Так, работа над образом Дмитрия Карамазова (артистическим подвигом Леонидова назвала эту роль О. Л. Книппер-Чехова) помогла ему с необычайной проницательностью угадать в Достоевском «романиста-драматурга». Позднее, знакомясь с черновиками романа «Братья Карамазовы», Леонидов обнаружил, что многие куски этого произведения действительно вначале имели форму диалога и монолога, были снабжены авторскими ремарками. Перечитывая Л. Н. Толстого, Леонидов восторгается его богатейшим словарем (дневник, май 1930). Его интересует, как произносил сам Толстой те или иные слова (дневник, апрель 1936).

Огромной любовью Леонидова был Пушкин — с того самого момента, как отец подарил ему, маленькому гимназисту, полное собрание сочинений великого русского поэта. «За что я люблю Пушкина? — спрашивал себя Леонидов. — За что любишь солнце?». Он страстно любил Пушкина за все: «за глубокое содержание, за его мудрость, за его гениальную форму, за его язык, за его молодость, за его искренность, за его свежесть, за необузданный его темперамент, за быструю смену настроений, за его беспечность, за его исключительную способность перевоплощения». Леонидов пробовал заняться изучением рукописей Пушкина, стремясь проникнуть в тайная тайных творчества поэта. Только из такого сплава любви к Пушкину и стремления заглянуть в глубины его творчества могло родиться то чудо Искусства, когда на пушкинском вечере в Политехническом музее 5 марта 1927 года Леонидов потряс слушателей неповторимым по силе эмоционального воздействия чтением «Пира во время чумы»...

Леонидов доискивался до самой сути, до сокровенного смысла каждого пушкинского слова. На одной из репетиций он обратил внимание на изменение стилистической окраски слова *ремесло*. В монологе Сальери («Ремесло Поставил я подножием искусству...») в этом слове еще звучало глубочайшее уважение к ремеслу — синониму мастерства, умения, совершенного владения тайнами профессии. Леонидов видел в этом выражение времени — века ремесленных цехов. Для самого Леонидова ремесло уже было нечто, противостоящее искусству, нечто шаблонное, лишенное вдохновения. Такое же понимание слова *ремесло* мы находим у Станислав-

*Л. М. Леонидов
в роли
Лопухина
(А. П. Чехов.
Вишневый сад)*

ского в записи, сделанной им в книге протоколов спектаклей МХАТа после 78-го представления «Синей птицы» М. Метерлинка «Есть ремесло актера... и есть искусство переживания. Никогда... русские актеры не будут хорошими ремесленниками... Наше искусство заключается в переживании». Именно так употребляет он это слово в письме к Леонидову, говоря о постановке «Ревизора»: «Опасный враг театра и искусства...— ремесло. Это не искусство... Это добросовестное ремесло. Это искажение Гоголя» (1909).

Леонидов предъявлял высокие требования к языку современной драматургии. «Мы соскучились по живому, говоримому языку,— писал он в одной из своих статей в 1933 году.— Как прекрасен и точен язык классиков! Я играю Лопухина („Вишневый сад“) уже тридцать лет, но до сих пор еще нахожу все новые и новые оттенки и звучания слов, произносимых мною в этой роли». Леонидов страстно протестовал против «высушенности и надуманности стиля, которые стали... общей болезнью нашей драматургической литературы». Он требовал от драматургов яркого, образного, сочного языка.

Враг всякого «бытовизма» на сцене, Леонидов не считал бесспорным введение в язык пьесы обиходно-разговорных словечек, просторечной лексики, вульгаризмов. Однако, не упрощая этого вопроса, он ставил его решение в зависимость от степени талантливости драматурга, от его художественного чутья. Не удовлетворяло Леонидова и увлечение драматургов диалектизмами. Он отмечал, например, что обилие «казацких выражений» в пьесе Тренева «Пугачевщина» (где Леонидов в очередь с И. М. Москвиным играл роль Пугачева) значительно затруднило работу над ролью. «Живых людей, говорящих живым языком» услышал Леонидов в «Земле» Н. Вирты: «...Каждое слово, каждая фраза настолько яркие, ядреные, что приятно произносить. Ни одно слово не пропадает...». «Кремлевские куранты» Н. Погодина пленяли Леонидова ярким, образным диалогом.

В апреле 1936 года Леонидов записывает в дневнике: «Для актера особый язык. Без всяких терминов. Проще. Не научно». В этом отношении его не мог удовлетворить до конца язык пьесы Афиногеева «Страх» (хотя Леонидов высоко ценил драматургию Афиногеева): он не был сложным для запоминания, но отличался аскетической сухостью и был лишен той образности, которая необходима актеру как своего рода творческий импульс.

Язык пьес А. М. Горького Леонидов рассматривал как «высокий образец мастерства и простоты, глубокой насыщенности, образности, музыкальности каждого слова при одновременной абсолютной ясности и легкости». Неслучайно образ Егора Булычова стал одним из самых любимых созданий Леонидова. «Замечательно говорил Леонидов в этой роли,— вспоминает М. О. Кнебель.— Великолепная горьковская речь обретала в его устах особенную плотность и вес. Он припечатывал каждым своим словом обитателей этой „улицы“, которых он знал со всей их подноготной и презирал всей силой души». «„Я — земной! Я насквозь земной!“ — в этих словах,— пишет М. О. Кнебель,— звучали и бунт против ханжества, и нежелание отказаться от земной, грешной жизни, и яростный протест против непонятных ему законов жизни».

Среди прочих требований к современной драматургии Леонидов вписал в свою записную книжку и то, которое он считал основным: «блестящий образный язык». «...Актеру должно быть оставлено право говорить не об искусстве, а подлинным языком искусства, не декламировать об образах, неясно маячащих в творческом воображении драматурга, а творить эти образы на сцене» — эти слова Леонидова по-прежнему остаются актуальными для современной драматургии.

«Всякое слово, сказанное вами на сцене... всегда звучит в первый раз. Вы можете играть роль 200—300 раз, но каждый раз все

должно быть новым», — писал Л. М. Леонидов, человек, бесконечно скромный и требовательный к себе. Призывая к театру своей мечты — «театру потрясения», он завещал следующим поколениям русских актеров играть так, «чтобы не голос, а сердце кричало в каждой роли».

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ
Ленинград

Если хотите хорошо составлять документы — читайте Чехова. Я считаю, что лучше его никто не пишет: коротко, сжато, ясно, прекрасный, настоящий русский живой язык. Чем больше вы будете читать, тем больше он будет нравиться. Сколько раз я ни читал Чехова, еще и еще возвращаюсь к нему. Это один из крупнейших наших художников. Он жил в безвременье, но дал много, у него нужно учиться. Прекрасный язык у Гончарова... У нас очень много близких по значению слов, а чтение литературы дает понимание их употребления. Вы будете иметь дело с народом. Вам нужно говорить с ним хорошим языком, чистым, ясным, простым. А это самое трудное... Имейте в виду, что беллетристика — это одно из важнейших пособий для наших работников... Смотрите читайте беллетристику. Видно, вы еще во вкус ее не вошли. Посмотрите, сколько Маркс уделял времени беллетристике. Он критиковал Эжена Сю. Сколько он останавливался на Бальзаке.

Вам и по другой причине нужна беллетристика. Вы будете иметь дело с людьми, а беллетристика для общественника все равно что физиология для медика. Медик изучает человеческое тело, а беллетристика учит познавать людские характеры. В вашей работе знание беллетристики вам поможет в понимании людей. Это помимо того, что она вас вообще разовьет. Вам надо познакомиться с Белинским, Добролюбовым, они читаются чрезвычайно легко. Когда вы войдете во вкус, у вас и время найдется...

*М. И. Калинин. Из беседы со студентами
Института государственного права и государственного управления*

Газетная работа самая трудная из всех литературных работ... Интересное содержание советская газета должна сочетать с прекрасной формой изложения. Язык газеты должен быть ярким, народным, то есть простым и ясным, доступным миллионам читателей.

М. И. Калинин. Работникам большевистской печати

ПОДДАННЫЙ. ПОДДАНСТВО. ГРАЖДАНСТВО.

В последней четверти XV века в русско-польской дипломатической переписке встречается слово *подданный* 'лицо, подчиненное верховной власти государства' (польское *poddany* 'крепостной' является словообразовательной калькой латинского *subditus*: *sub* — *pod*, *dit* — *dan*, *us* — *y*; ср. немецкое *Untertan* 'падданный', 'верноподданный'). Значительно раньше оно употребляется в так называемых южнорусских грамотах, например в Договорной грамоте короля Ягелла с молдавским воеводою Стефаном 1433 года: «И отпущаемы ему все тымь нашимъ листомъ слюбючи (сравним польск. *s'lubowac* — 'присягать, клясться, давать обет', *s'lub* 'клятва, клятвенное обещание', 'обет') пререченого Стефана воеводу и его дѣти памѣстки и подданныи николи на вѣки не упомянути, але нашу ласкою надѣляти и милостети...» (В. А. Розов. Южнорусские грамоты. Киев, 1917).

Слово известно по русским дипломатическим памятникам в двух вариантах — *подданный* и *подданный*, в котором появление второго *н* можно объяснить влиянием книжных образований — причастий на *ни* типа *уполномоченный*, *оправданный*, *осужденный*. Что же касается места ударения в этом заимствовании, то можно лишь предполагать, что слово произносилось, как и в языке-источнике, с ударением на втором слоге — *поддѣ[н]ый* (в привлеченных нами памятниках знаки ударения над словами не обозначены). В пользу данного предположения говорит фиксация этого слова с таким ударением в Лексиконе трехязычном Ф. П. Поликарпова 1704 года — *поддѣнный*.

Приведем примеры: «Правити посольство Федору Мансурову от великого князя королю... заньжо Стефан воевода волоский голдовник (вассал, данник) наш, мы с божею помочию боронити его хочем от всякого его неприятеля, как то *подданого* и слугу нашего»

(1486 г. Сборник Мухомова, СПб., 1866); «о многих делах обидных, которые ся кривды деют нам и землям нашим и *подданным* нашим от тебе с твоее земли от тых часов и до сих мест, тым всем делом нам от тебе вправки нет» (1491 г. Памятники дипломатических сношений с Польско-Литовским государством, т. 1); «Нам от твоих людей с твоее земли нашим *подданным* многы кривды и шкоды състался» (1497 г. Собрание государственных грамот и договоров, т. 5). [В Картотеке древнерусского словаря самый ранний случай употребления этого слова зафиксирован в памятке 1497 года, на него ссылается и О. Г. Порохова в «Заметках о новых словах в русском языке XV—XVII вв.»— «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка», М., 1961.]

С XVI века полонизм прочно утвердился в русском языке как правовой термин. Он широко представлен в дипломатических памятниках, отражающих внешние сношения России со многими иностранными государствами. Следует сказать, что в русской правовой среде данное заимствование стало сближаться — и по звуковому облику и по значению — с предложно-именным сочетанием *под данью* (быть, находиться), с помощью которого проявлялась смысловая структура слова *подданный*. Любопытно, что в значении «подданство» сочетание *под данью* известно по Кормчей книге Ефремовской около 1100 года: «Под данию Африкиискою» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, СПб., 1893). И не удивительно поэтому контексты, в которых слова *дань* и *подданный* употребляются рядом, в одном предложении, что еще более подчеркивает их смысловую связь: «И турской присылаи к своим прежним *подданным*, которых наши воеводы поймали и подвели под цесареву руку, чтоб те дали турскому по-прежнему *дань*» (1594 г. Памятники дипломатических сношений с Римской империей, т. 2); «А *подданные* земли, которые под его государскою рукою, ему, государю, служат и *дань* дают радостными сердцами» (1654 г., там же, т. 3).

Приведем примеры со словом *подданный* из памятников XVI—XVIII веков: «Чтоб вашему величеству от *подданных* своих и ото всех государей сторонних великая слава и честь была» (1576 г. Памятники дипломатических сношений с Римской империей, т. 1); «Чтоб твоего пресветлейшества торговые люди, прироженные твои *подданные*, ездили со всякими товары в наше г(осу)д(а)рство торговати» (1585 г. Памятники сношений с Англией).

Указание на отношение подданных к той или иной стране или монарху передавалось и посредством соответствующих отыменных прилагательных: *свейские* (шведские) *подданные*, *российские подданные*, *шаховы подданные* и т. п.: «А всем *свейским подданным*

пзо всех мест... ходити в Ругодив» (1595 г. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым, СПб., 1897); «Ежели похотят *российские подданные* чрез области и земли персицкие... ехать...» (1735 г. Русско-индийские отношения, т. 2, М., 1965).

В дипломатическом языке XVII века употреблялось и сложное слово *верноподданный*: «И Маметь-Исуп говорил, что он государев верноподданной и прислан к шаху о их государских общих надобных делах» (1695 г. Русско-индийские отношения, т. 1, М., 1958). Немного раньше отмечается словосочетание *верный подданный*: «А хотят быть с городом под державою цесаревою и во всяком покорном подданстве, как *верным подданным* достоит» (1604 г. Памятники сношений с Римской империей, т. 2).

Слово *подданный* употреблялось в языке и как собственно прилагательное, образуя с существительными составные наименования: *подданные люди, подданные гости, подданные земли* и т. п.: «А с Руси б в Аглинскую землю ходить торговати русским прирожденным и *подданным людем* с своими товары» (1582 г. Путешествия русских послов XVI—XVII вв., М.-Л., 1954); «И мы велели о той торговле с послы вашего вельможства говорить нашего царского величества *подданным гостем* и торговым людем» (1629 г. Русско-шведские экономические отношения в XVII в., М.-Л., 1960).

Интересен материал, связанный с пониманием значения слова *подданный* Петром I. По свидетельству знаменитого механика А. К. Нартова, Петр, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повивающимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять...» (А. Н. Робинсон. Борьба идей в русской литературе XVII в.).

Во второй половине XVI века в русский язык из польского пришло и однокорневое существительное *подданство*, обозначавшее абстрактное правовое понятие 'принадлежность к числу подданных', 'принадлежность лица к постоянному населению какого-либо государства'. (Как и *подданный*, оно в то время имело ударение на втором слоге. С таким ударением было зафиксировано в Лексиконе трехязычном Ф. П. Поликарпова 1704 года — *поддánство*.) Первые случаи употребления этого слова нам встретились в посланиях Ивана Грозного: «Як же предкове твои зрадным обычаем сродника нашего князя Михаила Олелковича на Киеве зрадили и от нашего *подданства* есте отлучилися» (Послание Ходкевичу от имени Бельского 1567 г.— Послания Ивана Грозного, М.-Л., 1951); «Многижды подданой, хотя ис *подданства* выступити, да государю своему про-

тивитца — ини его за то казнят» (Послание Грозного польскому королю Стефану Баторию 1581 г.— там же). [Наши материалы более чем на столетие отодвигают назад время первых фиксаций данного слова русской письменностью по сравнению с материалами Картотеки древнерусского словаря, в которой первые примеры относятся к 1672, 1673, 1675 годам.

О. Г. Порохова полагает, что «слово *подданный* подготавливает своим значением значение производного от него слова *подданство* 'принадлежность к числу подданных'» (О. Г. Порохова. Там же). Согласно показаниям наших материалов, как уже отмечалось, оно заимствовано из польского языка (на что указывает и М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка», т. 3, М., 1971). Правда, он указывает первый случай употребления этого слова в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича 1666 г.】

С начала XVII века *подданство* широко отражается в памятниках дипломатических сношений России с Польшей и другими государствами: «А хотят быть с городом под державою цесаревою и во всяком покорном *подданстве*, как верным подданным» (1604 г. Памятники сношений с Римской империей, т. 2); «Да и все де они того хотят, чтоб от свейского короля из *подданства* быть свободным» (1656 г., там же, т. 3); «прислано письмо мулянского посланца Георгия Кастриота о *подданстве* Мулянской земли» (1698 г., там же, т. 9).

Подданство могло быть вечным и временным: «А доходов с тое Малые Росии не бывает ничего, потому как царь принимал их под свое владение в подданство, и он обещался им и чинил веру на том, что им быти под его владением в *вечном подданстве* по своим волностям и привилиям, как были они в подданстве у полского короля» (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича 1666 г.); «Ис персицких подданных купцов... приимать... пристойным образом, без разглашения, во *временное подданство*, а не вечное» (1744 г. Русско-индийские отношения, т. 2).

Как правовые термины *подданный* и *подданство* употреблялись в русском языке вплоть до 1917 года, на что указывают данные словарей: Российский Целлариус 1771 г.— *подданный* (с ударением на первом слоге); Словарь Академии Российской 1790 г.: «*Подданный*. Употр. вместо существ. Подверженный, подлежащий власти государя, республики или другого какого-нибудь верховного владетеля или правителя»; «*Подданство*. 1. Подчиненность верховной власти; состояние подданного в рассуждении государя... 2. Берется иногда вместо: обладания, владычества»; Словарь 1847 г.: «*Подданный* — подвластный государю или другому какому-либо правительству; *Подданство* — состояние подданного».

Отметим бытовавшие до 1917 года в русском языке производные образования: *подданная* (зарегистрировано уже в словаре 1790 года), суффиксальные *подданнык*, *подданныца* — с той же семантикой, что и *подданный*, *подданная* (Словарь В. И. Даля), *подданнический* (долг, обязанность) — свойственный подданному, *подданническая повинность* — повинность, налагаемая на подданных (с иным ударением в Словаре 1790 г. — *подданныческий*), *подданничество* — выражение подданнической преданности и смирения, выражение подданнических чувств (с иным ударением в Словаре 1847 г. — *подданнычество*), *подданнычий* — им свойственный или принадлежащий (Словарь В. И. Даля).

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая буржуазно-помещичий строй в России, впервые установила подлинное народовластие и равенство всех граждан. В Декрете ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 года об уничтожении сословий и гражданских чинов было установлено одно общее для всего населения России наименование — *гражданин Российской Республики* (Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957). В современных толковых словарях русского языка так определяется основное значение этого слова: «Гражданин — лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующегося всеми правами, обеспеченными законами того государства, и исполняющее все установленные законами обязанности» (17-томный Словарь русского языка, т. 1, М., 1956). Отмена Советской властью унижительного наименования *подданный* имела исключительно большое политическое значение.

Вышло из употребления слово *подданство*, а за ним и все другие производные образования. Значение 'постоянная принадлежность физического лица к определенному государству, которая предполагает совокупность прав и обязанностей данного лица', стало передаваться словом *гражданство*: «Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство. Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР» (Конституция СССР); «Гражданство СССР имеют все состоявшие к 7.XI. 1917 г. подданными бывшей Российской империи и не утратившие советского гражданства» (Дипломатический словарь, т. 1, М., 1971).

Не касаясь подробной истории слов *гражданин*, *гражданство*, отметим, что они известны по памятникам с XI века (первое в значении 'городской житель', второе — 'гражданское устройство'). Слово *гражданин* еще в XVIII веке употреблялось в старом значении, на что указывает Словарь Академии Российской 1790 года. А. Н. Радищев и другие передовые деятели последних десятилетий XVIII века, а затем и декабристы во многом содействовали формированию в слове *гражданин* его общественно-политического звучания.

ния 'член общественного коллектива, сознательно участвующий в жизни этого коллектива': «Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек», «Истинный гражданин должен жить интересами общества, активно бороться на благо своих граждан — исполнять должность гражданина» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву); «Чтобы гражданин, в обществе живущий, ведал, в чем состоят его права и обязанности» (А. Н. Радищев. О законоположении).

В первой половине XIX века окончательно утвердилось употребление этого слова в значениях 'полноправный член общества, государства' и 'человек, исполненный сознания общественного долга, отдавший себя служению обществу, государству'. Сравним пушкинское словоупотребление: «Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных» (А. С. Пушкин. Письмо И. В. Киреевскому, 1832 г.); «Я говорил: в отечестве моем Где верный ум, где гений мы найдем? Где гражданин с душою благородной Возвышенной и пламенно свободной?» (А. С. Пушкин. Краев чужих неопытный любитель, 1817).

Слово как 'член гражданского общества' фиксируется в Словаре 1847 года и другими словарями XIX века (Словарь русского языка, т. 1, СПб., 1895: «Гражданин. 1. Городской житель, горожанин. 2. Всякий полноправный член общины или государства»).

В XIX веке наполняется общественно-политическим содержанием и слово *гражданство*. Вот лишь два примера из произведений декабристов: «Гражданство есть право участвовать в общественном управлении, определенном в [сем] уставе порядком» (Н. Муравьев. Проект конституции, II); «Они лишаются на то время прав гражданства, т. е. права избирать и преимуществу быть избранным в общественную должность (там же, X). Сравним у Пушкина словосочетание *права гражданства* — 'обычные права всякого гражданина': «Я не лишен прав гражданства и могу быть цензорован нашею цензурою» (Письмо М. П. Погодину, 1827 г.).

У Пушкина *право гражданства* употребляется и в переносном значении — 'признать': «А. С. Шишков дает ему [слову *вольнлюбивый*] право гражданства в своем словаре» (А. С. Пушкин. Письмо Н. И. Гречу 21 сентября 1821).

Словосочетание *получить права гражданства* употребляется и в ином переносном значении — 'о чем-либо, получившем всеобщее признание, широкое распространение': «Слово „чутья“ ... я... употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин и даже Жуковский» (Н. В. Гоголь. Записки Сербиновичу 29 сентября 1834), «Слово „большевик“ приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и

во всей заграничной прессе...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36).

Как правовой термин 'принадлежность лица к постоянному населению какого-либо государства, обуславливающая его права и обязанности по отношению к этому государству', слово *гражданство* стало употребляться только после Октября.

Ф. П. СЕРГЕЕВ

ДЕТИНЕЦ

Слово *детинец* в современном русском языке встречается редко и характеризуется в словарях как историческое. Действительно, оно обозначает предмет далекого прошлого нашего народа — внутреннюю укрепленную часть города в древней Руси, кремль (см.: Словарь современного русского литературного языка. Т. 3, 1954). Сейчас эти сохранившиеся древние укрепления в центре наших городов обычно называют кремлями, но иногда употребляется и старое название — *детинец*. Например: «...в самом центре Заславля на Свислочи, на самом высоком месте существует *детинец* — мощный четырехугольник земляных валов» (А. Плющ. Отыскался след Рогнедин. «Неделя», 4 апреля 1976). *Детинцем* древнерусские летописцы называли и Новгородский кремль, и Псковский, Владимирский, Белгородский: «Тое же осени въ Новѣгородъ въ Великомъ свершили градъ камень дѣтинець» (Софийский Временник, лист 240); «...и пришедши рать немецкая ...и посадъ пожгоша около города Пльскова, и много пакости подъявше, отыдоша прочь, а кремлю городу *дѣтинцу* не сътвориша зла ничтоже» (Симеоновская летопись, под 1367 г.); «Того же

льта заложил ... князь Всеволодъ Юргевичъ *дѣтинецъ* въ градъ Володимѣри» (Лаврентьевская летопись, под 1194 г.); «Изяславъ же пришедь к Бѣлугороду и стоя около *дѣтинца* 4 педѣли, острогъ бѣше Ростиславъ до него самъ пожегль» (Ипатьевская летопись, около 1425 г.). Впрочем, иногда словом *дѣтинецъ* летописцы обозначали и внутренние укрепления иноземных городов: «Ходиша Новгородци воинсю на Нѣмецкую землю ... придона к городу Ваню, і взяша городъ, і псагоша, а нѣмци възбѣгоша на *дѣтинецъ*: бѣше бо мѣсто велми сильно, твердо, на камени высоко» (Новгородская I летопись, под 1312 г.).

В других славянских языках этого слова нет. Только польский заимствовал его из русского и скрестил (контаминировал) с польским словом *dziedzina* 'область' (первоначально 'наследие предков, дедов', от *dziad* 'дед'), откуда возникло польское *dziedziniec* 'двор, огороженная площадка перед домом'.

Как же возникло русское слово *детинец*? В этимологических словарях его происхождение толкуется на редкость единообразно: все они производят *детинец* от *дети* (древнерусское *дѣти*, множественное число от *дѣтя*). Некоторые различия в толкованиях касаются лишь предполагаемой смысловой мотивировки. Одни считают, что слово *детинец* образовано от названия служилых людей — *дети боярские*, так как в детинце находился гарнизон (так считал, например, А. Преображенский — см.: Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1910—1914). Другие думают, что слово *детинец* было образовано от *дети* потому, что детинец служил во время военных действий укрытием для несовершеннолетних детей (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964). Эта двойственность свидетельствует о неясности смысловой стороны предполагаемой связи слов *детинец* и *дети*. Формально образование слова *детинец* от *дети* или *детина* вполне возможно, но почему, действительно, название крепости могло быть произведено от *дети*?

Наименее вероятным кажется предположение, будто дело в том, что в детинце укрывались несовершеннолетние дети: в имеющихся исторических материалах отсутствуют указания на подобное назначение детинца, точнее — имеются многократные упоминания о том, что после взятия врагами города все его уцелевшее население пряталось в детинце. Например, в Лаврентьевской летописи под 1152 г. читаем: «На ту же ночь Изяславъ и Ростиславъ и Всеволодичъ видѣвше силу Половечскую повелѣша людемъ всемъ бежати изъ острога в дѣтинецъ». Вряд ли надежна и связь названия *детинец* с обозначением воинов (*дети боярские*): крепость защищали обычно не только дети боярские, но все воины и даже все население, укрывшееся в ней. Поэтому приведенные варианты тол-

кования слова *детинец* как производного от *дети* представляются недостаточно обоснованными.

Для объяснения предполагаемой связи слова *детинец* с *дети*, *детина* можно, однако, пойти и другую семантическую мотивировку, не отмеченную в этимологической литературе. Дело в том, что синонимом древнерусского *дѣтинець* было словосочетание *дѣтѣшнии градъ*: «Володимерь же приступи ко вратомъ восточнымъ ... и отвориша градъ околнии и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ *дѣтѣшнии градъ*» (Повесть временных лет, под 1076 г.). Прилагательное *дѣтѣшнии* образовано от *дѣтѣ* 'внутри' (местный падеж единственного числа от *дѣто* 'дно') и отчетливо выявляет существенный признак детинца, легший в основу одного из его обозначений (*дѣтѣшнии градъ*), — положение детинца в н у т р и города. Следовательно, детинец мог обозначаться именно как в н у т р е н н е е укрепление. Если иметь это в виду, то можно аналогично истолковать и образование слова *детинец* от *дети*: судя по материалам русских народных говоров, меньшие и внутренние части различных составных предметов и орудий нередко обозначаются в русском языке производными от существительного *дети*, то есть обозначаются собственно как 'детеныши'. Например: *детыш* 'одна из труб рудничного насоса, подтрубок'; архангельское *детеныш* 'часть печной вьюшки, тарелка, накрываемая колпаком', 'дощатый срубец, ящик с песком на дне колодца, для очистки воды'; сибирское, уральское, пермское *детыш* и архангельское *детинец* 'внутренняя воронка рыболовной верши', *детка лукавицы, чеснока* 'зубок, часть, которую легко отделить', *детка* 'рукоять весла, стерженек', 'колода, толстое выдолбленное бревно, которое ставится на дно колодца, где бьет жила, чтобы последняя не засыпалась землей' (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Изд. 3. М., 1903; Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина. Вып. 8.). Возможно, что и внутреннее, меньшее укрепление древнерусского города было обозначено буквально как 'детеныш', а поэтому название этого укрепления было произведено от слова *дети* (или *детина*) и тождественно по происхождению диалектному *детинец*, имеющему в разных говорах значения 'внутренняя воронка рыболовной верши' и 'птенец'.

Однако и при таком решении вопроса о происхождении слова *детинец* в этой проблеме остаются неосвещенные стороны. Серьезное сомнение вызывает степень древности самой функции детинца как в н у т р е н н е г о укрепления в древнерусском городе. Исторические данные свидетельствуют, что с XII века древнерусские города обычно состояли из двух частей: детинца — внутреннего города, где размещались княжеский двор, городская администрация и церковные власти, и внешнего города, где жили

Внутренняя часть стены Новгородского кремля

ремесленники, торговцы и прочее население; внешний город также обносился стенами, нередко несколькими концентрическими — по мере разрастания города (см.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период. I. Материальная культура. Под редакцией Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. М.-Л., 1948). Однако такая двухчастная структура присуща уже сложившемуся городу и в большинстве случаев является продуктом исторического развития изначально небольшого поселения, усадьбы или колонии. Это основное ядро будущего города обычно было укрепленным поселком, обнесенным земляным валом с деревянной оградой и рвом. Развитие его в город сопровождалось территориальным распространением населения за пределы старого укрепления, которое постепенно превращалось во внутреннюю крепость города — в детинец (неоднократно перестраивавшийся и обновлявшийся, но часто остававшийся на месте первоначального поселения). На фоне

этих данных естественно возникает вопрос: появилось ли слово *детинец* как обозначение собственно внутреннего укрепления сложившегося города (ср. *дѣтѣшнии градъ*) или оно еще старше и было образовано для обозначения того первоначального укрепленного поселка, который послужил ядром будущего города? В первом случае признак внутреннего положения мог лежать в основе наименования и поэтому справедливо предложенное объяснение образования слова *детинец* от *дети*. Во втором случае исконным значением слова *детинец* было 'укрепление, (укрепленный) поселок', а значение 'внутреннее укрепление' развилось позднее, с изменением функций самого объекта. Тогда признак внутреннего положения никак не мог играть роль при возникновении слова *детинец* и связь этого слова с существительным *дети* невозможна.

Точно определить первоначальную предметную соотнесенность древнего слова всегда трудно. То же можно сказать и о слове *детинец*. Хотя летописи свидетельствуют об употреблении его для обозначения только внутренней крепости, нельзя исключить совершенно и возможность изменения значения слова, происшедшего еще в дописьменный период. Следовательно, правомерны поиски происхождения слова *детинец* в другом направлении, вне связи со словом *дети* и с учетом возможности первичного значения 'укрепление, (укрепленное) поселение'. Это другое направление уже было однажды найдено, но затем забыто и потому, вероятно, не упоминается в этимологической литературе. Единственный след сохранился в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, где о происхождении слова *детинец* сказано: «По мнению одних — от слова *дѣтъ*, девать, то есть поместить или укрыть, а по мнению других от слова *дѣти*...» (т. XI. СПб., 1893, с. 342). Статья подписана *К.В.-о.* Судя по приведенным в конце Словаря сведениям о сотрудничавших в Словаре специалистах, автор статьи — Константин Иванович Величко, но трудно сказать, кому принадлежит изложенная им гипотеза о родстве слова *детинец* с глаголом *дѣтъ* — гипотеза, которая была впоследствии забыта, но заслуживает внимания и возобновления.

В современном русском языке глагол *дѣтъ(ся)* означает 'поместить(ся), спрятать(ся)', например: Некуда *дѣтъ* громоздкую чернильницу. Куда-то *дели* нужную книгу. Несколько отлично значение приставочных образований: *одѣтъ, надѣтъ, поддѣтъ, задѣтъ* и т. д. В древнерусском языке наиболее старыми значениями глагола *дѣти* являются 'класть, ставить, помещать'. Такова исходная семантика этого глагола и в других славянских и индоевропейских языках. Можно думать поэтому, что она восходит к глубокой, индоевропейской древности. Известно, что глаголы со значением 'класть, ставить, помещать' широко употреблялись в древнерусском языке для

обозначения процессов строительства храмов, городов, крепостей, например: *заложити дѣтинець, городъ; поставити городъ, църкъвицю*. Глагол *дѣти* в подобном употреблении не зафиксирован, по некоторую информацию можно извлечь из функционирования слов *дело* и *делать*, производных от глагола *дѣти*. Существительное *дело* в одной старой сербской рукописи (сербско-церковнославянской редакции Троянской притчи) использовано для обозначения строительства. Древнерусский глагол *дѣлати* имел в числе прочих и значение 'строить': «ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложити Новгородъ и съдѣла и» (1-ая Ссфийская летопись, под 1044 г.); «Псковичи поставиша городъ на Опочкъ.. начаша *дѣлати* за недѣлю по Покровъ, а *сдѣлаша* 2 недѣли весь» (Псковская I летопись, под 1514 г.). Именно так употребляется и старопольский глагол *dzielać*, тождественный по происхождению русскому *дѣлати*. Можно предполагать, что и глагол *дѣти*, от которого образованы *дѣло* и *дѣлати*, мог функционировать в значении 'основывать, строить'. Интересна также семантика родственных слов в других индоевропейских языках, например: латинские *conditio* 'основание', *conditor* 'основатель', древнеиндийское *dhāman*-'место жительства', греческое *thémethla*-'основание здания, основа'. Эти материалы свидетельствуют о том, что еще в индоевропейской древности глагол, к которому восходит русский глагол *дѣть*, означал 'устанавливать, закладывать основу, в частности основу дома, поселения'. Следовательно, действительно возможно предположение, что одним из употреблений древнерусского глагола *дѣти* было 'основывать, строить' и существительное *дѣтинець* возникло как производное от этого глагола, причем первоначально обозначало (в соответствии с семантикой глагола) 'устроенное (укрепленное) поселение'. По способу образования слово *детинець* однотипно с диалектным *витина* 'прут', которое является производным от *вить*. Возможно, что между древнерусским глаголом *дѣти* и существительным *дѣтинець* была промежуточная ступень в виде прилагательного *дѣтиное*. Оно встречается в перечне пошлин, например: «не надобе ни на Суръ караулное, ни *дѣтиное*, ...ни иные некоторые пошлины» (Жалованная грамота Нижегородскому Благовещенскому монастырю, 1473—1489 г.) и обозначает, следовательно, какой-то вид пошлины. Иногда оно толкуется как «сбор на устройство городских укреплений, детипцев» (Брокгауз и Эфрон, XI, с. 342).

Таково второе направление в решении вопроса о происхождении древнего русского слова *детинець*.

Ж. Ж. ВАРБОТ

ЗАСТЕГНУТЫЙ НА ВСЕ ПУГОВИЦЫ

Э

тот фразеологический оборот не нов, но употребляется редко. Он зарегистрирован 17-томным академическим

«Словарем современного русского литературного языка» как «Держащийся корректно, строго официально, холодно». В качестве примера дана цитата: «Формально, по-моему, с Бундом надо быть корректным и лояльным (в зубы прямо не бить), но в то же время архихолодным, застегнутым на все пуговицы и на законной почве припирять его неумолимо и ежечасно, идя до конца без боязни» (В. И. Ленин. Письмо Е. М. Александровой, май 1903 года).

Оборот *застегнутый на все пуговицы* имеет свою предысторию — метафорическое употребление опорного слова *застегнутый* (*застегнуть, застегнуться*). Вот это слово в обычной речевой ситуации (применительно к одежде): «Всегда бывал застегнут криво Его зеленый узкий фрак» (А. С. Пушкин. Езерский). И на этом фоне — художественный образ: «Ни одно чувство не выходило у него наружу, ни одно движение не изменяло непонятной тайне души его... Его обращение было как его одежда: просто, без всяких претензий и методически застегнуто» (Одоевский. Черная перчатка); «Варинька меня удивляла. Она была здесь совсем не та, какую я знал ее до сих пор. Она была сдержанна, выдрессирована, застегнута наглухо, так сказать» (Терпигорев. Оскудение). Здесь метафору создает использование слова *застегнутый* не в прямом, а в переносном смысле — для характеристики человека и его поведения, причем сравнение с одеждой так или иначе присутствует на втором плане. Когда же сопоставление с предметом исчезает, слово *застегнутый* приобретает устойчивый переносный смысл. Например: «О нем [Рахманинове] почему-то сложилось мнение как о человеке гордом, мрачном, неприступном, сдержан-

ном, „застегнутом“» (Моров. Сергей Рахманинов. Легенды и правда); «Его застегнутое лицо ничего решительно не выражало... Такие лица бывают в медицинских учебниках... Лица вообще» (Герман. Я отвечаю за все).

Устойчивое переносное значение получил не сам глагол *застегнуть* (*застегнуться*), а его причастная форма (*застегнутый*), указывающая не на действие, а на состояние. Поэтому в контексте она приобретает необходимое оценочное свойство и используется в функции прилагательного.

Образное употребление словосочетания *застегнутый* (*застегнуть*, *застегнуться*) на все пуговицы находим в следующем современном примере: «Человек должен... постепенно подходить к пониманию исключительно важной вещи: каждый шаг, который мне предстоит совершить, может привести либо к благородству, либо к гнусности. Избрать второй путь — это значит застегнуть душу на все пуговицы, ничто не замечать, ничем не волноваться, никаких тревог и забот не испытывать, ко всему притерпеться» (Сухомлинский. Труд души).

При наличии исходного конкретного словосочетания — его параллельное образное употребление в языке может быть бесконечным, но иногда оборот начинает использоваться в полном отрыве от прежних речевых ситуаций. Словосочетание *застегнутый на все пуговицы* становится фразеологизмом тогда, когда приобретает характер устойчивой оценки человека, его поведения. «Я живу, вся застегнутая на все пуговицы, работаю, как запряженная лошадь» (Коллонтай. Из письма 1930 года); «Этот небольшого росточка человек... уединен, застегнут на все пуговицы. Он скрытен, но секретов не держит» («Комсомольская правда», 1 июля 1973); «Уже молодой, малообщительный, ..., застегнутый на все пуговицы“... Арбузов беспощадно ставил двойки даже после праздников» («Новое время», № 19, 1974).

Очевидно, оборот *застегнутый на все пуговицы* имеет довольно широкий спектр употребления: им характеризуются люди с такими качествами характера и поведения, как внутренняя собранность, сдержанность, замкнутость, малообщительность, отчужденность, сухость, холодность, чопорность, официальность. В зависимости от обстоятельств этот фразеологизм обладает или положительным, или нейтральным, или отрицательным содержанием, то есть в шкале оценок человека не имеет раз и навсегда закрепленного за ним места (сравним всегда положительное *семи пядей во лбу* и всегда отрицательное *ни уха, ни рыла*).

Застегнутый на все пуговицы как фразеологизм утвердился в языке в функции определения, именного сказуемого. Но иногда в предложении он выступает в иной позиции. Это умение приспособили-

ваться к потребностям живой речи свидетельствует о его жизнеспособности. Например: «Здесь отдыхал Плеханов, удивлявший всех олимпийским видом, „застегнутостью на все пуговицы“ не меньше, чем своей энциклопедической образованностью» (Овчаренко. Это просто Капри); «У них [генералов Бессонова и Серпилина] одинаковый возраст и одинаковый склад — не подпускающая близко к себе „застегнутость на все пуговицы“ кадрового военного, суховатость, официальность, жесткость» («Советская культура», 12 января 1973).

Переход от конкретного значения к метафорическому находим и в некоторых европейских языках. Во французском: *boutonnér* — ‘застегнуть, застегнуться (на пуговицы)’; *boutonné* — ‘застегнутый (на пуговицы)’; ‘скрытый, сдержанный (о человеке)’. В английском: *button up* — ‘застегнуть, застегнуться (на пуговицы)’; *buttoned up* — ‘застегнутый на (пуговицы)’; ‘сдержанный, молчаливый (о человеке)’.

Что же мы имеем: русское образование или заимствование?

«Основные процессы семантического развития слов в русском литературном языке были во многих отношениях аналогичны таковым же процессам в указанных европейских языках, но они были столь же сильно обусловлены внутренней логикой развития самого русского литературного языка» (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965).

Как показывают примеры, аналогия по сходству явлений, утвердившаяся рядом с исходным значением слова *застегнутый* его теперешнее переносное значение и рядом с конкретным значением словосочетания *застегнутый на все пуговицы* его нынешнее фразеологическое значение, активно проявила себя в самом русском языке (Застегнуть рот. Замолчать) (см. 17-томный Словарь. Т. 4), но, по-видимому, нельзя отвергать и западноевропейское влияние (через русских писателей XIX века).

Застегнутый на все пуговицы принадлежит к числу тех немногочисленных фразеологических оборотов, которые не потеряли своей первоосновы. В литературной речи параллельно живут и свободное сочетание *застегнуть (застегнуться)*, *застегнутый на все пуговицы*, и образный оборот того же состава, являющийся неизбежной ступенью во фразеологизации сочетания, и фразеологическая единица *застегнутый на все пуговицы*. Одновременное употребление трех параллелей — редкий случай в языке.

Е. А. ЛЕВАШОВ
Ленинград

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ

Первоначальный смысл этого выражения восходит к давно прошедшим временам. «Вот если зазвонит Иван

Великий во всю свою Ивановскую „колокольную фамилию“... в тридцать колоколов своих,— это окажется внушительнее, величественнее и памятнее для народа в роды и роды... Издревле Иван Великий был глашатаем великих событий не одной лишь церковной, но и государственной жизни: предупреждал о подступе к кремлевским стенам и святине злых врагов... о радостных событиях в царской семье... Кто бывал в Москве в пасхальную ночь, тот на всю жизнь запечатлевает в памяти очарование необычайным колокольным концертом и входит в должную силу разума, что значит „во всю Ивановскую“ — в самом настоящем смысле» (С. В. Максимов. Крылатые слова, М., 1955).

Но вместе с выражением *звонить во всю Ивановскую* часто употреблялось выражение *кричать во всю Ивановскую*. В связи с этим некоторые склонны считать, что происхождение словосочетания *кричать во всю Ивановскую* относится к тому времени, когда царский глашатай на Ивановской площади зачитывал указы. Сейчас Ивановская площадь, находящаяся на территории Кремля, кажется нам совсем маленькой, но в те далекие времена она считалась одной из самых больших. Чтобы все люди, находившиеся на площади, хорошо слышали указы, глашатай должен был читать очень громко. «На Ивановской площади в Кремле, близ колокольни Ивана Великого, объявлялись указы царские во всеуслышание, то есть во всю Ивановскую»,— пишет М. И. Михельсон в сборнике образных слов и иносказаний «Русская мысль и речь» (т. I).

Действительно, самые важные указы царя первоначально читались на Ивановской площади с колокольни Ивана Великого, по-

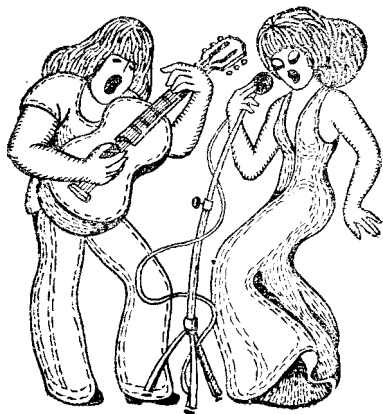
этому точка зрения М. И. Михельсона нам кажется наиболее убедительной.

Другие исследователи утверждают, что такое выражение не обязательно имеет в виду Ивановскую площадь в Кремле. В книге С. В. Максимова «Крылатые слова» читаем: «...во всей гостеприимной Руси... к вечеру... праздничного дня на улице, носящей любое название, да хотя бы и без всякого названия, иной, не твердый на ногах, вопреки полицейским и грамматическим запрещениям, возьмет да и вскрикнет весело и громко: „катай — валяй во всю Ивановскую“, а не то с этим же окриком нахлещет лошаденку и наладится домой. В живой речи чаще всего „во всю Ивановскую“ требует именно удалых или отчаянных выкриков...». И далее: «А голосом кричать охотным и безобязанным людям можно на всех Ивановских улицах, без которых действительно ни один город на Руси не обходится...». Это толкование уже совсем не связывает выражение *во всю Ивановскую* с чтением царскими глашатаями указов на Ивановской площади в Кремле. Возможно, что, возникнув в Москве, оно позднее распространилось по всем городам и не только в значении ‘очень громко’, но уже и в значении ‘очень быстро’ — *катай-валяй во всю Ивановскую*.

Интересна и третья точка зрения на происхождение этого выражения. В словаре русского языка Академии наук читаем: «Кричать... во всю Ивановскую, т. е. на всю Ивановскую ярмарку (ярмарка в с. Крестах быв. Шадринского уезда, во II пол. XIX века занимавшая по оборотам 3-е место после Нижегородской и Ирбитской)» (т. 9, М.—Л., 1935).

Итак, по поводу происхождения словосочетания *во всю Ивановскую* существуют разные точки зрения. Причиной же того, что мнения исследователей разошлись, является не только невозможность точно определить происхождение словосочетания, но и природа самого выражения, издавна употреблявшегося в двух значениях: ‘с предельной силой звучания’ (*звонить во все Ивановские колокола*) и ‘с максимальной широтой распространения звука’ (*кричать во всю Ивановскую площадь*). В первом случае это выражение воспринимается как свободное наречное словосочетание типа *в меру своих сил, погулять в волю* и является вполне мотивированным с точки зрения современного русского языка. Во втором значении форма *во всю Ивановскую* отражает явление, свойственное языку XVIII века, когда не различались словосочетания в винительном падеже с предлогом *в* и *на*: можно было сказать *выйти в вал* и *выйти на вал*, *крикнуть во весь дом* и *на весь дом*.

Итак, в основу выражения *во всю Ивановскую* могло быть положено представление о колокольном звоне. Первоначально оно

могло означать и объявление указов громким голосом, то есть так, чтобы все присутствующие слышали царского глашатая. В дальнейшем основное слово *Ивановскую* утрачивает свое первоначальное значение, перестает вообще восприниматься как имя собственное. Способствует этому во многом и то, что в России почти в каждом городе имелась *Ивановская* площадь или улица, а в Сибири ежегодно устраивалась известная *Ивановская* ярмарка.

С течением времени значения выражения *во всю Ивановскую* приобрели новые интересные оттенки, такие как: 'очень сильно', 'очень быстро', 'интенсивно, со всей силой что-либо делать'. В русской литературе XIX века они отражены очень широко, хотя появиться могли и значительно раньше.

В значении 'очень громко' это выражение может сочетаться с глаголами *кричать, орать, горланить, храпеть, петь, рассказывать, играть*. «Матушки мои! Голубушки! Да что ж это со мною делается?.. зачала во всю Ивановскую кричать Мавра» (Мельников. В лесах); «...пришел дякон пьяный-препьяный, и орет во всю Ивановскую: „Близко не подходи, избыю!“...» (Решетников. Ставленник); «Того господина, например, из 10-го номера, который горланил во всю Ивановскую „Оду на вольность“, я видел потом тишайшим штаб-лекарем» (Пирогов. Дневник старого врача); «Вот-с, сию однажды ночью, один опять, возле больной. Девка тут же сидит и храпит во всю Ивановскую» (Тургенев. Уездный лекарь); «Иван Петрович, хохоча во все горло, рассказывал им анекдот из армянского быта, рассказывал во всю Ивановскую, так, что всем дачам слышно было» (Чехов. Живой товар); «Соловей пел во всю Ивановскую» (Чехов. Скверная история).

В значении 'очень быстро' выражение *во всю Ивановскую* сочетается с глаголами движения *бежать, мчаться, нестись*, а в

значении 'в полную силу своих возможностей' — с глаголами типа *жить, кутить, гулять*: «Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: «Валяй во всю Ивановскую!» (Гоголь. Нос); «... порешил во что бы то ни стало „пожить“, пожить во всю Ивановскую, так, чтобы потом в течение десяти лет жить одними только воспоминаниями» (Чехов. Из воспоминаний идеалиста); «Капитала нет, а он во всю Ивановскую жарит, сломя голову» (Чехов. Ее муж), где глагол *жарит* имеет просторечную окраску и является синонимом глагола *кутит*.

Употребляется *во всю Ивановскую* и в значении 'со всей силой, очень сильно', например, с глаголами действия *бить, играть*. «Был немец громом в землю вжат; Врага железный жар знобил: По бронеколпакам сержант Во всю Ивановскую бил» (Недогонов. Гильза); «Музыканты: две скрипки, флейта и контрабас, всего четыре человека, взятые, разумеется, с улицы... во всю Ивановскую допиливали последнюю фигуру кадрили» (Достоевский. Скверный анекдот), *допиливали* ('играли со всей силой').

Интересна судьба выражения *во всю Ивановскую*. Проникнув из живой речи в литературный язык, оно вновь возвращается в речь, но уже обогащенное новыми оттенками. Иногда можно слышать, как кто-то сердито замечает в вагоне поезда: «Вы расположились тут *во всю Ивановскую* ('очень широко'), а другим людям сесть негде». Однако данный оттенок считается весьма редким в употреблении, не развившимся в значение. Дальнейшее видоизменение выражения *во всю Ивановскую* приводит к появлению нового варианта — *на всю Ивановскую* (Магнитофон орет на всю Ивановскую), — который сочетается с глаголами *кричать, орать, горланить*.

В чем причина такого изменения? Во-первых, это объясняется трансформацией выражения, то есть словосочетание *на всю Ивановскую* имеет то же значение, что и *во всю Ивановскую*, видоизменяется только один элемент, а именно: предлог *во* заменяется синонимичным предлогом *на*. Другой причиной может являться контаминация, то есть смешение выражения *во всю Ивановскую* 'во весь голос, во все горло' с выражениями типа *на всю катушку, на всю железку*.

Любопытно отметить, что вариант *на всю Ивановскую* 'на всю улицу' восходит именно к первоначальному, этимологическому значению выражения *во всю Ивановскую*.

С точки зрения современного русского языка употребление предлога *во* в данном выражении грамматически не мотивировано. Для обозначения широкого распространения звука в современном русском языке употребляется синонимичный ему предлог *на*

(кричать на весь лес, всю комнату, весь дом, всю улицу, всю площадь).

Предлог *во* указывает на предел возможного распространения или силы действия и в этом значении употребляется только в устойчивых оборотах с местоимением *весь* — *во всю Ивановскую*, предлог же *на* встречается в вариантах.

Закреплению в речи выражения *во всю Ивановскую* как фразеологического оборота способствуют и синонимические конструкции типа *во весь голос*, *во весь дух*, *во всю силу*, просторечное — *во весь народ*. Вспомним монолог Фамусова:

Я постараюсь, я,
в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю!
Грибоедов. Горе от ума

Обладая большой эмоциональной силой, фразеологизм *во всю Ивановскую* употребляется в речи и в наше время.

Л. А. МИЗЯЕВА

ДРАТЬ КАК СИДОРОВУ КОЗУ

Среди выражений с именами собственными самыми загадочными, как это ни странно, оказываются именно те, где имена очень просты: *показать кузькину мать*, *по Сеньке и шапка*, *валять ваньку*, *куда Макар телят не гонял*. Не составляет исключения и поговорка о Сидоровой козе.

Кто такой этот Сидор — владелец несчастной козы? Чем заслужила его коза такую жалкую участь? Почему драли именно Сидорову козу, а, скажем, не коз Фомы или Еремы?

На эти вопросы столь трудно ответить, что некоторые фразеологи вынуждены прямо признать — «собственные имена (в таких оборотах — В. М.) вводятся без особых на то оснований» (Ю. А. Гвоздарев. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке. — Проблемы русского фразеобразования. Тула, 1973). Можно предположить, что когда-то в русском фольклоре были в ходу сказки, где действующими лицами были Макар с его телятами, Сидор с козой, Кузька со своей матерью. Позже эти произведения были забыты, а герои продолжали жить в поговорах и поговорках. Вполне возможно, что именно так образовались поговорки и на «Сидорову» тему (Бедный Макар и другие — Русская речь, № 2, 1968). Сложность разгадки происхождения этого оборота, следовательно, в том, что некогда конкретное «сказочное» имя *Сидор* растворилось в массе его «тезок».

Действительно, «простые» имена во фразеологии тем и коварны, что попадают в разных источниках довольно часто, и соблазн тут же использовать их для объяснения популярных выражений чрезвычайно велик. Такому соблазну, например, поддается автор увлекательной книги о новгородских берестяных грамотах В. Л. Янин. Раскапывая слой последней четверти XIV века, археологи обнаружили несколько грамот — посланий некоего Сидора. Он требовал от своих приказчиков плату деньгами, лососями и... козьем пухом. Из этого факта В. Л. Янин делает вывод: «Ну вот, теперь мы с вами знаем, что означает выражение «драть как сидорову козу!». Крестьяне одной из принадлежавших нашему Сидору деревень разводили коз, и все ценное, что можно было от них получить, отсылали Сидору в виде натурального оброка. Вот только рога и копыта оставляли себе. Но на этот счет существовала поговорка: «Козьи рога в мех нейдут» (В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965).

Итак, загадка решена чисто историческим аргументом. Новгородский владыка Сидор, «получатель козлового товара» (как его называет В. Л. Янин) и был конкретным владельцем злополучной козы.

Принять эту версию, однако, мешают языковые да, пожалуй, и чисто логические данные: ведь если предположить, что именно этот Сидор вошел в поговорку, то получается явное несоответствие. Сидору принадлежал лишь пух, а не козы. А козы, с которых этот пух драли, — крестьянские. Значит, логичнее было бы *драть как крестьянскую*, а не *как Сидорову козу*. Поговорка же *козьи рога в мех нейдут*, которую В. Л. Янин также привязывает

к этому конкретному «пушному побору», абсолютно не связана с тем, что «только рога и копыта оставляли себе». *Мех* здесь значит «мешок», и смысл этой древней поговорки в том, что длинные изогнутые козы рога нельзя поместить в этот мех. Кстати, в сборнике Ф. И. Буслаева находим вариант этой поговорки с уменьшительной формой от *мех* — *мешок*: *Как козы рога не лезут в мешок* (Ф. И. Буслаев. Русские пословицы и поговорки. М., 1854). Значит, никакой торговли пухом она не отражает. Не случайно болгарский фразеолог М. А. Леонидова, не отказывая гипотезе В. Л. Янина в остроумии, продолжает считать оборот *драть как сидорову козу* темным по происхождению (М. А. Леонидова. Место собственного имени в лексической и фразеологической системе языка на материале русского и болгарского языка. — Годешник на Софийския университет, факултет по славянски филологии, т. 67, ч. 1. София, 1974).

Имя *Сидор* было в прошлом одним из самых употребительных в русском именованье. Об этом свидетельствует уже простой факт, что фамилия Сидоров, наряду с Иванов и Петров, — одна из трех самых типичных русских фамилий. Не случайно поэтому имя *Сидор* — точнее сказать «Сидоров» — попадает во многих древнерусских документах. В духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI веков и в актах Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI веков А. И. Толкачев находит и типично русские преобразования этого имени: *Сидъко* и *Сидко* (А. И. Толкачев. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. — Этимология. 1973. М., 1975).

Можно ли каждое из этих реально засвидетельствованных имен привлекать в качестве «героя» поговорки о сидоровой козе? Разумеется, нет — иначе у нас будет столько же гипотез о происхождении этого оборота, сколько найдется реальных исторических записей имени Сидор, широко употребительного на Руси. Прежде чем высказать какое-то предположение, следует обратиться к материалам, которые отражают фольклорную специфику имени Сидор, дают представление о различных дополнительных ассоциациях этого имени, свидетельствуют о его социальной окраске.

Таким материалом являются прежде всего пословицы и поговорки. Многие из них включают и собственное имя *Сидор*. Именно с одной такой пословицей — *На Сидора пока не одна беда не пришла* — связывал выражение *драть как сидорову козу* известный историк русской фразеологии М. И. Михельсон. Правда, он делал это более чем осторожно, в форме риторического вопроса: «Нет ли тут

связи с Сидоровой козой?» (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, т. 1. СПб., 1902).

Осторожность М. И. Михельсона понятна: из пословицы нам неясно, кто такой Сидор и причем здесь его коза. Более того, при обращении к фольклорным источникам выясняется, что автор сборника поместил эту пословицу в искаженном виде. В рукописном сборнике «Древних русских пословиц» XVIII века, опубликованных Е. Р. Романовым, она записана как *На Сидора пона не одна беда не пришла* (Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества, кн. III. Вильна, 1912). Именно в этом варианте, да еще с характерным «дополнением», подчеркивающим церковный сан Сидора, находим эту пословицу и в сборнике А. И. Богданова (1741) (Пословицы, поговорки, загадки и в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961): *«На Сидора— пона не одна беда пришла: все церковь пожрали, все в колокол...»*. Следовательно, *пока* вместо *пона* у М. И. Михельсона — либо описка, либо одно из речевых искажений этой пословицы.

О «профессии» Сидора мы узнаем и из другой древней поговорки — *И в Сидоре — попе правды нет* (А. И. Богданов). В какой-то мере можно предположить, что именно о таком *Сидоре — попе* идет речь и в двух других поговорках из сборников А. И. Богданова и Е. Р. Романова: *«Сидор пьет — черт челом бьет»*; *«Сидорова правда — киселем блины мазаны»* (сравним *«Это Сидорова правда да Шемякин суд»*). Встречается имя *Сидор* и в древней поговорке *«Феофан с толком, а Сидор с волокном»* (сборники П. Симони, Г. Г. Шаповаловой), отраженной и в варианте *«Феофан с толокном, а Сидор с волокном»* (Сборник пословиц Петровской галереи, 1961).

Можно было бы привести немало подобных пословиц и поговорок из более поздних записей. Так, в недавно изданном словаре фразеологии народных говоров Сибири (Н. Т. Бухарева и А. И. Федоров) находим поговорку «о беспричинной мелкой ссоре» — *«Сидор да Борис об одной дрались»*, лишний раз иллюстрирующую незадачливый характер Сидора. Такие пословицы и поговорки приводит Т. Н. Кондратьева, глубоко изучающая русскую фразеологию с именами собственными. Этот материал (мы приводили лишь наиболее древние записи оборотов, в основном не привлекавшиеся Т. Н. Кондратьевой) позволяет исследователю сделать следующий вывод: поскольку в фольклорных источниках имя *Сидор* обычно характеризует «богатого, но скупого и мелочного человека», то в этом выражении «сказалось стремление мести Сидору: если он сам недосыгаем, то пусть хоть его козе достанется основательно» (Переход собственных имен в нарицательные во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX—

начала XX в. — «Ученые записки Казанского университета», т. 119, 1961).

Итак, загадка сидоровой козы как будто бы разгадана: очевидно, она была «козлом отпущения» и расплачивалась за недобрый характер своего хозяина. Этот хозяин, если учесть свидетельства древних пословиц и поговорок, был, возможно, попом. Выходит, это чисто русское выражение с весьма конкретным и драматическим сюжетом.

Не будем, однако, торопиться с выводами о «чисто русском» колорите этого выражения: ведь его отмечают и белорусские, и украинские словари: *лупіць як сідараву казу́, лупцюва́ти як сі́дорову козу*. Причем, было бы ошибкой думать, что в этих языках выражение заимствовано из русского. Уже в 1864 году, например, известный собиратель украинских пословиц и поговорок М. Номис записал в разных диалектах обороты о Сидоровой козе, причем в своеобразных формах и значениях: *обідрав (облупив, надув), як Сидоровеу козу; набився, як Сидорової кози* (Українські приказки прислів'я і таке інше. СПб., 1864).

За пределами восточнославянской языковой зоны, однако, выражения *драть как сидорову козу* действительно нет. Но это еще не означает, что образ, скрытый в нем, — чисто восточнославянский.

До сих пор, выясняя происхождение этого оборота, мы сосредоточили все внимание на имени *Сидор*. И не случайно, поскольку именно оно придает всему выражению индивидуальность, национальный колорит и, хотя и не вполне ясную, «сюжетность». Нельзя, однако, не видеть, что ядром этого устойчивого сравнения является все же не имя, а название животного. И оставлять его при выяснении происхождения оборота в стороне было бы упущением. Посмотрим, насколько закономерно, что в этом обороте бьют именно козу.

В русских народных говорах с именем козы связаны отрицательные ассоциации, что отразилось во многих пословицах, поговорках и устойчивых сравнениях: *Захочет сена коза — будет у воя; От прыткой козы ни забор, ни запор; Коню коза не ровень; К нему на шивой козе не подъедешь; козия спесь: загниголовая коза 'бойкий, непослушный человек'; как коза мостится на кровлю, как коза лепится, как брянская коза вверх смотрит и под*. Не случайно козу в уфимских говорах называли *шайтановой скотиной* (В. И. Даль, т. IV).

Таких оценок козы во фразеологии славянских народов можно найти немало. В славянских сказках, например, нередко можно встретить эпизоды, где коз безжалостно «лечат дубиной» (см. Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.,

1974). Одна из общих восточнославянских угроз связана именно с козой: *Отдам туда, где козам рога правят!* (В. И. Даль, т. II), укр. *Послав туда, де козам роги правлять* (Б. Гринченко). Подобные угрозы можно найти и у западных славян. Так, в чешском языке уже в XVI веке употреблялось выражение *dám, až koza di: gemen* (букв. так дам, что даже коза скажет «время»). Одним из таких выражений, известных как восточным, так и западным славянским языкам, является устойчивое сравнение, в котором коза была объектом наказания. В польском это *wyuchtował jak diabeł kozę* или диал. *wufikoł jak diabeł koze* (букв. избил, измолотил как дьявол козу), в словацком языке и чешских говорах — *drať ako fiapac kozu, kopat jak fiapac kozu* (букв. драть, колотить как сборщик налогов козу).

Весьма похожа на приведенные обороты поговорка северных соседей восточных и западных славян — латышей: *pērt kā kaimiņu āzi, dirāt (mizot) kā kaimiņu āzi* буквально означает «бить (драть, лупить) как соседскую козу».

Как видим, на фоне приведенных фразеологических параллелей русское выражение *драть как сидорову козу* уже не кажется ярко оригинальным. Все эти параллели объединяются общим исходным образом, тождественным фразеологическим (переносным) значением, аналогичной сравнительной конструкцией. Различие — лишь во владельце козы или в лице, которое эту козу избивает. Причем характерно, что только в русском, украинском и белорусском языках это лицо называется именем собственным *Сидор* — в других языках это имена нарицательные: сборщик налогов — у словаков и чехов, дьявол — у поляков, сосед — у латышей.

Эти факты, вероятно, позволяют реконструировать возможную историю русского оборота *драть как сидорову козу*. Он возник на основе более древнего и потому более известного другим языкам устойчивого сравнения *драть, лупить* и т. д. как козу. Причем его возникновение вряд ли связано с конкретным рассказом (сказкой, басней, анекдотом) о каком-то конкретном Сидоре. Это имя могло бы быть иным — как, например, в сравнении, записанном на Псковщине: «Ну, тяпёрь раздўет ми́ня ат гарóха, как Анто́наву кóзу» (Холмский район). Важно, что имя *Сидор* ко времени возникновения нашего оборота было ярко экспрессивным, окрашенным в отрицательные тона благодаря его употреблению в других пословицах и поговорках о Сидоре-попе, о драчливом или скупом Сидоре и т. д. Оно как нельзя более подходило уже известной поговорке о козе. Как в латышской фразеологии, так и в русских пословицах коза была животным, которое соседи колотили за потраву, ссорясь из-за этого друг с другом:

«Если хочешь с соседом поругаться — заводи козу» (А. М. Жигулев. Русские пословицы и поговорки. М., 1969). Фразеологическим символом такого соседа (сварливого, всегда готового подраться и поругаться) стал Сидор, уже зарекомендовавший себя отрицательно в других пословицах.

Такое расширение, «уточнение» древнего сравнения именем собственным сделало русское выражение более ярким, экспрессивным, колоритным. Однако ко времени включения его в наше сравнение слово *Сидор* уже, по-видимому, потеряло признаки имени собственного, перестало быть единичным. Оно стало обобщать, превратилось в отрицательную характеристику сварливого и драчливого соседа — словом, стало именем нарицательным, как в чешской, словацкой, польской и латышской поговорках.

Имя *Сидор* в нашем фразеологизме в прошлом веке последовательно писалось с большой буквы. Современные источники (академические словари, фразеологический словарь под редакцией А. И. Молоткова) кодифицируют его написание с маленькой буквы. Разумеется, это орфографическое изменение не строится на какой-нибудь версии о происхождении оборота — оно лишь отражает факт несоотнесенности слова с конкретным именем собственным, факт превращения этого слова в имя нарицательное. Но и с точки зрения истории фразеологизма (если предложенное толкование верно) современное написание — это в какой-то мере восстановление «орфографической справедливости»: ведь имя *Сидор* и не было полноценным именем собственным в момент его включения в более древний сравнительный оборот.

В. М. МОКИЕНКО

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● ФАВОРИТ

В. М. Сидорчук из Вологды просит рассказать о слове *фаворит*, которое часто встречается в спортивных репортажах.

Слово *фаворит* заимствовано в наш язык через немецкий (*Favorit*) или непосредственно из итальянского (*favorito*) и восходит к латинскому *favor*, что значит буквально «благосклонность» (ср. современное *быть в фаворе*). Словарями оно зафиксировано в значениях: «любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды и преимущества от его покровительства» и «на бегах и скачках — лошадь, имеющая наибольшие шансы на первенство».

Первое значение устарело, в наши дни слово *фаворит* в этом значении почти не употребляется. В художественной литературе XIX — начала XX века его можно встретить в переносном значении «вообще чей-нибудь любимец, любимчик», например: «Как это ни странно, но главным фаворитом и родительской слабостью Марьи Степановны был ее сынок Виктор Васильич» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова при этом значении слова дана помета *шутл.* Не случайно поэтому в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой слово *фаворит* дано в синонимическом ряду с *любимец — любимчик*, но при этом сказано, что «слово *фаворит* употребляется преимущественно в тех случаях, когда надо подчеркнуть, что это человек, которому отдается предпочтение перед другими, которому покровительствуют».

Второе значение слова *фаворит* — «на бегах и скачках — лошадь, имеющая наибольшие шансы на первенство» — указано в словарях как специальное («Словарь русского языка» С. И. Ожегова — в изданиях до 1972 г.) или спортивное [обычно о лошадях] («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова; «Словарь русского языка» АН СССР), например: «[Шубников]... купил пару рысаков — фаворитов, один из которых тут же взял первый приз на бегах» (Федин. Необыкновенное лето). А. Н. Толстой использовал это же слово при описании бегов дрессированных тараканов в «Похождениях Невзорова»: «Еще один заезд, — воскликнул Ртищев, — самцы-двухлетки, не кормлены с прошлой недели, злы, как черти. Фаворит — номер третий, Абдулка».

Казалось бы, это слово так и должно было остаться узкоспециальным, а поэтому и малораспространенным. Однако оно заметно активизировалось и стало достоянием речи широких кругов носителей русского языка, употребляясь в спорте со значением «тот, кто имеет наибольшие шансы на первенство»: «Бесспорно, Плачков вместе с Алексеевым и Банком является одним из фаворитов предстоящей монреальской Олимпиады» («Правда», 21 января 1976); «...и здесь молодые актеры шахматной сцены — Борис Гулько, Олег Романишин и Рафаэл Ваганян с блеском сыграли роли фаворитов турнира» («Неделя», 22—28 декабря 1975).

Массовость спорта в нашей стране, успехи его на чемпионатах мира и олимпийских играх способствуют закреплению и широкому распространению слова *фаворит* в русском языке, дают ему вторую жизнь.

Не случайно, помета «спец.» (т. е. специальное) снята в 9-м (М., 1972) и последующих изданиях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

В. Н. Крегова

ПОДУМАЙ И ОТВЕТЬ

I. Преподаватель предложил абитуриенту разобрать по составу слово *побывать* и привести ряд однокорневых слов. Абитуриент назвал слова *забывать*, *добывать*. Прав ли он? А как поступили бы Вы в данном случае?

II. Разберите по составу слова *осетрина*, *свинина*, *буженина*. Как Вы думаете, почему даны слова именно в такой последовательности? Какую ошибку можно допустить при разборе этих слов по составу?

III. В словосочетаниях *Консервный завод*; *Наказать сына*; *Завод у механической игрушки*; *Наказать сыну* разберите по составу выделенные слова. Как Вы думаете, в чем различие в составе этих слов?

IV. Как Вы объясните состав слов *отсебятина*, *потусторонний*, *сумасшедший*?

V. Экзаменатор написал слова *дать*, *подавать*, *преподавать*, *давать*, *преподаватель*, *преподавательница*,— и предложил абитуриенту объединить в две группы слова одного корня. Как бы Вы выполнили это задание?

VI. Абитуриенту предложили назвать ряд слов, образованных с помощью приставки. Он назвал слова *улететь*, *списать*, *затянуть*, *нарисовать*, *заехать*, *забавлять*, *восхитить*. Прав ли он?

VII. Как Вы думаете, какая ошибка возможна при синтаксическом разборе следующих предложений:

1. Предлинной хворостиной мужик гусей гнал в город продавать (И. А. Крылов). 2. С недавних пор наш новый знакомый как в воду канул.

VIII. Устраните ошибки в предложениях: 1. Герасим принес Муму чашечку молока, поставил ее на кровать, но она не умела пить. 2. Мы посмотрели фильм в новом кинотеатре. От него осталось хорошее впечатление. Объясните, почему допущены эти ошибки.

Ответы на с. 131

П. С. ПУСТОВАЛОВ

ЦЕННЫЙ ПАМЯТНИК ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

«Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» (Петроград, 1915) был создан на основе материалов, собранных участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912—1913 годов. Составил Словарь руководитель этой экспедиции И. Д. Кузнецов.

Иннокентий Дмитриевич Кузнецов был к тому времени уже известным ученым-ихтиологом, автором ряда специальных работ, членом Русского географического общества. Не будучи филологом по образованию, он обладал незаурядными лингвистическими способностями, о чем свидетельствует высокий уровень лексикографической обработки слов в словаре. Выясняя состояние рыболовства в России, И. Д. Кузнецов пришел к выводу о необходимости изучения промыслового языка различных мест страны, так как этот язык, содержащий поразительно большое количество местных слов и выражений, был почти совершенно неисследован. Даже небольшое знакомство с рыболовством на псковских озерах и реках, по словам автора, показало, «как богат, разнообразен и интересен промысловый язык этого края» (Предисловие к словарю). Ученый понимал, что без знания его невозможно ознакомление с местными промыслами. В то же время И. Д. Кузнецов отдавал себе отчет в лингвистической ценности собираемых им диалектных сведений, по возможности, стараясь выполнить и диалектологическую задачу.

«Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» — интересный и своеобразный лексикографический труд. Он включает не только специальную лексику рыболовства, но также слова и выражения «всего рыбацкого обихода». В этом, очевидно, проявилась личность составителя Словаря, увлеченного народным языком псковского края, убежденного в том, что местные говоры — «дей-

ствительно народное богатство, и каждое слово, верно записанное и точно обозначенное, является ценностью, которая не может быть отброшена и должна быть сохранена» (Предисловие к словарю). Словарь, таким образом, утратил свой узкоспециальный характер, но зато выиграл в лингвистическом отношении: в нем нашли место многие неизвестные до этого диалектные слова.

В Словаре богато представлена специальная лексика, относящаяся к рыбным промыслам в широком смысле, то есть не только к ловле рыбы, но ко всему рыбному хозяйству на псковских реках и озерах. В Словарь вошли названия рыболовных снастей, их частей и деталей, с описанием устройства и применения. Так, слова *бродник*, *бродничок* имеют толкование 'мешок из сети на двух палках, приспособленный для лова малька для наживки или сетка в реке', слово *мбрда* — 'конусообразная ловушка из дерева для ловли миноги'; здесь же сообщается, что *морды* бывают лучинные и плетеные; *ершовая мерёжа* — 'ставная сеть для лова ершей, с мелкой ячейей'; названия рыболовных лодок, например, *водовица*, *матница* — 'большая лодка при осеннем неводном лове, на которую тянут невод'; лодка поменьше — *подъезд*, *ладёйка* 'обыкновенная лодка', а *ладья* 'большое грузовое судно'; названия различных предметов, употреблявшихся при рыбной ловле: *батожек*, *батожки* 'боковые палки, за которые влекут бродник для лова малька', *баран* 'ворот на лодке для тяги неводных орудий лова' и другие; названия различных приспособлений, применявшихся при изготовлении рыболовных снастей: *вёлка* 'круглая палочка, которой вяжут флелейную сетку', здесь же приведено сочетание *вязать на вёлку*; или же *казавка* 'подставка для рогульки, употреблявшейся при вязке сетей.'

Нашли отражение в Словаре местные названия различных рыб псковского водоема: *краснокрылка* 'красноперка', *лэжень* 'пескарь', *лижень* 'щиповка' и т. д.; приведены также названия рыб, отражающие различия по возрасту: *кобьшник* 'окунь по четвертому году, длиной около 18 см., без икры', по размеру: *отборка* или *вёлголова* 'самая крупная рыба', по качеству: *белая рыба* 'язь, лещ', противоположность *темная рыба*, по способу приготовления: *бáбьи*, *бáбские снетки* 'снетки домашнего приготовления'. Находим здесь названия рыбаков и промысловых рабочих по их функции, как *колбльщик* 'колющий рыбу острогой', *подтягáла* 'двое рабочих артели, производящие тягу', *печник* 'занимающийся сушкой рыбы рабочий', *корзинники* или *плетакí* 'рабочие, плетущие корзины'; а также лексику, связанную с переработкой рыбы (сушкой, солкой, замораживанием и т. п.)

Определенную часть Словаря составили глаголы, обозначающие действия рыбаков на рыбной ловле, рабочих на промыслах

и т. п., как *выливать* (рыбу) «вынимать рыбу из матни невода», *выбрать* «выбрать» (*вырыл рыбу из лодки*), *грузить* «опускать, погружать в воду» (*волока грузят вечером*), *везти* (сеть) «плести, вязать», *метать тенёта* «ставить сети по полой воде», *метать наметы* «закладывать переметы или тенета» и т. п.

Находим здесь лексику, относящуюся к производственной одежде рыбаков: *баранковые рукавицы* «рукавицы из бараньей кожи, боящиеся воды», *тягухи* — «непромокаемые рукавицы»; слова, отражающие социальные отношения, как *подписные ловцы*, «ловцы, обязавшиеся сдавать свои уловы снетосушилам, выдававшим им задатки», *бандурищик* «мелкий торгош, перекупщик рыбы», названия жителей по месту их жительства, как *бережане* «название жителей западного побережья Псковского озера со стороны талабчан», *островитяне* «название талабчан у жителей западного побережья Псковского озера» и т. д.

Словарь, составленный И. Д. Кузнецовым, исчерпывающе отразил лексику, связанную с рыболовством, знакомую собирателям до тонкостей и записанную ими с любовью и тщательностью. Вот, например, названия течений воды: *водобег*, *водобежь*, *водобежь пошла* «прилив в озеро весенних вод», *водообр* «обратное течение в устье реки, вызываемое ветром с озера», *водотиск* «напор, нагон воды при сильном ветре, особенно при буре», *водоздым* «поднятие воды при половодье» и т. п.; названия ветров: *зимняк* «юго-восточный ветер», *гурень* «ветер восточный (с горы)», *вайварка* «северо-западный ветер, ветер с Вайварских возвышенностей; это самый рыбный ветер для нижней Наровы»; *межёнец* «северо-восточный ветер»; *долевая* «ветер, дующий вдоль реки». А холодный осенний северо-восточный ветер псковичи остроумно называли *волкодбвом* или *волкорёзом*. Про юго-западный ветер и ветер с Чудского озера, приносящий дождь, говорили *мокрик*, *ветер повернул на мокрик*.

Включены в Словарь и названия местного ландшафта, в особенности прибрежного, рельефа речного или озерного дна: *заводюшка* «заливчик на реке, затончик», *брдни* «ручейки, протоки между болотцами, с твердым песчаным дном», *забережье* «пространство близ самого берега»: *Забережья отопрели (отошли)*, *вот и не перебраться*; *вир*, *вирь* «глубокое место в реке» и «провал в болоте», *вязель* «топкое место, не покрытое водою», *огброк*, *огброк* «пригорок, небольшое возвышение на дне» и т. п.

В Словаре отразилось все, что имеет отношение к природе вообще: местные названия животных, растений, слова и выражения, как *завидно* «засветло», *зблак* «рассвет зари», *мареванцо*, *мареванная тишина* «полный штиль, тишина на озере» и т. п.

В названиях явлений природы прежде всего отразилась наблюдательность, остроумие псковитян, хорошее знание родной

природы, в которой они различают мельчайшие детали рельефа, видят еле заметные перемены в погоде, в направлении ветра, говорят об этом метко и выразительно. Так, незамерзающие части водной поверхности псковские рыбаки называли *диркѣм, диркѣми*; лед чистый, не покрытый снегом — *зблым льдом*, а лед со снегом — *белыной*, иногда *бельнякѣм, бѣлю* — белую поверхность льда, даже темного, покрытого осевшими кристаллами инея; о гладком, чистом и свободном от снега молодом осеннем льде говорили *зѣркий лед* или *подзор*; про светлую, прозрачную воду говорили *зѣркая вода*.

В Словаре есть и местные слова повседневного обихода, обратившие на себя внимание собирателей своими отличиями от литературных: *баркѣн* 'морковь', *дѣнички* 'вязаные из шерсти рукавицы', *ожерѣлок* 'воротник', *комловѣще* 'рукоятка помела, лопаты, пещни', *выпахать* 'вымести' и многие другие. Надо отдать должное языковому чутью собирателей и составителя Словаря — в книге имеются не только названия, отсутствующие в литературном языке, или слова, отличия которых бросаются в глаза и не лингвисту, но и слова, имеющие незначительные отличия, как *гнѣла* 'глина', *корѣмщик* 'кормщик', *жѣгло* 'жало', 'острие'. В отдельных случаях в Словаре находим диалектные грамматические формы, как *ври*, повел. накл. от *вирать*, 'шей, шивай'.

Лингвистическая ценность Словаря увеличивается за счет фразеологических оборотов и выражений.

Помимо многочисленных сочетаний чисто терминологического характера, вроде *воротная мѣрежа, лов в мѣтку*, различные фразеологические обороты и выражения включаются в текст словарных статей или даются отдельными статьями в специальном приложении к Словарю под названием «Пословицы и поговорки рыбацкого быта». При слове *сдоба*, например, имеется выражение *всякой сдобы понемногу*, которое говорится про смешанный улов рыбы, при слове *ерш* — *на ершах сидеть* 'усиленно любезничать', при слове *молодушка* помещено выражение *с молодужкой приехал*, которое говорят о рыбаке, вернувшемся без улова. *Заливной падерой* или *заливной падарой* называли псковские рыбаки бурю с сильным ветром, *живым рубцом* — трещину во льду, в которую была видна вода. Про утонувшего говорили, что он *пошел в ершовый наместырь* (монастырь).

О тяжести рыбацкой жизни, о наблюдательности, остроумии, присущей русскому человеку легкой насмешке над собой говорят рыбацкие пословицы и поговорки: *езде вода, да не везде рыба; невод и весло — вот и наше ремесло; земля нас носит, да каждый день хлеба просит; пока пола у рыбака мокра, пота и рыбак сыт; пола высохла — и рыбак высох*.

В Словаре собраны приметы и поверья рыбаков. Например, в статье на слово *Лось* (название созвездия Большой Медведицы) сообщается примета: *Когда Лось хвостом оборотится на Елизаров монастырь — зря станет заниматься и т. д.*

Все эти слова и выражения истолкованы просто и ясно, без излишних специальных подробностей, затрудняющих понимание для читателей, не знакомых с рыболовством. Словарные статьи в труде И. Д. Кузнецова отличаются небольшим размером. Они состоят из заголовка, краткого толкования значения, иногда одного-двух примеров (*Повёрки* 'отдаленные от берега части озера': в повёрках лоят). При каждом слове и значении всегда имеется указание на место записи. Зная по опыту, что отличия в названиях одних и тех же предметов могут быть и у жителей соседних деревень, И. Д. Кузнецов взял за правило обозначать место записи и неуклонно придерживался его.

Благодаря богатству диалектной лексики и фразеологических выражений, правильно записанных и точно истолкованных, «Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» представляет собой ценный памятник диалектной лексики начала XX века.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Радиокорреспондент должен уметь, как никто другой, писать коротко. Если верно вообще, что краткость есть родная сестра всякого литературного таланта, то это вдвойне верно для радиокорреспондентов. Им придется много и упорно поработать над собой, чтобы научиться писать коротко. Учебников по этой отрасли литературного творчества нет, так как радио — молодое дело. Но все-таки учиться есть у кого. Можно посоветовать нашим радиокорреспондентам, да и вообще корреспондентам почаще обращаться, например, к Чехову. Конечно, писать так коротко, как он писал, особенно в бытность свою журналистом, — это очень трудно. И чем короче писать, тем труднее, ибо надо не только выжать всю воду, но и добиться того, чтобы написанное было предельно ясно и доходчиво.

Но тут перед корреспондентами опять встает вопрос о необходимости собственной большой культуры и прежде всего хорошего знания русского языка и форм речи. При этом они должны постоянно помнить, что пишут не для газеты, а для радио, то есть не для читателей, а для слушателей, что они как будто «говорят». Следовательно, требуется глубокое понимание того, как это воспринимается на слух.

М. И. Калинин. О корреспондентах и корреспонденциях

Замечательный русский моряк капитан 2 ранга Александр Петрович Соколов (1816—1858) был не только выдающимся историографом русского флота, но и талантливым филологом.

В 1848 году в статье «Несколько слов о морском словаре» («Морской сборник». Т. I, СПб., 1848) А. П. Соколов первый предложил создать полный русский морской словарь и разработал принципы его составления. Он считал необходимым включить в словарь не только «ныне употребляемые» русские и иностранные морские термины, но и старинные технические термины по всем отраслям мореходства, давая каждому слову пояснение.

Подчеркивая, что большая часть наших технических морских терминов перешла к нам от голландцев и англичан, частью от французов и итальянцев, А. П. Соколов советует при заимствованных словах давать их ближайшие корни из родного языка и, где возможно, приводить буквальное их значение, например, при слове *ватерлиния*, англ. Water-line «водяная линия» (так в старину она называлась и у нас), *езельгофт* голл. Esels-hoofd «ослиная голова» (соединительная деталь, представляющая собой фигурную стальную раму, напоминающая по форме ослиную голову) (А. П. Соколов. Французские морские словари.— Морской сборник. Т. II,

МОРЯК- ЛЕКСИКОГРАФ А. П. СОКОЛОВ

СПб., 1849). Кроме того, очень важно указывать, хотя бы приблизительно, когда слова были введены в морской язык или когда исчезли.

Говоря о подборе слов для словаря, Соколов пишет: «Не надо забывать, что наша морская наука так тесно связана со всеми отраслями человеческих знаний, что нет никакой возможности положить ей определительные границы. Выбор слов для словаря, с одной стороны, обуславливается местными национальными потребностями, с другой — определяется избранным планом, и вообще много зависит от личного такту редактора» (там же). Он протестует против ненужного заимствования иностранных морских терминов и сожалеет о том, что многие известные с петровских времен русские названия без всякой необходимости заменены иноязычными (*окно — порт, лестница — трап, повар — кок, кольцо — рым*), хотя существует опыт весьма удачной замены иностранных слов своими (*ранж — валкий, штейф — остойчивый, котватер — водорез* и другие).

Заслугой Соколова является то, что он первый в морской литературе поставил вопрос о необходимости включать в морской словарь не только современные и старинные, но и народные «мужицкие» морские и речные термины. Он пишет: «Нам стоит только прислушаться к мужицким морским терминам, чтобы увидеть, как многое у нас уже выработано и как прекрасно иное выработано. Что лучше выражает *дрейф* судна, как не *свал* или *увал* — слова, употребляемые на Каспийском и Белом морях? Чем худы беломорские слова: *покосы* — галсы, *покосить* — лавировать, *магица* — киль, *сращивать* — сплеснивать, или каспийское *путина* вместо рейс» («Морской сборник». Т. I, СПб., 1848).

В 1848—1850 годах в Париже вышел Морской словарь Жяля (*Glossaire nautique*), а в 1850 году в «Морском сборнике» (Т. IV) была напечатана статья Соколова «*Glossaire nautique* Жяля», в которой дан подробный анализ этого словаря. Он замечает, что филологическая часть его при всей тщательности и полноте обработки ее для нас недостаточна: «Нам надо самим серьезно заняться этим: собрать все морские слова и объяснить корни их, показать, что есть своего и что чужого, что живо и что умерло» («Морской сборник», Т. IV, СПб., 1850).

А. П. Соколов проводит большую работу по подготовке материалов для будущего морского словаря. Он собирает сам морские русские и иностранные слова, и по его призыву эту работу ведут другие известные моряки. Собрания русских морских и речных слов печатаются в «Записках Гидрографического департамента» в период с 1844 по 1852 год: П. Ф. Рейнеке. «Собрание особенных местных беломорских слов», ч. II, 1844; А. П. Соколов. «Собрание отличитель-

ных морских слов, употребляемых каспийскими мореходами», ч. III, 1845; П. Ф. Кузмищев. «Собрание слов Восточного океана» и Г. Савельев. «Дополнение к беломорским словам», ч. IV, 1846; П. Ф. Кузмищев. «Новое дополнение к беломорским словам», ч. VI, 1848; А. П. Соколов. «Старинные русские и иностранные морские слова», ч. VIII, 1850; А. В. Фрейганг. «Общерусские слова, выбранные из «Опыта областного словаря 1852 г. Академии наук», «Собрание русских морских слов», ч. X, 1852.

В «Морском сборнике» Морского министерства печатаются: А. В. Фрейганг. «Несколько славянских морских терминов», т. I, 1848 и А. П. Соколов. «Собрание местных, старинных и малоизвестных русских морских слов», т. XI, 1854.

Эти собрания слов являются замечательным лексикографическим материалом. Они не потеряли своего значения и в настоящее время.

Словарь, для подготовки которого столько трудился А. П. Соколов, не был составлен. Но труды его не пропали даром. Статьи и материалы Соколова используются в настоящее время при составлении морских словарей и словарей русского языка.

Р. Э. ПОРЕЦКАЯ
Ленинград

Чему надо учиться? Всему учиться и прежде всего своей профессии. Корреспондент пишет — значит, он должен грамотно писать, знать русский язык. А русскому языку нужно учиться у русских классиков. Вот вам трудно будет представить такое состояние: я сидел в тюрьме, где кроме журнала «Нива» ничего не было. До того она мне осточертела, что прямо деться некуда. В это время мне попала книга Гончарова «Фрегат Паллада». Какой это мне показалось роскошью! Если бы я был на воле, то я бы ее, вероятно, прочитал со скукой. А тут я за нее ухватился. Но надо подойти к ней с точки зрения языка. Вы ведь специалисты, вы не просто читаете, для того чтобы читать, как обыкновенный человек, чтобы время провести вечером, после работы: вы читаете, чтобы научиться писать. И вот я считаю, что Гончарова, Тургенева, Чехова — в особенности Чехова — вам необходимо читать. Чехов для вас нужнее чем Тургенев, чем Гончаров. Он очень коротко и сжато умел писать. А вам как раз нужно учиться писать коротко. Но сколько в его коротеньких рассказах сказано! Какой там язык! Для вас чтение русских классиков — профессиональная работа. Знание литературы — тоже профессиональное дело.

М. И. Калинин. О работе собственных корреспондентов

Из всех разносторонних связей топонимики (топонимика — раздел лексикологии, изучающий географические названия) с другими науками, пожалуй, менее всего прослежены ее отношения с геральдикой, или гербоведением. Уже давно замечено, что при выборе того или иного геральдического символа (эмблемы) создатели гербов нередко ориентировались на общепринятое толкование географического названия, зачастую неверное, связанное с возникшими на его основе легендами. Например, еще древние греки символом острова Родоса выбрали розу, связывая его название непосредственно со словом *родон* 'роза'.

Большинство геральдических рисунков для земельных (областных) гербов России были созданы в XVIII—XIX веках, и только незначительная их часть восходит к эпохе Московской Руси. В марте 1730 года «правительствующий сенат» специальным указом утвердил реестр гербов с их описанием, представленный Минихом годом раньше. Часть из них была заимствована из прежних гербовников, большинство же было составлено впервые. «Русская геральдика, — пишет А. В. Арциховский, — любила реальность» (Ученые записки МГУ. История. Вып. 93, ч. 1, 1946). Отсюда исключительное разнообразие предметов-символов, заполнивших пространство русских геральдических щитов. Часть из них имела традиционные геральдические значения (например, *орел* — 'власть, великодушие, прозорливость', *дуб* — 'сила, крепость', *вервь* — 'неустрашимость',

оливковое дерево — ‘мир’ и т. д.). Немало среди них было и необычных для западноевропейской геральдики элементов (крапива, железный лом, ветла, зубчатая стена, кадка, сума, сыч и другие). Геральдические эмблемы — свидетельство того, в каком смысловом плане воспринималось географическое имя в момент создания земельного герба. А это особенно ценно в тех случаях, когда до нас не дошло сведений о том, какими в прошлом были этапы смыслового развития топонима, когда произошла утрата им смысловой связи с породившим его словом (деэтимологизация топонима).

По данным А. В. Арциховского, «к концу XIX века шестьсот шестьдесят русских городов имели гербы». В книге Н. Н. Сперансова «Земельные гербы России XII—XIX вв.» (М., 1974) приводятся изображения более 480 гербов, среди которых особый интерес у топонимиста вызывают так называемые «гласные гербы», «символы которых прямо говорят о названии городов, которым они принадлежат». В собрании Н. Н. Сперансова их около восьмидесяти, то есть примерно шестая часть гербовника. В свою очередь, «гласные гербы» России можно разделить на три группы. 1. Гербы, символы которых (в большей или меньшей степени) отражают этимологическое, исконное значение географического названия. 2. Гербы с эмблемами, свидетельствующими о нарушении этимологической связи топонима с лежащим в его основе словом. Это самые многочисленные и примерно одинаковые в количественном отношении группы. 3. Геральдические рисунки, в которых связь с реалией отражена в иносказательной форме. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Среди «гласных гербов», эмблемы которых образно передают объективную информацию о тех или иных особенностях населенных мест, содержащуюся в их названиях, много таких, которые связаны с природными признаками, местной флорой, характером местоположения городов и прочим. Так, города *Березна* и *Березов* в своих гербах имели изображения березы, *Ельня* — «три дерева ели в белом поле», «липовое дерево в золотом поле» вошло в герб города *Липецка*, «три красного цвета сосны в серебряном поле» — *Красноборска*, бывшего заштатного городка Вологодской губернии (*красным лесом* у нас издавна именуют хвойный лес). Изображения крапивы и гороха находим мы на гербах городов *Крапивны* и *Гороховца*.

Старинные гербы городов, донесшие до нас подобные свидетельства о характере растительного покрова окружающей их местности (особенно в наши дни, когда он заметно изменился) могут помочь и в решении вопроса о происхождении их названий. Именно герб города *Вязники* (Владимирской области) с изображением широколистного вяза в золотом поле натолкнул учителя И. Шестакова на правильное заключение, что имя города (в прошлом — «слободы на вязах») следует соотносить с названием дерева, а не с вязью («Известия», 19 февраля 1976). Но следует иметь в виду, что связь конкретной геральдической эмблемы с названием города на самом деле не столь прямолинейна, как может показаться с первого взгляда. С лицей, помещенной в золотом поле герба города *Липецка*, связано, собственно, не имя города, а название реки, на которой он расположен, — *Липовка* (в документах XVII века — *Липица*). Топоним *Липецк* сложился на основе гидронима, пройдя в своем развитии через промежуточную степень — *Липецкие железные заводы* (так же, как *Луганск* через промежуточное образование *Луганский завод* и название реки в бассейне Северского Донца — *Лугань*). В «гласном гербе» города *Волчанска* (Харьковской области) был изображен бегущий волк, «означающий, — как сказано в пояснении к гербу, — имя сего города». На самом деле, происхождением своего названия город обязан реке *Волчьей* (в XVII веке — *Волчьи Воды*). В гербе города *Ельца* (сейчас — в Липецкой области) мы находим «красного оленя под зеленой елью», хотя название города прямо с этой реалией (елью) не связано: город, скорее всего, получил имя от реки, которая в старину называлась не *Ельчиком*, как в наше время, а так же, как и город, — *Ельцом*. «А ниже Воргла 7 верст, на Сосне, город *Елец*, а под ним пала в Сосну речка *Елец*» («Книга Большому чертежу»). Город *Камышин* (в XVIII веке село *Камышинка*) обязан своим названием реке *Камышинке*, притоку Волги. Поэтому его геральдическая эмблема — «травя, называемая камыш, в белом поле» — столь же неточна, как и предыдущие.

Прямая связь названия с геральдическим рисунком отмечается в гербах городов *Красноярска* (красная гора в серебряном поле), *Красного Холма* (в голубом поле — красный холм), городов *Крестцы* (перекресток дорог в голубом поле), *Кургана* (на зеленом фоне два серебряных кургана), *Острова* (остров среди реки и на нем три дуба в голубом

поле), *Перевоза* (плот на реке), *Печоры* (гора с пещерой), *Поречья* (серебряная река, по которой «плывет стрела»), *Пятигорска* (в голубом поле — пятиглавая гора — Бештау), *Сосницы* (сосна), *Стародуба* (старый дуб в серебряном поле), *Холма* (берег с высоким холмом), *Черного Яра* (в серебряном поле черная гора), *Вереи* (в серебряном поле, в диком лесу, две дубовые верей с навесными золотыми крючьями), *Волковыска* (волк в голубом поле), *Медыни* (на голубом щите — «золотые пчелы»), *Лебедяни* (лебедь в голубом поле), города *Мёленки* (золотая ветряная мельница в голубом поле), *Опочки* (куча опоки, то есть известкового камня), *Ядринска* (сложенные пирамидой пушечные ядра), *Ладейного Поля* (ладья, то есть корабль, в голубом поле), *Кузнецка* (в красном поле — кузнечные инструменты: наковальня, клещи и молот) и другие. Более иносказательна геральдическая эмблема подмосковного города *Звенигорода* — большой медный колокол.

Самую любопытную группу гербов составляют те, которые демонстрируют утрату названием своего истинного значения. Зная год утверждения такого герба, топонимист — за неимением других свидетельств — получает определенный хронологический ориентир, помогающий узнать, когда данный топоним потерял мотивированную связь с породившим его словом, когда то или иное название перестало нести «правдивую» информацию. Разумеется, «гласные гербы» второго типа фиксировали с опозданием процесс деэтимологизации, а нередко и начавшегося затем ложноэтимологического переосмысления таких топонимов, но каким был этот разрыв, теперь установить трудно.

В 1781 году был составлен герб одного из городов воронежской земли *Бирюча*, на котором было изображено «железное орудие, обвешанное звонками, в красном поле, которым делали в старину объявления на торговых местах». Благодаря этому гербу, мы узнаем о том, что в конце XVIII века название *Бирюч* уже связывалось со старинным словом *бирич* 'глашатай, вестник', а не с прилагательным *бирючий*, *бирючев* (от южнорусского слова *бирюк* 'волк'). Город *Бирюч* был основан в начале XVIII века на реке Сосенке (левом притоке Тихой Сосны в ее верховье), которая в документах первой половины XVII века (например, в одном из воронежских актов 1637 года и в росписи полевых укреплений 1743 года) называлась еще *Бирючев Верх*. В указе Петра I от 8 марта 1705 года упоминается также урочище *Бирючья Яруга*. Название города является

вторичным образованием, полученным отсечением суффикса топонимического прилагательного: *Бирючев* (верх, то есть овраг), *Бирючья* (яруга) > город *Бирюч*, основанный в этом урочище.

О разрыве смысловой связи названия города *Великие Луки* с географическим термином *лука* 'изгиб, поворот реки' свидетельствует «гласный герб» города: «в красном поле три золотые большие лука». Город *Рязск* (в Рязанской области) имел герб с изображением *ряжа* — оборонительного сооружения в виде деревянного сруба, наполненного песком², хотя название произошло от имени протекающей в этой местности реки *Рясы*, правого притока Воронежа (примечательно, что ряж помещен был на голубой ленте реки). В документах XVII века название города употреблялось еще в форме *Рязск* (*Рязск*), например: «а на ней стоят сторожи из *Рязска*»; «3-я сторожа от Лова и от *Рязского* 60 верст» (1623 год). Город *Рыльск*, расположенный в месте впадения в Семь реки *Рыли* и получивший от нее свое имя (в начале XVII века здесь, «усть реки Рыли», находились Рыльские сторожи) приобретает в конце XVIII века весьма выразительную геральдическую эмблему — «черную отрезанную кабанью голову с червлеными глазами и языком и серебряными клыками». Еще раньше, в 30-е годы XVIII века, кабанья голова украшала и знамя Рыльского ландмилицкого полка. Сомнительно, однако, видеть здесь какие-то следы деэтимологизации топонима, образованного по очень продуктивной словообразовательной модели «основа гидронима плюс суффикс *-ск*» (сравним: *Омск*, *Орск*, *Волжск*, и т. д.) и сохраняющего благодаря этому свою смысловую прозрачность — «город у реки Рыли». Перед нами скорее всего преднамеренная «подгонка» названия города под традиционный гербовый символ — кабанью голову, означавший мужество и неустрашимость. Такого рода геральдические эмблемы дезориентируют топонимиста. Так, по-видимому, появилось изображение «куста дерева ветлы» в гербе города *Ветлуги* Костромской области, хотя название город получил от реки *Ветлуги*, левого притока Волги. В гербе города *Старицы* Калининской области мы видим идущую с клюкой старуху (старицу), а город назван от реки *Старица*. Об основании последнего сообщается в летописи под 1297 годом: «...срублен бысть город на Волзе... на *Старице*», а в 1395 году этот «новый город Тверский на Волге и на реке *Старице* погоре от грома».

В отдельных случаях «гласные гербы» дают нам информацию о том, как осмысливался не связанный с названием города топоним. В этом плане примечателен герб города *Курска*, получившего свое название от протекающего через город ручья *Кур*, правого притока реки *Тускарь*: в синей полосе реки нарисованы три летящие птицы, очевидно, куропатки (сравним: древнерус. *куръ* — 'петух', *кура* — 'курица'). Название города *Курска* и сейчас отчетливо мотивируется гидронимом *Кур*. Герб города свидетельствует лишь о переосмыслении названия ручья. О том, что в народном сознании гидроним *Кур* ассоциировался с названием птицы, говорит не только геральдическая эмблема города, но и название другого правого притока Сейма (Семи) — река *Курица*. Здесь явно прослеживается зависимость одного из «птичьих» имен от другого, скорее всего второго от первого. Интересную параллель мы находим в бассейне реки Лугани, правого притока Северского Донца, где в непосредственной близости друг от друга расположены речки *Селезень* и *Утка*.

Созвучие топонима с нарицательным словом учитывалось при выборе гербовой эмблемы для таких городов, как *Котельнич* (в зеленом поле — золотой котел), *Козлов* (белый козел), *Кадников* (кадка, наполненная смолой), *Зубцов* (в красном поле — зубчатая стена), *Глазов* (в голубом поле человеческий открытый глаз), *Рогачев* (черный бараний рог), *Могилев* (тройная зеленая могила), *Лебедин* (лебедь), *Мышкин* (в червленом поле мышка), *Орлов* (ныне город Халтурин; орел у реки), *Скопин* (в голубом поле летящая птица скопа), *Сычевск* (*Сычевка*) (сыч на дереве). Нетрудно заметить, что все названия этих городов образованы от антропонимов — личных имен, прозвищ (*Котельник*, *Кадник*, *Козел*, *Зубец*, *Глаз*, *Рогач*, *Могило*, *Лебедь*, *Мышка*, *Орел*, *Скопа*, *Сыч*) или фамилий (те же антропонимические основы с суффиксами *-ов* (*-ев*), *-ин*, например, *Зубцов*, *Орлов* и т. д. В последнем случае на суффикс фамилии как бы накладывались и сливались с ним топонимические суффиксы с притяжательно-относительным значением. Наивное осмысление географических названий привело к тому, что в гербе города *Богородицка* появились «девять ветвей травы, называемой богородицкая» (В. И. Даль приводит и другие ее названия: сероцвет, живучка, неувяда, цмин), в гербах городов *Верхне-Ломова* и *Нижне-Ломова* — железные ломы, повернутые острыми концами соответственно вверх или вниз. «Гласный герб»

Кологрива имел «лошадиную голову с крутою гривой» (В. А. Никонов полагает, что в основе топонима лежит словосочетание «коло гривы», где *грива* — поросшая лесом узкая возвышенность) (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 199). В гербе *Коломны* — «столб белый», то есть *колонна*, а в гербе *Изюма* — «три виноградные лозы с плодом» (название свое этот город получил от небольшой речки *Изюм*, левого притока Северского Донца, в устье которой он находится) и т. д.

Особый интерес вызывают случаи, когда наивные переосмысления географических имен обрастают всякого рода топонимическими легендами и эти легенды связываются с геральдической символикой. Местное население не довольствуется установлением чисто внешней связи семантически неясного топонима с каким-нибудь созвучным ему словом и пытается как-то обосновать причину возникновения такого названия. Появление в гербе *Казани* крылатого змея *Зиланта* (от названия пригородного холма *Джилантау* «Змеиная гора») объясняется существованием татарской легенды об основании города (А. В. Арпиховский). В гербе города *Сумы*, Харьковской области (который уже в 1781 году считался «старым») были помещены «в серебряном поле три черные сумы с их перевязями и золотыми пуговицами», согласно преданью, будто «речка Сумы получила название от найденных на берегу ее трех охотничьих сум» (Городские поселения в Российской империи, т. 5, ч. 1, СПб., 1865). Название города *Сумы* бесспорно отгидронимического происхождения: возник он при слиянии двух речек — *Сумки* и *Сумы* (в месте впадения их в Псел) и в документах середины XVII века еще именовался *Сумин город*, *Сумино городище* или просто *Сумино*. Современная форма названия (*Сумы*) сложилась позже. Попутно заметим, что указанная «говорящая» деталь старинного герба *Сум* — охотничьи сумы — в гербе этого города сейчас, к сожалению, очень осовременена: вместо традиционных сум в нижней части герба помещены ручные сумки. Такая «деформация» эмблемы явно вредит гербу.

На основе тюркского прилагательного *airili* 'кривой, изогнутый' возникло древнерусское слово *орель* (*ерель*) 'угол', попавшее затем в названия некоторых рек европейской части СССР. Это река *Орель*, левый приток Днепра, и река *Орлик*, на берегу которого находится современный город *Орел*, в своем названии донесший до нас старую форму гидронима (см.: Г. П. Смолицкая. «Орел, а не пти-

ца», — «Русская речь», № 1, 1974). Топоним *Орель* благодаря сближению со словом *орел* превратился в *Орел*. Впоследствии произошла дифференциация названий города и реки: город сохранил прежнее имя, тогда как гидроним приобрел суффикс.

Если название реки *Орлик* связано с топонимом *Орел*, то последний, сблизившись с нарицательным именем, оставался «непонятным»: почему город назван именем птицы? Отсюда и появление легенды о том, что во время закладки города на берегу Орлика с дерева внезапно поднялся орел и взмыл высоко в небеса как предвестник великого будущего города. Все это нашло отражение в символике герба, самое раннее описание которого относится к началу XVIII века: «В золотом щите на синем поле белый город с красными кровлями и черным над среднюю башнею одноглавым орлом» в золотой короне.

Во всех рассмотренных случаях топонимическая легенда предшествовала возникновению геральдической эмблемы. Известен, однако, случай, когда все происходило наоборот. В 1585 году в герб города Нарвы попали две серебряные рыбы. Спустя много лет появляется предание о том, что Петр I, утверждая герб, будто бы обратился к жителям города со словами: «Будьте, как рыбы, — молчите».

Наконец, особую группу составляют гербы, в которых связь с названием города передана аллегорически. Города *Воскресенск* (Московской области) и *Вознесенск* (Николаевской области) когда-то были названы так по церковным праздникам или церквям, однако ассоциация их названий со словами *воскресить* ‘возродить, вернуть к жизни’ и *вознестись* ‘подняться ввысь’ натолкнула создателей их гербов на выбор соответствующих символов — «золотого солнца в голубом поле и сокола, парящего над Бугом». Точно так же в гербе смоленского города *Духовщина* появляется «в белом поле куст розов, производящий приятный дух», в гербе харьковского города *Мирополя* — «засеянное житом поле» и крестообразно положенные «две масляные ветви». Здесь видна связь не с греческими словами *мирра* ‘благовонная смола’ и *полис* ‘город’, как отмечалось в старых описаниях герба, а с традиционным геральдическим символом — оливковым деревом, символом мира и спокойствия, и обычным в украинских составных топонимах элементом *поле*, часто при слиянии с предыдущим словом превращающимся в *-поль*. Таким образом, вторая часть

названия *Мирополь* передана в гербе с предметной конкретностью, тогда как первая обозначена аллегорически.

«Гласные гербы» принадлежат определенному историческому периоду развития русской геральдики, которой издавна известны и другие виды гербов. Принципы построения некоторых из них в настоящее время кажутся нам наивными. Цель современной геральдики — создать точные и выразительные гербы, отвечающие эстетическим вкусам нашего времени. Старинные русские земельные гербы — ценный источник для изучения истории русской техники, флоры и фауны нашего государства. Немало интересных сведений найдет в них для себя и топонимист.

Е. С. ОТИН
Донецк

Для того, чтобы «просто» написать, нужно очень много поработать.

Я приведу вам примеры из собственного опыта. Если я над докладом работаю месяц... то у меня доклад выйдет значительно лучше и значительно короче. А когда доклад делаешь, то вы думаете, что человек над этим докладом предварительно не работал, а просто здесь на трибуне, «по интуиции» слова говорит, случайные анекдоты приводит, случайные отвлеченные мысли излагает популярным языком. Жестоко ошибаются те, кто так думает. Когда хочешь, чтобы доклад был короткий и в то же время обстоятельный, чтобы он был нескучный, потому что самый плохой доклад — это скучный, чтобы доклад влиял на массу, — над ним нужно очень и очень много работать.

М. И. Калинин. Из речи на IV Всесоюзном совещании рабселькоров

Коснусь еще одного важного вопроса — изучения русского языка бойцами нерусской национальности. Оно крайне необходимо. Без русского языка в армии не обойдешься. На русском языке составлены наши военные уставы, на нем пишутся боевые приказы, подаются команды. Русский язык служит для общения между всеми народами СССР. Русский язык — язык Ленина.

М. И. Калинин. Единая боевая семья

Иван Иванов
сын Хрипков
... головою
своею добр,
на государеве
службе
будет на коне,
в саадаке,
и в сабле,
в пансыре,
и в шанке
мисюрской
(Из десятии
1622 года)

ДЕСЯТНИ XVI—XVII вв.

Любопытными документами назвал десятии бывший директор Московского архива министерства юстиции П. И. Иванов, сообщивший о них в «Описании Государственного Разрядного архива» (М., 1842).

Десятии — это памятники делового содержания, в которых описаны уездные служилые люди Московского государства XVI—XVII веков: дворяне, дети боярские, казаки. Десятии были *разборные*, *верстальные*, *денежной раздачи* и другие, в них разбирались боевые средства и качества служилых людей, назначалось поместье и денежное жалованье одновременно с зачислением на военную службу.

Древнейшее название десятии — *десятница* — встречается в грамоте царя Ивана Васильевича 1554 года об отставке от службы князей Белосельских, «потому что стары и болны»: «И вы б их в *десятнице* погладили, а в их место написали княж Володимерова сына Курбатка да княж Васильева внука Семейку княж Андрева сына Белоселского» (Дополнения к Актам историческим, т. 1). Называли *десятии* и словами *десяток*, *десятинные книги*, *десятенные списки*, *служебные книги* и т. п.

В «Энциклопедическом лексиконе» (1835—1841) А. А. Плюшара отмечается: «*Десятня*, собственно, значит то же, что и *десяток*, то есть кучка чего-нибудь, состоящая из 10 одинаковых вещей. Слово это употребляется в нашем старинном военном деле, однако ж, по странному употреблению, означало не 10 человек, соединенных под одно начальство, а целое с одного города ополчение, составленное из детей боярских. Такие десятии назывались по городам, в округе которых ратники имели свои поместья, например, Ростовская, Суздальская и так далее. Каждой десятей предводительствовал дворянин, а иногда стольник. Имена ратников вписывались в особые книги, называвшиеся *десятинными*».

А. А. Востоков предполагал, что название *десятня* произошло от древнего деления служилых людей каждого города на сотни и десятки. Справедливо и замечание А. П. Барсукова, что слова *десятня* и *десяток* не всегда соответствуют действительному арифметическому десятку.

Изучением десятиен занимались историки Н. В. Калачов, Н. Н. Оглоблин, А. А. Востоков, В. Н. Сторожев, Е. Д. Сташевский, Е. П. Гуляев и другие. Заслуга В. Н. Сторожева в том, что он описал все десятии (их известно 390), составленные в 1577—1676 годах. Хранятся они в ЦГАДА (Центральном государственном архиве древних актов). В архиве сохранилось 11 десятиен XVI века, все остальные десятии — XVII века.

В. Н. Сторожев предполагал, что составление десятиен прекратилось только при Петре Великом. В других архивах найдены самая древняя десятия по Кашире 1556 года и наиболее поздние десятии Пензенского края 1677—1696 годов.

Языковые особенности десятиен рассмотрены пока в одной работе В. В. Юрасовой «Десятни — источники по истории русского языка XVI—XVII вв.» (М., 1974). Десятни важны для изучения лексики, фонетики, грамматики русского языка XVI—XVII веков. Лексика десятиен отражает характер самих источников, их назначение: *верстать* 'зачислять на военную службу и наделять поместьем и окладом'; *вогчина* 'земельная собственность, передаваемая по наследству'; *прожиточное поместье* 'часть поместья, которую получали отставные служилые люди или их вдовы и мало-

летние дети на прожиток»; *пищаль* 'старинная пушка или тяжелое ружье'; *пансырь* в старину 'металлическая одежда для защиты от ударов холодным оружием'; *коробин* 'короткоствольная винтовка'. В десятнях нашло отражение современное акающее произношение: *даходав, каму, каторым, кароченским, с Масквы*.

Служилыми людьми Русского государства в XVI—XVII веках ведал *разрядный приказ*. Из Разряда рассылались по городам московские списки, составленные на основе старых. После разбора служилых людей (то есть определения боевой годности и вооружения служилого человека, его имущественного состояния) составлялись десятни, которые уточняли состав уездного служилого дворянства, и отправлялись в Москву, в Разряд. Все изменения в составе служилых людей уездного города отражались в десятне: «объявились сверх московского списка», «у розбору не объявился».

Трудно определить, кто писал десятни (местные писцы или московские), так как подписи в них крайне редки: «справил Юшко Данилов», «справил Клишко Козодавлев». К пошехонской десятне 1617 года «руку приложил Василий Яковлев» (в начале десятни упомянут дьяк Василий Яковлев, который вместе с воеводами производил разбор служилых людей).

О содержании десятни расскажет сама десятня (см. стр. 122).

Это образец *разборной десятни* 1622 года. Как правило, в начале десятни указывается время ее составления, место, где осуществляется разбор, какой царский указ выполняется, перечисляются должностные лица, распределявшие служилых людей на статьи.

В соответствии с социальным и имущественным положением служилые люди в XVI—XVII веках делились на *выбор, дворовых и городовых*. *Выбор и дворовые*— это верхушка уездного служилого сословия, наиболее влиятельная его часть.

Разбор и верстание часто сопровождалось раздачей денежного жалованья: «для службы первой статье по двадцати по пяти рублев, другой статье по двадцати рублев, третьей статье по пятинацати рублев» (Ростов, 1631).

Из среды служилых людей выбирались *окладчики*, которые должны были «про дворян и про детей боярских и про их поместья и вотчины и про поместья и про денежные оклады сказывать правду и по посулом никому не дружити, а недругу не мстить» (Пошехонье, 1617).

Десятни составлялись из своеобразных *сказок* окладчиков, в которых определялось, как служилый человек должен явиться на службу: «на коне, в саадаке, и в сабле, в пансыре, и в шапке в мисюрской», или «на коня, с пищалью, с саблею» и т. п.

Лѣта 7130 февраля въ 6 дн по гедрву црву и великог князя Михаила Федоровича всеа Руси указу списокъ розборной Пловы и Соловы дворянъ и детей боярскихъ розбору князя Федора Ивановича Лыкова да дьяка Богдана Губина хто дворян и детей боярскихъ каков хто собою и на чемъ хто будетъ на гедрве службе и сколько за кѣмъ за дворяны и за детьми боярскими служилыхъ людей будет в саадацех и в саблях и сколько за кѣмъ людей будет на конехъ и на меринкехъ с простыми конми и что за кѣмъ помѣстья и вотчины в даче и сколько крестьян и бобылей а сказывали про дворян и про детей боярскихъ окладчики по гедрву црву ж и великог князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованю каков хто собою и на чемъ хто на гедрве службе и с чѣмъ будет

Плова и Солова

Выбор

Иван Ивановъ снъ Хрипков

Окладчики про нег сказали по гедрву црву и великог князя Михайла Федоровича всеа Руси крестному целованю головою своею добръ на гедрве службе будетъ на конѣ в саадакѣ и в сабле в пансыре и в шапке в мисюрской да за нимъ члвкъ на конѣ в саадакѣх и в сабле с простым конемъ да три члвка с возы. Вотчины за нимъ в Соловскомъ уѣзде в Засоловском стану сельцо Голоденки в дачах сто восмидесят чети крестьян и бобылей десят члвкъ и дана ему та вотчина за пря Василево московское осадное сидене да за нимъ же помѣстья сельцо Малахово... А Иван сказал по гедрву крестному целованю про свою службу и про помѣстье и про вотчину против оклатчиковы скаски.

Саадак или *сайдак* — тат. 'налучник, чехол на лук, обычно кожаный, тисненый, нередко украшенный серебром, золотом, камнями, иногда шитый, бархатный. Встарь называли так и весь прибор: лук с налучником и колчан со стрелами' (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка). Иноязычное слово *саадак* проникло в русский язык во время нашествия татаро-монголов и вытеснило древнерусское *тул* 'колчан, вместилище для

стрел' (см. Г. Ф. Одинцов. Из истории названий *тул, колчан, сайдак* (и его вариантов) в русском языке. Этимология. 1973. М., 1975).

Мисюркой называли воинскую шапку с железной маковой или теменем и сеткой (Словарь В. И. Даля). В десятнях обнаружены служилые люди с именем *Мисюр* и отчеством *Мисюрев*: *Мисюр Головин сын Соловцов, Мисюр Григорьев сын Непейцын* и *Ондрей Мисюрев сын Соловцов*. С именем *Саадак* не нашлось ни одного служилого человека, хотя такое имя было: *Станко Саадак* (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен).

Интересна возрастная характеристика служилого сословия в десятнях. Известно, что для служилых людей в XVI—XVII веках была обязательна военная служба с 15 лет до потери служебной годности по старости или по болезни. Десятни перечисляют и *недорослей* (в возрасте от полугода до 15 лет), которые «в службу не поспели, а поместьем и деньгами не верстаны, а живут у отцов своих, и у дядей, и у братьи, а поместей прожиточных и вотчины за ними нет».

Слово *недоросль* употреблено в десятнях в своем первоначальном значении «молодой человек, не достигший совершеннолетия и не поступивший еще на государственную службу». Значение «глуповатый, малоразвитый юноша; вообще недоучившийся, неразвитый человек» закрепилось благодаря Фонвизину за словом *недоросль* позже (вспомним Митрофанушку, персонажа комедии «Недоросль»).

В 15 лет молодого дворянина записывали в служилый список, его называли уже не недорослем, а *новиком*. 17-томный Словарь современного русского литературного языка приводит такие значения слова *новик*. 1). В Московской Руси — молодой дворянин, недавно вступивший на обязательную государственную службу. 2). Устар. Человек, недавно приступивший к какой-нибудь работе; новичок.

Десятни богаты малоисследованными материалами и представляют большой интерес. Это имена собственные — личные имена, отчества, фамилии служилых людей; географические названия.

XVI—XVII века — период, когда в русском языке формируются единые общенациональные нормы. К этому времени относятся и становление фамилий у некоторых групп русского общества: князей, бояр, дворян. Данные десятен позволяют говорить о том, что в среде служилого сословия к XVII веку оформляются фамилии, которые передаются из поколения в поколение; в других социальных слоях (духовенство, крестьяне, холопы) этого не происходит.

В десятнях находим примеры сохранения фамилии в разных поколениях: «Фома Ерофеев сын *Клепиков* ...ему за старостью и за увечьем на государеве службе быти не мочно, и в его место на Государеве службе быть сыну ево Дмитрею, и ныне Митка поверстан...— Митка Фомин сын *Клепиков*» (Чернь, 1622). В этой же десятне названы Егуп Борисов сын *Паршин* и его сын Еустратко Егупов сын *Паршин*.

Происхождение многих современных фамилий можно объяснить, зная материалы памятников письменности разных эпох, в том числе и десятен. В. А. Никонов предполагает образование фамилии *Анцев* из *Анц* (краткой формы от Анцифер) и отмечает, что форма *Анц* нигде не зарегистрирована (Этимология. 1973. М., 1975).

В десятнях записано несколько *Анцев*: *Анца* Дириков, *Анц* Володимеров сын Фанлюпик, *Анц* Романов сын Водел, *Анц* Иванов сын Рора (Углич, 1622); *Анца* Круз (Владимир, 1624). Все они иноземцы, немцы — «углетцкие и володимерские помещики». Вероятнее всего, что *Анц* — это в русской передаче немецкое имя *Hans*.

Большинство служилых людей носит канонические (церковные) имена: Борис, Василий, Григорей, Дмитрий, Иван, Кирило, Михайло, Платон, Павел, Родион, Степан, Федор и другие, однако встречаются у них и неканонические имена, употреблявшиеся издавна на Руси и сохранившиеся, несмотря на запрет церкви, и в XVI—XVII веках. Это имена Бажен, Ворохоба, Второй, Гость, Девятой, Ждан, Кручина, Ломака, Невежа, Образец, Соловей, Студеника, Товарыщ, Худяк, Шестак и другие.

Среди неканонических имен служилых людей найдены такие, которых нет в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, «Ономастиконе» С. Б. Веселовского и в ряде исследований по древнерусской антропонимии: Гардячик, Илменко, Которой, Ломочейко, Мюк, Мясош, Репеюн, Сарлаим, Сарман, Текал, Уродивый, Чайн, Шемахей, Шумшан и другие.

Имя *Репеюн* могло быть связано по происхождению с названием растения *репей*, но вернее всего, с диалектными глаголами *репить*, *репеть* 'роптать, ворчать' или *репениць* 'скоро говорить, тарантить' (Словарь В. И. Даля).

Возможно образование имени *Чайн* от *чаять* 'думать, полагать, заключать, надеяться, уповать, ожидать, предполагать' (Словарь В. И. Даля), но есть и татарское *чаян* 'скорпион'. В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» приводит два значения *чаян* 'скорпион' и 'ящерица, сороконожка'.

Пермские и вологодские говоры знают прилагательное *гордячий* в значении 'гордый' (Словарь русских народных говоров, 1972), видимо, от него и образовано имя *Гордячик*.

Десятни составлялись во многих городах Русского государства XVI—XVII веков: Атемаре, Бежецком Верхе, Галиче, Дмитрове, Зубове, Костроме, Москве, Одоеве, Пензе, Стародубе и других. Служилые люди получали за службу поместья, поэтому в десятнях находим значительное число топонимов — названий уездов, станов, сел, деревень, пустошей: «...да в *Кинешемском* уезде поместья за ним в селце в *Ичюге*, да в деревне в *Пестовке*, да в деревне *Бочкине*, да в деревне *Савиной*, а *Потехино* тож, да пустош *Летаниха*, да пустош *Серковка*, да пустош *Демешиска*, да пустош *Крутец*, да пустош *Самарышка*, да пустош *Сосновец*» (Солова, 1622).

Материалы десятен помогают уточнить прежние названия поселений, проследить изменения названий: деревня *Грязева*, *Якунино* тож; село *Пречистенское*, *Кобелево* тож; в деревне в *Гамовой*, а *Максимовское* тож.

Из десятни 1622 года узнаем, что деревней *Зубаревой* владеют Ондрей Борисов сын *Зубарев*, Максим Борисов сын *Зубарев* и Степан Борисов сын *Зубарев*. Простое совпадение фамилии и названия деревни здесь, видимо, исключается. Деревня названа по имени предков, бывших ее владельцев.

Имена собственные в десятнях — вопрос особый, здесь мы на нем подробно не останавливаемся. Нам хотелось познакомить читателя с содержательной стороной десятен, с употреблением и значением отдельных слов в XVI—XVII веках, показать возможные проблемы изучения названных источников. Лингвист, историк, социолог, географ найдет немало интересного в десятнях — памятниках древнерусской письменности.

Т. А. ЗАКАЗЧИКОВА

«ЛИЦА ВЫСКАЗЫВАЮТ СЕБЯ РЕЧАМИ»

«Что за правда беспредельная, что за глубина, что за сила и красота творчества! А какой язык — этому и названия нет».

В. В. Стасов

Л. Н. Толстой придавал большое значение речи действующих лиц драматического произведения. «Сколько бы ни говорили о том, что в драме должно преобладать действие над разговором, — указывал писатель, — для того, чтобы драма не была балет, нужно, чтобы лица высказывали себя речами» (цитируется по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. 1928—1958). Яркая индивидуализация языка героев — один из основных художественных принципов Толстого-драматурга. Эта особенность таланта писателя наиболее отчетливо проявилась в лучшей народной драме русской литературы — пьесе «Власть тьмы». Удивительная естественность образов и положений, композиции и языка героев характерны для этой драмы. Отказавшись от экспозиционных диалогов, нарушающих впечатление естественности, от «эффектных» сцен, Толстой создал глубоко новаторское произведение и по содержанию, и по форме.

Композиционное своеобразие драмы в том, что в ней совмещены две коллизии. Первая — борьба за деньги Петра — охватывает два действия. Кульминация этой сюжетной линии — отравление Петра его женой Анисьей с помощью старухи Матрены, матери Никиты. Развязка ее (женитьба Никиты на Анисье) совпадает с завязкой второй сюжетной линии. Борьба за Никиту — это вторая кол-

лизация драмы. Узнав о преступлении жены, Никита не может успокоиться и, возненавидев ее, сходится с падчерицей. Кульминация (убийство Никитой родившегося у падчерицы ребенка под нажимом желающих «замести следы» жены и матери) подготавливает развязку второй сюжетной линии и одновременно всей драмы — сцену публичного раскаяния Никиты. Сбылось то, о чем мечтал отец батрака, честный крестьянин Аким: Никита освобожден из-под «власти тьмы».

Важным средством характеристики героев «Власти тьмы» является прежде всего их язык. Простонародная речь Никиты, щеголяющего иногда «учеными» словечками, резко отличается от речи его безжалостной матери, в устах которой даже обычные слова приобретают особое значение. «Потружусь и я», — говорит она, идя обмывать тело отравленного Петра. «Иди, иди, ягодка, — успокаивает она сына после убийства ребенка, — а уж я потружусь, полезу сама, закопаю».

Драме «Власть тьмы» уделяется большое внимание в ряде монографических работ, посвященных творчеству великого писателя: С. П. Бычков. Л. Н. Толстой. Очерк творчества. М., 1954; К. Н. Ломунов. Драматургия Л. Н. Толстого. М., 1956; М. Б. Храпченко. Лев Толстой как художник. М., 1965. Существуют и специальные статьи о языке и стиле народной драмы Толстого. Наиболее интересные из них: Е. П. Гашкене. О некоторых художественных особенностях драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». — «Ученые записки МГУ», вып. 196, 1958; Н. Афанасьева. Взятые из жизни (о языке «Власти тьмы»). — «Театральная жизнь», 1960, № 22; Р. А. Кукшук. Пословицы и поговорки в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы». — «Ученые записки Кишиневского университета», т. 47, вып. 1, 1962; М. В. Крылова. О языке пьесы Толстого «Власть тьмы». — «Научные труды Ташкентского университета», вып. 211, кн. 24, 1963. Все исследователи языка пьесы рассматривают речи Акима и Митрича как типичные речи патриархального крестьянина-непротивленца и бунтаря-обличителя, не прослеживая связи их слов и дел, что не может не отразиться на понимании этих очень важных для драмы образов.

Митрич и Аким совершенно не похожи друг на друга. И пословицы, и поговорки, и отдельные слова и выражения у них «свои», присущие только им. Так, справедливого, активно не приемлющего любое зло Акима метко ха-

рактизируют пословицы «Коготок увяз — всей птичке пропасть», «Обижена слеза мимо не канет, а все, тае, на человеческу голову», «Неправда наружу выйдет». Он говорит *ничаво, банка* (вместо «банк»), путает род существительных — «Не пью я ее, вино-то», постоянно употребляет словечко *тае*. В его языке встречаются и своеобразные неологизмы (например, *скверность*) и характерные для крестьянства просторечные и разговорные слова: *надуться* (в значении 'заважничать'), *умориться*, которые в контексте помогают лучше понять образ честного и справедливого крестьянина. Как он негодует, когда пьяный Никита велит батраку Митричу убрать лошадь: «Старик, значит, тае, уморился, значит, молотил, а он, тае, надулся. Лошадь убери. Тыфу! Скверность!». «Неуклюжие» слова Акима служат раскрытию большой этической темы народной драмы Толстого.

Аким своим мужицким умом понял, какая «тьма» засосала его сына: «Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна». Перед нами не надуманный образ, а живой человек, со своей нелегкой судьбой, умный, трудолюбивый, борющийся с любыми проявлениями «тьмы», характерной для пореформенной деревни.

В. В. Стасов тонко подметил отличительную черту монологов в пьесе Толстого (заметим, что к монологам он прибегает довольно редко): если в произведениях всех драматургов монологи слишком логичны и последовательны, то у Толстого они представлены «со всей неправильностью, случайностью, недоговоренностью и прыжками». Вот Аким пытается усостить Никиту, обесчестившего Марину: «Девка работающая, важковатая и, значит, тае, вокруг себе..., значит. А по нашей бедности нам и, тае, рука, значит: и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть девке-то, значит, тае, сирота, вот что, девка-то. А обида есть». Недоговоренные, как бы обрубленные фразы, повторения, преобладание простых предложений характерны для языка старика Акима. Между его словами и поступками нет никакого противоречия, и совершенно ясно, что этот человек, знай он о готовящемся убийстве Петра и ребенка, не дал бы совершиться преступлениям.

Речь Митрича не спутаешь с речью Акима. Митрич не косноязычен, он говорит прямо, без обиняков, употребляя подчас грубые сравнения («Ах, Микишка, глуп ты, как свиной пуп», «беспадушная скотина, озорная самая, ба-

Л. Толстой «Власть тьмы». Аким — И. В. Ильинский, Митрич — М. И. Жаров (Малый театр)

бы эти») и довольно «прозрачные» эвфемизмы («матери его поросятины», «в рот им ситного пирога с горохом»). Сохранились воспоминания А. К. Чертковой, где она пишет, что на ее вопрос, почему Митрич часто повторяет последнее выражение, Толстой ответил: «Ведь русский человек не может без крепкого словечка, ему непременно хочется выругаться, так уж он привык, без этого не может... Ну а Митрич, хоть и старый солдат, тоже наверное, трехэтажными словами выражался, но все же, думаю, к старости он почище стал, поопрятней. Так вот я ему и сунул в рот поговорку, чтобы ему было чем душу отвести: «в рот тебе ситного пирога с горохом». И поговорка эта есть, я ее слышал, именно от такого солдата» (Толстой и о Толстом. М., 1926). Пообтершийся «в солдатстве» Митрич может употреблять и «книжные» слова, но в ином значении. Так, о женщинах он говорит: «Самое глупое ваше словословие». Непонятное для него слово он может переделать «на русский лад», — рассказывая о курдах, которых он видел на Кавказе, Митрич вспоминает: «Крудлы, круглы прозвище им». Характерны для него и просторечные слова: *спитательный* (воспитательный дом), *заблудущий* (вместо «заблудший»), *различка* (вместо «различие»).

Любопытно проследить, как Толстой в процессе работы над пьесой «шлифовал» язык героев, добиваясь его индивидуальности, меняя не только отдельные слова, но и синтаксические конструкции, а иногда и целые фразы. Вот например, как изменились некоторые высказывания Митрича.

Вариант:

«Ишь добро-то мимо лили. И табаком не заглушишь дух-то».

Окончательный текст:

«Ишь духу-то напустили, в рот им ситного пирога с горохом. Мимо лили добро-то. И табаком не заглушишь».

Фразы стали более разговорными, колоритными, в речи героя появились интонации недовольства.

Сравним некоторые предложения из диалога Митрича и Никиты в последнем действии драмы.

Вариант:

«Ты не обижайся, что я запил. Я дай все с себя пропью, тогда остепенюсь».

«Ты малый хороший, только ты...».

Окончательный текст:

«Ты глядишь, что я запил. А мне черт с тобой! Ты думаешь, ты мне нужен...»

«Люблю тебя, а глуп ты».

Исчезли мягкие, извинительные интонации, не характерные для речи Митрича.

Яркая индивидуальность Митрича передается не только в колоритном языке героя, но и в содержании его речей. Много повидавший и понявший на своем веку, он может разъяснить Акиму, как «облупляют народ» капиталистические банки. А какая страшная правда заключена в его словах о доле русской крестьянки: «Вашей сестры в России большие миллионы, а все как кроты слепые, — ничего не знаете... Мужик — тот хоть в кабаке, а то и в замке, слушаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что... Да и спросить с вас тоже нельзя. Кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожжами поучит. Только и ученья». Казалось бы, смелые, обличительные мысли. Но основным принципом в раскрытии характеров реалистической драмы является сочетание речей и поступков героев. Вспомним, в какой момент Митрич говорит. Чуть ли не на его глазах убивают ребенка, а он спокойно разглагольствует о судьбе русской женщины. Человек, видевший много мерзостей в жизни, он «зачерствел», стал равнодушным к злодеяниям. Поэтому на вопрос девочки Анютки «А как же быть-то?», то есть что делать, чтобы не «изгадиться» в этой страшной жизни, Митрич отвечает: «Завернись с головой и спи». Не

случайно здесь глаголы *завернуться* и *спать* стоят в повелительном наклонении: Митрич утверждает свою философию — закрывать глаза на творящееся вокруг. Объективно получается, что в этой сцене развенчивается идея «непротivления злу насилieм», а если это так, то непротivленцем следует считать не Акима, а Митрича. Жизнь исковеркала его. Раньше он был добрым и отзывчивым. Анютка, со своей детской непосредственностью, на минуту пробудила лучшие чувства старого солдата, и он рассказал ей, как на войне спас ребенка. Но давно прошли те времена. Нет уже у Митрича ни веры в людей, ни любви к ним. «Тьма» засосала и этого человека.

Л. Н. Толстой указывал, что одним из главных достоинств всякого художественного произведения является «верный, соответствующий характерам лиц, язык». Эти слова в полной мере можно отнести к языку героев драмы «Власть тьмы». Анализ речей и поступков Акима и Митрича позволяет сделать новые выводы об их месте в пьесе и об их характерах.

А. В. МАКЕЕВ

ПОДУМАЙ И ОТВЕТЬ

Ответы. См.: с. 101

1. Нет. Слова *побывать*, *забывать* и *добывать* не являются словами одного корня, так как они различны по своему значению:

а) *побывать* — поездить, походить (по многим местам); побить, пожить где-нибудь; зайти куда-нибудь, посетить кого-нибудь или что-нибудь.

б) *забывать* — перестать помнить, утратить воспоминание о ком-нибудь или о чем-нибудь; упустить из памяти, не вспомнить; оставить где-нибудь, не захватить с собой по рассеянности.

в) *добывать* — достать, приобрести; извлечь из недр земли.

Следовательно, прежде чем приступить к разбору слова по составу, нужно вспомнить значение слова и, исходя из этого, подбирать однокорневые слова.

Структура этих слов будет следующей:

а) *побывать* — *по-* — приставка, *-бы-* — корень, *-ва-* — суффикс глагола, *-ть* — окончание неопределенной формы глагола,

б) *забывать* — *-забы-* — корень, *-ва-* — суффикс глагола, *-ть* — окончание неопределенной формы глагола.

в) *добывать* — *-добы-* — корень, *-ва-* — суффикс глагола, *-ть* — окончание неопределенной формы глагола.

II. Слова в этом задании подобраны с таким расчетом, чтобы проверить, из чего исходит абитуриент при разборе слова по составу: из значения (семантики) слова или из его «видимого», формального членения на составные части. Так, если исходить из значения этих слов, то только в словах *осетрина* и *свинина* нужно выделить суффикс *-ин-*, в слове *буженина* этот суффикс отсутствует (*буженин-а*). При механическом членении легко допустить ошибку, приняв часть корня *-ин-* в слове *буженина* за суффикс.

III. Чтобы правильно разобрать выделенные слова в приведенных словосочетаниях, следует исходить опять-таки из значения (семантики) этих слов:

а) *завод* — ‘приспособление для приведения в действие механизма’. Структура этого слова: *за-* — приставка, *-вод-* — корень, □ — нулевое окончание.

б) *завод* — ‘промышленное предприятие’. Структура слова: *завод* — корень, □ — нулевое окончание.

в) *наказать* (сыну) — ‘дать наказ, наставление’. В структуре слова можно выделить корень *-каз-*; сравните: *на-каз*.

г) *наказать* — ‘подвергнуть наказанию’, структура слова: *на-каз* — корень, *-а-* — суффикс глагола, *-ть* — окончание неопределенной формы глагола.

IV. Слова *отсебятина*, *потусторонний*, *сумасшедший* образовались в результате сращения в одно слово двух или более в процессе их употребления в языке; чаще всего они представляют собой слияние в одно целое либо устойчивого сочетания, либо сочетания самостоятельного слова со служебным. Выделенные буквы в этих словах когда-то были окончаниями от себя, по ту сторону, с ума *шедший*).

V. Задание должно быть оформлено так: *дать*, *давать*, *подавать*; *преподавать*, *преподаватель*, *преподавательница* (корень в этих словах выделен).

VI. Абитуриент допустил ошибку: в глаголах *затеять*, *ударить*, *восхитить* нет приставок.

VII. При синтаксическом разборе этих предложений абитуриенты часто допускают следующие ошибки:

а) словосочетание *знал продавать* принимают за составное глагольное сказуемое, тогда как здесь простое глагольное сказуемое *знал* с обстоятельством цели (*продавать*), выраженным неопределенной формой глагола [*знал* (с какой целью?) — *продавать*];

б) во втором предложении в качестве сказуемого выделяют обычно глагол *канул*, хотя в данном случае простое глагольное

сказуемое выражено фразеологическим оборотом *как в воду канул* со значением 'пропал', 'исчез бесследно'.

Следовательно, предложения такого типа даны для того, чтобы проверить, сознательно ли владеет абитуриент навыками синтаксического разбора по членам предложения.

VIII. Эти предложения обычно предлагаются абитуриенту, отвечающему по теме «Местоимение».

Известно, что местоимения имеют очень абстрактное, отвлеченное значение, поэтому неумелое использование их в речи иногда приводит к двусмысленности. Абитуриенту следует найти ошибку в этих предложениях и устранить ее для того, чтобы конкретизировать высказанную мысль. Примерный вариант исправления:

а) Герасим принес Муму чашечку молока, поставил ее на кровать, но *собака* не умела пить (устранить местоимение *она*, делавшее высказывание двусмысленным).

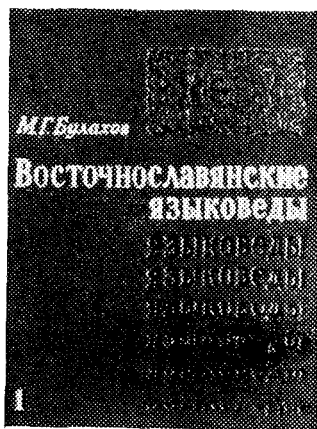
б) Недавно мы посмотрели фильм в новом кинотеатре. *Фильм* произвел очень хорошее впечатление (Заменив местоимение с предлогом *от него* существительным *фильм*, мы устраним неясность в высказывании).

П. С. ПУСТОВАЛОВ

СРЕДИ КНИГ

М. Г. Булахов. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

В 1976 году в Минске, в издательстве Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина вышел первый том трехтомного библиографического словаря «Восточнославянские языковеды». Издание словаря должно завершиться к очередному, VIII Международному съезду славистов в Югославии. Книга представляет собой первый опыт справочного словаря

русских, белорусских и украинских языковедов (начиная с XVI века вплоть до нашего

времени), занимавшихся проблемами практического и теоретического языкознания. Подобного рода книги о славистах выпущены уже в Чехословакии и Польше.

В Предисловии автор словаря доктор филологических наук М. Г. Булахов отмечает: «История восточнославянского языкознания насчитывает уже несколько веков, и на каждом этапе его развития в большей или меньшей мере разрабатывались как общие, так и частные вопросы лингвистической теории. Это обязывает нас внимательно изучать языковедческое наследство, брать из него все ценное и намечать пути дальнейшего развития научной мысли о языке. Не случайно в последнее время во многих университетах и педагогических институтах нашей страны стали вводиться в учебные планы специальные курсы по истории славистики и других лингвистических дисциплин. К сожалению, у нас еще нет сводных обобщающих трудов, которые бы детально раскрывали научно-педагогическую деятельность отечественных языковедов донационального периода и нового времени. Из-за недостаточного внимания к лингвистическому наследству многие ценные идеи и начинания, связанные с именами языковедов прошлых столетий, оказались забытыми, и мы нередко вновь принимаемся за разработку то-

го, что уже было сделано нашими предшественниками» (с. 3).

Для создания настоящего библиографического словаря автор проделал большую кропотливую работу по извлечению библиографических данных из языковедческих трудов. При подготовке издания были использованы историографические, библиографические и филологические обзоры, монографические исследования по истории языкознания, работы по истории научных учреждений и учебных заведений, биографические словари писателей, ученых и общественных деятелей, энциклопедические словари дореволюционного и советского периодов, отчеты о присуждаемых премиях, юбилейные записки и воспоминания, автобиографические материалы, сообщения о научных командировках и экспедициях, отчеты членов научных обществ, альбомы портретов и иллюстраций, издания серии «Жизнь замечательных людей», художественные произведения о писателях и ученых, архивные документы, филологическая переписка, периодическая печать XIX — начала XX века.

В первом томе помещена 131 статья, во втором и третьем должно быть примерно по 80—85. В последнем томе автор намерен внести дополнения — статьи о пропущенных персоналиях в предыдущих томах.

Таким образом, в словаре будет около трехсот очерков. Первый том охватывает все буквы — от А до Я (XVI — начало XX века, то есть досоветский период в истории языкознания). В редких случаях в книгу включены статьи об ученых, которые скончались после 1917 года. Второй и третий тома будут иметь самостоятельное расположение материала на буквы А — Я. Словарь содержит в основном статьи о языковедах-славистах, деятельность которых протекала и была связана с научными и учебными заведениями России, Белоруссии и Украины.

Не только ученые-лингвисты более 300 лет трудились над изучением восточнославянских, и в особенности русского, языков. Важна роль в этом творческом процессе писателей, историков, археологов, палеографов, литературоведов, критиков, оставивших специальные работы о языке. И с каждым из них знакомит нас автор настоящего издания.

Каждая словарная статья представляет собой очерк жизни и деятельности ученого, включает биографические данные, перечень основных трудов с указанием даты написания или опубликования их, характеристику, критический разбор наиболее важных трудов. Автор сообщает новые факты и высказывает оригинальные мысли о значении лингвистической деятельности

ученых, стремится показать положительное значение трудов ученых в истории лингвистики, дает критические оценки ошибок и недостатков в работах, вскрывает противоречия в развитии научной мысли (например статьи о К. С. Аксакове, П. А. Алексееве, И. М. Белоруссове, А. С. Будиловиче, П. В. Владимирове, Н. В. Горяеве, С. П. Микуцком, И. И. Носовиче, Г. П. Павском, С. Полоцком, В. Я. Стоюнине, А. П. Сумарокове, Ф. С. Шимкевиче, В. Н. Татищеве, Н. Г. Чернышевском, А. С. Шишкове, Т. Д. Флоринском и др.).

Показав огромный размах исследовательской работы крупнейших ученых и международное значение успехов, достигнутых исследователями, работавшими в научных учреждениях и учебных заведениях России, Белоруссии и Украины, М. Г. Булахов старается подчеркнуть приоритет отечественного языкознания в разработке принципиальных вопросов теории языка.

В каждой статье дана обширная библиография. Это список опубликованных работ об ученом, имеющий несомненную ценность для всех, кто пожелает расширить свои знания о том или ином деятеле лингвистической науки. Следует отметить, что издательство и автор позаботились и об оформлении словаря: даны снимки факсимиле титуль-

ных листов книг, портреты ученых, причем многие из них воспроизведены впервые после давней публикации. Это портреты К. С. Аксакова, И. М. Белорусова, О. М. Бодянского, А. С. Будиловича, В. И. Григоровича, Я. К. Грота, М. Т. Каченовского, Ф. Е. Корша, П. А. Лавровского, В. И. Ламанского, К. П. Михальчука (впервые с копии, находящейся во Львовском университете), Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Г. П. Павского, И. И. Первольфа, С. Полоцкого, А. А. Потебни, В. Я. Стоюнина, А. П. Сумарокова и др.

Книга читается с увлечением. Факты жизни и важнейшие моменты в деятельности ученых излагаются в ясной, доступной для широкого читателя форме. Словарь будет полезен и для специалистов-языковедов, заинтересует и любителей языка. Это не только справочник отраслевого характера, но также пособие для вузовских курсов по истории славистики в СССР, чему немало способствует стиль книги — сочетание популярного и научного.

Хочется поблагодарить М. Г. Булахова за нужную и интересную книгу и посотовать на то, что тираж ее очень мал — всего 4500 экземпляров.

С. Е. МОРОЗОВА

**С. А. Высоцкий.
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
НАДПИСИ
СОФИИ КИЕВСКОЙ**

В последние годы наука об истории русского языка обогатилась рядом новых письменных памятников (берестяные грамоты, средневековые надписи на стенах архитектурных сооружений и т. д.). Важное место среди них занимают неофициальные надписи, обнаруженные на стенах древнейшего архитектурного памятника — Софийского собора в Киеве, построенного в 1037 году. Подобные надписи получили в науке название граффити от итальянского слова *graffiti* 'выцарапывать'. Итогом пятнадцатилетнего изучения граффити собора является монография С. А. Высоцкого «Средневековые надписи Со-

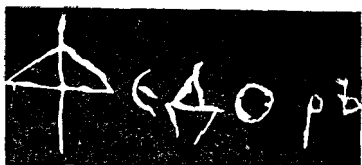

Надпись на хорах

фии Киевской» (Киев, 1976). Этой же проблематике посвящена вышедшая ранее его книга «Древнерусские надписи Софии Киевской» (Киев, 1966). Всего автором обнаружено, расшифровано и опубликовано 292 надписи, относящиеся к XI — XVII векам.

Хотя по церковному уставу делать надписи на стенах храмов строго запрещалось, представители различных социальных сословий (попы, отроки, дьяки, купцы, монахи) оставили в интерьерах Софии Киевской свои автографы. В числе авторов есть женщины — Олисава, Огафья. Среди мужских имен — мирские славянские имена: Владимир, Святослав, Святополк, Олег, Пищан, Путько, Жизнобуд и другие.

Каждая надпись — голос живой жизни минувших веков: «Ох, мне, грешнику...»; «От совершения беды. Ох мне, к причастию приближаюсь», «Пищан писал, к дьякам ходил выучеником»; «господи, не побойся смерти [...] душа моя, [ожидаю] дня судного, душа моя стонет».

Прорись надписи на хорах

Со стен собора воскресают история Киевской Руси, ее люди, их идеология, чаяния и мольбы. Надписи пестры по объему, разнообразны по тематике. Выделяются несколько групп граффити: поминальные надписи (Месяца октября в 5-й день скончалась раба божая Марфа); благожелательные (Господи, помоги рабу своему Константину грешному, избавь от всякой беды); автографические (Иван писал хоуды; Михаль оубогий, а грехом богатый); надписи, относящиеся к фрескам (Святой Фенон, помилуй раба своего Григория — вора), и другие.

Опубликованные в книге так называемые памятные граффити имеют большое значение как исторический источник. В ряде случаев надписи содержат прямые аналогии в русских летописях, они, как отмечает автор, «повторяют, уточняют или дополняют летописный текст». Сравним, например, надписи в соборе с летописным текстом аналогичного содержания:

[В лето 6633 (1125 г.)] «Месяца мая в 19 [день преставися благоверный князь] Володими[r Мономах]».

[В лето 6601 (1093 г.)] «приде князь Святополк...»

Некоторые надписи помогают уточнить дату того или иного исторического события. Так, исключительное значение для истории имеет надпись о смерти Ярослава Мудрого. Дата его смерти (20 февраля 1054 года) долгое время считалась сомнительной в связи с тем, что в различных списках Ипатьевской летописи об этом факте сообщалось по-разному. Обнаруженное на стене Киевской Софии граффити «В лето 6562 (1054) месяца февраля в 20-е успение царя нашего...» позволило окончательно решить вопрос.

Некоторые граффити сохранились не полностью и, где возможно, исследователь реконструирует надписи, сопоставляя их с упоминанием о данном событии в летописных текстах. Так, восстанавливается граффити о смерти Владимира Мономаха.

Небольшой объем надписи и отсутствие контекста приводит иногда к некоторой произвольности в толковании отдельных граффити, в частности, когда возможен не один, а не-

В лето 6633... Преставися благоверный и благородный князь, христоролюбивый князь всея Руси Володмир Мономахъ... (Патриаршая или Никоновская летопись);

[В то же лето 6601] «и минушу велику дни, ... приде Святополкъ Кыеву» (Повесть временных лет).

сколько вариантов прочтения. Например, надпись «Иван писал хоудый» автор переводит как «Иван писал ничтожный».

Слово *худый*, как известно, помимо «уничжительного» значения имело ряд других: 'бедный', 'незнатный', 'простой' и т. д. (Материалы для Словаря Древнерусского языка И. И. Срезневского, т. III). Минимальный контекст граффити не позволяет в данном случае дать категорически однозначный перевод, а допускает, по-видимому, несколько толкований.

Книга С. А. Высоцкого представляет большую ценность для палеографии, истории языка, ценность тем большую, что ряд надписей датированы. В числе обнаруженных граффити открыты наиболее ранние датированные древнерусские письменные памятники 1052 и 1054 годов, более древние, чем известная надпись на Тмутараканском камне 1068 года. Время появления надписей, не имеющих прямой даты, определяется по косвенным признакам — особенностям палеогра-

Запись Лазоря убогого, выцарапанная на крещатом столбе

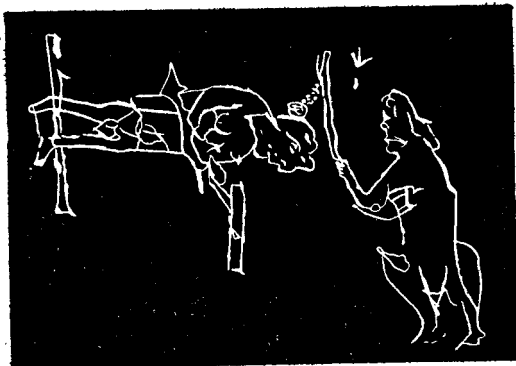
фии, историческим, языковым данным.

Несомненной заслугой автора является детальное, скрупулезное рассмотрение графики софийских надписей в ее развитии на протяжении XI — XVII веков. Сравнивая начертания открытых граффити, написанных в основном кириллицей, с графикой памятников книжной письменности того же периода, автор приходит к выводу об их общности; отмечает лишь большую устойчивость, большую традиционность в написаниях софийских граффити (последнее свойственно и новгородским берестяным грамотам).

Некоторые особенности графики надписей объясняются необычностью материала, на

котором они писались, и орудий письма. Граффити выцарапывались каким-либо острым предметом (иглой, ножом, писалом — металлическим стержнем с заостренным концом) на твердой фресковой штукатурке. Интересную находку представляет собой необычная азбука, состоящая из 23 греческих уставных и четырех славянских букв, обнаруженная С. А. Высоцким в Софийском соборе. Автор полагает, что ее можно датировать временем не позже IX века. В толковании ее еще много неясного, но несомненно одно — азбука представляет большой интерес для решения вопросов, связанных с происхождением славянской письменности. Как и договоры Руси с греками, она

*«Наказание
провинившегося»,
прорись*

подтверждает гипотезу о существовании на Руси письма до введения христианства при князе Владимире.

Ценные сведения дают софийские граффити для изучения архитектуры и внутреннего убранства собора: граффити помогают уточнить дату сооружения собора, время выполнения фресок внутри здания, проливают свет на вопросы, связанные с авторством создателей собора. Как справедливо отмечает автор, один

из важнейших аспектов изучения граффити — лингвистический — еще ожидает своих исследователей.

Многолетний труд С. А. Высоцкого вносит значительный вклад в изучение культуры Киевской Руси и представляет несомненный интерес как для специалистов: лингвистов, историков, искусствоведов, — так и для всех, интересующихся историей русской культуры.

В. Ф. ХАРПАЛЕВА

Нам следует стремиться к тому, чтобы наши студенты сами умели формулировать свои мысли, чтобы они оперировали самостоятельно своим умственным багажом, а не цитировали только по книжкам и ни в коем случае не были, как выражался Плеханов, «опрокинутыми библиотеками».

Опыт меня научил тому, что у заурядных студентов формулировки обычно более книжные, чем у более даровитых студентов. И я считаю, что это вполне естественно, потому что последние стремятся понять и творить. Одно то, что они творят, что они стремятся выразить марксистские мысли своим языком, — это большое достоинство, и их надо к этому толкать.

М. И. Калинин. О преподавании основ марксизма-ленинизма в вузах

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯМ

В 1976 году в «Русскую речь» поступило большое количество писем, в которых содержатся слова признательности в адрес журнала, советы, пожелания и замечания, вызванные заботой читателей о его содержании. Приводим некоторые из них.

Я, подписчик Вашего журнала с момента его основания, считаю, что подписка на него должна осуществляться каждым учреждением в каждом районе нашей страны, каждой школой, вузом. Но, все же в целях некоторой рекламы советую Вам ввести страничку юмора, страничку истории (описание какого-то исторического события языком того времени, с переводом на современный) и т. п., ибо журнал, хотя и называется научно-популярным, производит впечатление скорее научного. По-моему, в данном случае не страшно упрощение, так как предназначен он для широкого читателя. Он должен войти в каждый дом, как «Наука и жизнь», «Здоровье» и т. п. И только тогда можно надеяться на общий рост языковой культуры. Мне кажется также, что в журнале должен найти отражение и язык современного писателя-прозаика (и молодого тоже — не только Шолохова и Леонова!). Полезно помещение фотографий, краткая биографическая справка.

*Кандидат медицинских наук, лектор общества «Знание»
Г. Ф. Добровольский
Москва*

Я учительница. Уже пять лет получаю Ваш журнал, в нем очень много интересного и нужного для моей работы.

С большим уважением к Вам.

В. И. Ананич
Узбекская ССР

Читая «Русскую речь», я еще больше люблю мою, вернее нашу, Россию, нашу родину. Под впечатлением прочитанного у меня воскресли в памяти прекрасные дни моего детства, которые проходили среди леса, полей, в маленькой деревеньке на севере.

В. К. Чистякова
Электросталь, Московская область

Я читаю Ваш журнал со дня его основания. Он для меня — школа. Хотя у меня высшее филологическое образование, учусь у «Русской речи» постоянно.

Зам. главного редактора газеты «Путь к коммунизму»

Н. П. Акулиничев
Плавск, Тульская область

Внимательно читаю Ваш журнал, конечно же, выпишу его и на следующий год. Хочется высказать пожелание «Русской речи» ввести звуковое приложение для статей «Русское литературное произношение», которое значительно повысит их полезность для нас, читателей.

О. А. Петухов
Орехово-Зуево, Московская область

Подобные письма, несомненно, приносят большую пользу журналу. Редакция учтет пожелания читателей. Кстати, в этом году «Русская речь» предполагает опубликовать статьи, посвященные творчеству таких современных советских писателей, как Василий Белов, Сергей Никитин и других. Предложение о введении на страницах журнала звукового приложения, конечно, заманчиво. Но наш журнал, являясь научно-популярным, не ставит перед собой собственно научно-методические задачи. Постоянное звуковое приложение к материалам по русскому литературному произношению можно найти в журнале «Русский язык за рубежом». С приложением гибких пластинок выпущена часть тиража книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (М., 1972).

ЧИТАТЕЛИ ДОПОЛНЯЮТ... ПРЕДЛАГАЮТ... РАССКАЗЫВАЮТ...

В редакционной почте немало откликов на уже опубликованные материалы. Читателей взволновали статьи, посвященные 30-летию Победы над фашизмом. Письма прислали ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники фашистских концлагерей, молодые воины Советской Армии, пионеры — участники похода «По местам боевой и трудовой славы».

Как всегда, с большим интересом встречены публикации, связанные с историей слов и выражений. Делясь своими впечатлениями, читатели приводят новые сведения, дополнительные примеры, а порой и предлагают свои этимологии.

Во многих письмах содержатся интересные предложения, наблюдения над разговорной речью.

В настоящий традиционный обзор почты «Русской речи» включена наиболее интересная часть читательской корреспонденции.

Дорогая редакция! В № 4 «Русской речи» за 1975 год я прочла статью Н. Г. Михайловской о поэзии, созданной в плену, в фашистских концлагерях. Меня эта статья и заинтересовала, и взволновала.

Стихи неизвестного поэта из Заксенхаузена, стихи поэта-узника Н. Фомичева глубоко тронули, задели за живое. Я не знала, что этой поэзией интересуются наши литературоведы.

Я — бывшая узница концлагеря, угнанная фашистами в Германию в 1942 году. Многие трагические, кошмарные минуты, проведенные в лагерях, вспомнились мне. Мы тоже сочиняли стихи, песни. Я решила послать Вам некоторые из них. Представляют ли они интерес — не знаю. Да и не с этой целью пишу. Но они тоже помогут раскрыть некоторые стороны жизни русских людей в фашистских лагерях. В них тоже тоска по Родине, боль души. Вот отрывок из популярной лагерной песни в городах Бремене и Зорау. Автор неизвестен.

Вспомни бункер весь залитый кровью,
Вспомни стаю диких вахманов.
И когда домой ты возвратишься,
Вспомни все и всем ты Расскажи.

Бункер — это карцер, комната, где нас били, истязали. *Вакман* — полицейский в концлагерях.

Отрывок из моих стихов:

Случается, часто мне снится
То, полное счастья, житье,
И станет ограднее биться
Изнывшее сердце мое.

Вдруг гул, раздирающий ухо,
И мигом исчезла мечта.
И снова станки, и так сухо
«Arbeiten!» — кричат мастера.

Было много песен, стихов, пародий. Но не сохранилось в памяти.

Н. Н. Мицкевич
Ворошиловград

ТАРАН

Один из материалов «Почты» («Русская речь», 1975, № 3) посвящен военному термину *таран*: Первые тараны в небе, как известно, русские летчики совершили еще в войну 1914 года, и тогда же этот вид сражения был назван «оружием русских». Этим подчеркивалась одна из черт характера русского человека: его беззаветная храбрость, стремление к самопожертвованию во имя Родины. Автор заметки в «Русской речи» И. Г. Деркаченко привел многочисленные случаи применения тарана во второй мировой войне различными видами боевой техники.

А. Н. Толстой писал: «... в истории авиации таран совсем новый и никем никогда, ни в одной стране никакими летчиками, кроме русских, не испробованный прием боя... Таран — это русская форма боя» («Красная звезда», 16 августа 1941). Фашистские летчики во второй мировой войне ни разу не применили таран.

Чтобы картина была более полной, необходимо особо выделить разновидность этого специфического оружия — *огненный таран*. Словосочетание это следует отнести к разряду составных терминов.

По поводу огненного тарана генерал-майор авиации Б. Васильев писал в «Правде» (15 августа 1974): «... слившись воедино с горячей машиной, (авиаторы.— А. Ш.) нанесли последний удар по врагу, превратив смертельно раненный самолет в разящее оружие». Сейчас известно 327 огненных таранов, совершенных советскими летчиками за годы войны.

Нам дорого и свято все, что связано с подвигом советских людей в Великой Отечественной войне, и наш долг — сохранить как память о них название их необычного и исключительно мужественного оружия — *огненный таран*.

*А. Н. Шустов
Ленинград*

Статья Г. М. Левиной «Кукушка, какушка, загоска» («Русская речь», 1975, № 6) сама по себе полезна. Но жаль, что автору, видимо, осталась неизвестной чрезвычайно интересная книга болгарского этнографа Петра Петрова: «Этнографски елементи на славяно-балто-германска общност» (София, 1966). В этой книге рассматривается на очень широком фактическом материале как раз вопрос о разнообразии наименований кукушки у разных народов, и главное — о разнообразии связанных с ней народных поверий.

Петров исходит из того поразительного факта, что с кукушкой связаны диаметрально противоположные по смыслу народные поверья. Согласно одним, кукушка — вестница долголетия, любви, свадьбы и т. п., согласно другим, напротив, «кукушка вещает смерть». Автор объясняет это противоречие тем, что поверья относятся к двум разным видам кукушки, из которых один — обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*) — был известен издавна, а другой — «глухая» кукушка (*Cuculus saturatus*) — открыт и изучен орнитологами только в последнее время. Именно к «глухой» кукушке относятся «дурные» поверья. Они отмечены только у трех групп индоевропейских народов — у славян, балтов и германцев; тогда как «хорошие» поверья относятся к «обыкновенной» кукушке, и они известны всем индоевропейским народам.

Поэтому и народные названия кукушки восходят к двум разным корням (один — звукоподражательный).

*С. А. Токарев
Москва*

ЕЩЕ РАЗ О ПОЭТИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЯХ

В первом номере «Русской речи» за 1976 год помещена заметка М. Лейканда «Всякое ли новое слово лучше старого?» — отклик на статью М. А. Бакиной «Новообразования в современной поэзии» («Русская речь», 1975, № 2). М. Лейканд обвиняет поэтов в том, что своими новообразованиями они «резко ухудшают русский литературный язык», засоряют его. На наш взгляд, эта заметка нуждается если не в детальном разборе, то, во всяком случае, в опровержении ее основного тезиса, в разъяснении его несостоятельности.

Прежде всего — что такое новообразования в поэтическом тексте? Это одно из средств создания художественного образа, своего рода художественный прием. Не стоит возводить всякий поэтический окказионализм в ранг литературного неологизма и говорить об угрозе чистоте языка. Не следует забывать и о специфике поэтической речи, о том, что слово в художественном тексте несет дополнительную, эстетическую нагрузку. Поэт ищет свежие и эмоционально емкие слова и выражения, стремясь вызвать у читателя определенные ассоциации, приобщить его к своему видению предмета. Как нельзя лучше отвечает этому стремлению обращение к наречной форме. Наречие легко и ярко замещает целый громоздкий сопоставительный оборот. Надо заметить, что многочисленные наречные новообразования, как и большинство прочих поэтических новообразований, возникают чаще всего не вопреки, а в соответствии с уже существующими в языке моделями или с тенденциями языкового развития.

Ученые-лингвисты давно отметили, например, тенденцию к постепенному «окачеству» относительных прилагательных, проявляющуюся и во все более широком образовании от них наречий на *-о*. Так, академик В. В. Виноградов писал: «В современном русском языке этот процесс протекает очень интенсивно. Например, получают широкое распространение наречия от относительных прилагательных на *-овый, -евый...*» («Русский язык», 1947).

Неудивительно, что и у современных поэтов можно найти немало таких наречий. Но поэты идут еще дальше в этом направлении. И вот у Андрея Вознесенского мы встречаем окказиональное наречное образование *дамоклово*. По этому поводу М. Лейканд пишет: «Я, например, не понимаю, что значит *дамоклово*. Есть много выражений, подобных выражению *дамоклов меч*, и все они — идиомы: *авгиевы конюшни, ахиллесова пята, зевсов гнев, нове ковчег*. Их буквальное значение давно забыто. Можно ли образовать от них наречия *авгиево, зевсово, ахиллесово, новево*? Конечно, нельзя».

Приходится возразить М. Лейканду: образование подобных окказиональных наречий от притяжательных прилагательных оказывается возможным, именно потому и только потому, что они связаны в нашем сознании не с отдельными притяжательными прилагательными, а с целыми идиоматическими выражениями, с их значениями (может быть, и не «буквальными» значениями, но достаточно определенными и общеизвестными). «Дамоклово, умолимо...» — говорит поэт, и мы погружаемся в мир тревожных, таинственных и зловещих ассоциаций, вызываемых всплывающим в нашей памяти выражением *дамоклов меч*. Разве не выигрывает поэтический образ от неизбежной ассоциации с данной идиомой?

Образный язык поэзии специфичен, он всегда отличается от

нейтрального общелитературного языка; ничуть не «засоряя» и не «загрязняя» его, он помогает более живому, неожиданному восприятию казалось бы сто раз виденного. Организации поэтического образа подчинены и окказиональные новообразования. Они призваны не «улучшать» или «ухудшать» русский литературный язык, а лишь в той или иной мере способствовать воплощению художественного образа.

Н. П. Зверковская

ПОЧЕМУ БЫ НЕ ДЕЛАТЬ ТАК?

Сколько рук было у Кити Левиной? Странный вопрос, не правда ли? Однако прочтите:

«Он взял ее руку и потянул ее к своим губам, но, как бы боясь, что это ей неприятно будет, раздумал, выпустил и только погладил ее. Кити взяла эту руку обеими руками и пожалала ее» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). Выходит, что Кити взяла двумя руками третью свою руку.

Влияют ли такие описки на качество гениальных произведений Л. Н. Толстого? Думаю, ни один человек не ответит на такой вопрос утвердительно.

В книге К. Паустовского «Повесть о лесах» читаем: «В воде канавы острым огнем загорелся Юпитер... Он посылал свой огонь к Земле через сотни световых лет». А ведь Юпитер находится в нашей солнечной системе. Свет к нам от него идет немногим более получаса. Паустовскому редактор не помог избежать ошибки. А теперь исправлять? Считаю недопустимым.

В романе А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» встречаем такую фразу: «...у воды сидел Роллинг и, пригорюнясь, глядел на океан, откуда сто миллионов лет тому назад вышел его предок в виде человекообразной ящерицы». Никогда таких ящериц не существовало. Явная описка. Но у кого сейчас поднимется рука править А. Н. Толстого?

Подобных примеров можно набрать множество. Ну, здравствующим авторам может помочь внимательный редактор. А как быть с ушедшими, а в особенности — с классиками? Между тем, есть очень простой выход. И он уже давно применяется. Но почему-то только при редактировании мемуаров. Если автор воспоминаний в чем-то ошибся, что-то напутал — об этом сообщается в сноске. Так почему бы не делать того же и с другими книгами? Скажем, так: «Описка Л. Н. Толстого: Кити пожалала руку Николая Левина»; «Паустовский ошибся: свет от Юпитера до Земли идет всего полчаса» и т. п.

А. Р. Палей
Москва

НИ КОЛА НИ ДВОРА

Дорогая «Русская речь»! Посылаю свои соображения по поводу статьи «Ни кола ни двора», опубликованной во втором номере журнала за 1976 год.

«Ни кола ни двора», «ни скотины ни животины», «ни постелить ни одеться», «ни сохи ни бороны», «ни кошки ни ярмошки», «ни чашки ни ложки», «ни бя ни мя ни кукареку», «из рогатого скота вилы да грабли» — все эти поговорки обозначают бедность, характеризую ее с разных сторон. Высшую же степень бедности, нищентство, обозначали сложенные вместе две поговорки: «ни кола ни двора, ни рода ни племени».

Можно назвать еще целый ряд поговорок, относящихся к этой теме, но самой старшей во всем этом ряду, на наш взгляд, следует признать «ни кола ни двора». Другие поговорки созданы позже, строятся по образцу своей «прародительницы» и характеризуют бедность человека с разных сторон. Поговорка «ни бя ни мя ни кукареку» значила, что у человека нет ни овец, ни крупного рогатого скота, ни птицы, заменителями (символами) которых в поговорке являются голоса этих животных: *бя* — овца, *мя* (*му*) — рогатый скот, *кукареку* — птица. (Теперь же эту поговорку часто понимают и употребляют в смысле «ничего не понимающий человек».)

Слова *кол* и *двор*, как свидетельствуют все наши ученые, являются общеславянскими, с этими словами имеются поговорки с одинаковым значением во всех восточнославянских языках. И неудивительно. В поговорке «ни кола ни двора» отражена одна из главных сторон человеческой деятельности в процессе возникновения частной собственности на землю, в процессе создания «дома», «домашнего очага».

Кол даже в деятельности современного человека выполняет ту же функцию, которая за ним закреплена в поговорке «ни кола ни двора». И в наши дни человек ставит кол при разбивке, планировке земельного участка. Во всех подобных случаях *кол* является все тем же символом, обозначающим «занято». Кол служит основной частью древнейших видов заборов (оград) — плетня, прясел, чигени. Двором называют огороженный участок земли, где потом будет построен дом или уже построен. Поэтому, на наш взгляд, поговорка «ни кола ни двора» значила «не хозяин», «не владелец», «ничего не имеет собственного». Теперь уж мы эту поговорку понимаем как «ничего», «пусто», а степень достатка современного человека обозначают другие пословицы и поговорки.

А. П. Переседов
Урюпинск,
Волгоградская обл.

ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ, НЕ ГОВОРИ, ЧТО НЕ ДЮЖ

Сейчас, в связи с быстро растущей автомобилизацией страны, большинство уже не знает, что *гужи* — это две петли (прикрепленные к клещам хомута), сделанные из прочного сыромятного ремня, которые надевают на концы дуги, после чего их с огромным усилием затягивают при помощи длинного скрученного ремня — *супони*, стягивающей концы клещей хомута.

Каково первичное значение «взялся за гуж»? В пословице выражение обозначает «взялся за тяжелое, трудное дело». Но в действительности братья за один «гуж» не имеет никакого смысла и никто никогда за него не берется. Во всяком случае, для того, чтобы «взяться за гуж», тем более за один, не требуется не только тяжелого труда, подразумевающегося в пословице, но и вообще какого бы то ни было. Это все равно, что взяться за любой другой предмет. Братья же за «гуж», чтобы тянуть телегу вместе с лошадей, никак нельзя.

Но не могло же в пословицу войти совершенно бессмысленное действие? Каков же первоначальный смысл словосочетания «взялся за гуж»?

Очевидно, во всем этом можно легко разобраться, если обратить внимание на то, что глагол *взялся* здесь использован не в прямом смысле — «за что-то взялся руками», а в переносном — «согласился, начал сам что-то делать». В данном случае — затягивать гужи, запрягая лошадь в повозку. Вот действительно тяжелое дело, требующее большой силы и сноровки. Для этого нужно упереться носком левой ноги в нижний конец клещей хомута (надетого на шею лошади), предварительно намотав на них один-два оборота супони. Затем конец супони следует намотать на обе кисти рук и с силой тянуть на себя, одновременно отталкивая ногой весь хомут, пока его клещи, стягиваемые супонью, не натянут гужи. Последние согнут упруго дугу, которая, в свою очередь, оттянет оглобли, удерживаемые тяжами, идущими от концов передней оси телеги, к их передней части. Когда гужи окажутся достаточно натянутыми, нужно изловчиться и быстро захлестнуть конец супони вокруг стянутых концов клещей, пока они не успели снова разойтись.

Это дело под силу только взрослому, и когда только подросток сынишка просит у отца разрешения засупонить хомут (то есть затянуть гужи) и не справляется, отец, улыбаясь, говорит: «Взялся за гуж, так не говори, что не дюж!» — и сам кончает запрягать лошадь.

А. А. Ярославцев
Ярославль

О НОВОМ ТЕРМИНЕ *ЭТОЛОГИЯ*

За последние сорок лет сформировалось более пятидесяти разделов биологии. Среди них ведущее место принадлежит этологии.

Термин *этология* происходит от греческого слова *ethos* «нрав, характер, поведение». Предложил его английский философ Дж. С. Милль в 1843 году для описания некоторых взаимоотношений в человеческом коллективе. Однако в XIX веке термин не получил применения. В 40-х годах нашего столетия этологией стали называть науку о поведении животных. В прошлом ее именовали зоопсихологией, психологией животных, рефлексологией. По предложению ученых Конрада Лоренца (ФРГ) и Нико Тинбергена (Англия) это название вошло в научный обиход и в номенклатуру наук.

Большое внимание изучению поведения животных уделил Чарлз Дарвин. Им всесторонне было рассмотрено возникновение, формирование и эволюционное развитие поведения. В начале нашего века мощный толчок развитию этологии дали исследования академика И. П. Павлова. Его доклад на международном конгрессе по медицине «Экспериментальная психология и психопатология на животных» (Мадрид, 1903) способствовал появлению лабораторий по изучению поведения животных и человека. И. П. Павлов, его ученики и последователи доказали, что целенаправленным воздействием на животных можно создать у них управляемое поведение. Эти положения были основой исследований известного советского ученого Е. П. Кнорре, создавшего первую в мире ферму одомашненных лосей.

В нашей стране термин *этология* получил известность после Первого Всесоюзного совещания по экологическим и эволюционным аспектам поведения, которое проводилось АН СССР и МГУ в феврале 1972 года. На Международном конгрессе по млекопитающим (Москва, 6–12 июня 1974 года) самое большое количество сообщений было заслушано на секции этологии.

В настоящее время термин используется в специальной литературе, представлен в «Детской энциклопедии» (Изд. 3-е, т. 4, М., 1973), встречается на страницах журналов и газет: «... стойловое содержание, если при его организации не учитывать данных, добытых *этологами*, может иногда вызвать психологические конфликты в стаде. Но отсюда возникает и необходимость развивать и прикладные исследования — *этологию* сельскохозяйственных животных» («Правда», 14 июня 1974).

Н. М. Носков

НАБЛЮДЕНИЯ НАД РАЗГОВОРНОЙ РЕЧЬЮ

А. Г. Руднова (Ленинград) пишет: «Я слишком часто сталкиваюсь с тем, что люди путают два абсолютно разных слова: *целлофановый* и *полиэтиленовый*. Все чаще и чаще, имея в виду полиэтиленовые пакеты, пленку и т. д., говорят *целлофановые*. А ведь разница-то есть, и большая. *Целлофан* — это блестящая, гибкая прозрачная пленка из вискозы. *Полиэтилен* — пленка из определенных марок полимеров. В настоящее время большим спросом пользуются именно полиэтиленовые, но никак не целлофановые мешки, салфетки, пленки и т. п.»

Чрезмерным, а иногда и неправильным использованием в речи некоторых слов обеспокоен Б. Е. Горбовицкий (Москва): «В последнее время стало универсальным слово *нормально*: — Как дела на работе? — Нормально. — Как план выполняется? — Нормально».

На подобное явление обращает внимание и москвич А. А. Аникин: «Если задать вопрос, какие слова в нашей обыденной речи употребляются наиболее часто, то ими окажутся: *нормально, точно, порядок*... Распространение этого *нормально* в разговорной речи просто чудовищно... Что касается слова *точно*, то и ему очень повезло. Стоит вам сказать фразу, с которой ваш собеседник согласен, как немедленно последует *точно*. Если вы что-то сделали, перечислив это в двух, трех пунктах, то вас настигнет третье слово *порядок*».

Читатель А. А. Комиссаров (Ульяновск) пишет, что порой в речи школьников и студентов вместо слов *не говори грубо, не возражай, не кричи, не спорь* и т. п. можно услышать словечко с искаженным значением *не возникай!* Не лучше, когда вместо *да* говорят *ну*, вместо *до свидания!* — *давай!*

Г. И. Соина из Армавира в своем письме делится наблюдениями о нормах устной разговорной речи: «В настоящее время часто можно услышать в аптеке, магазине, столовой: „Дайте, пожалуйста, бинт, *два* анальгина и *два* йода, добавьте еще *один* варенец; сколько я должен заплатить за *две* простокваши и *одно* масло?..“ Появление подобных выражений объясняется прежде всего общей тенденцией разговорной речи к экономии языковых средств, приводящей к замене словосочетаний отдельными словами».

Широк круг читающих «Русскую речь». В редакцию поступают письма со всех концов нашей Родины. Читатели — рабочие, колхозники, интеллигенция, школьники — затрагивают в них вопросы, связанные с культурой речи, историей и современным употреблением отдельных слов и выражений, их значением, делятся наблюдениями и мыслями о судьбе русского языка, вносят различные предложения.

С. Д. Когрыбут (Сумская обл.), И. С. Дудоренко (Днепропетровская обл.) и другие спрашивают о происхождении названий рек, городов и т. п. Материалы об истории и происхождении географических названий публикуются в журнале систематически под рубрикой «По карте Родины». Статьи на данную тему будут печататься и в дальнейшем. Всем, кто интересуется историей географических названий, рекомендуем пользоваться «Кратким топонимическим словарем» В. А. Никонова (М., «Мысль», 1966).

А. А. Чернявская (Москва) пишет: «Придя в школу на собрание, увидела лозунг: „Партия, тебе наши *знанья*, труд и поиск!“ Я сделала замечание. Но мне ответили, что теперь можно писать *знанья* и *знания*». Такой же вопрос волнует В. И. Орехова (Хабаровск): *образование, обучение* или *образование, обучение*? В большинстве случаев употребление *-ние* или *-нье* не разграничивается какими-либо четко установленными правилами. С *-ние* обычно пишутся слова, которые носят книжный характер (*образование, воспитание, знание* и т. п.). Написание на *-нье* является менее употребительным (Подробно об этом рассказывается в статье Л. К. Чельцовой «Образование или образование?» — «Русская речь», 1976, № 2).

Читатели Е. А. Кудрявцева (Кострома), Д. Я. Винаров (Киев), Ф. П. Вострикова (Челябинск), Т. П. Катникова (Чимкент) и другие спрашивают, как склонять фамилии Сиверс, Акулёнок, Михайленко, Белоконь, Доля, Седых, Заяц, Титарь, Горица. Материалы, посвященные склонению фамилий различного типа, были опубликованы в «Русской речи» (№ 4, 1967; № 3, 1968; № 3, 1974; № 1, 1975). Подробные сведения о склонении фамилий можно получить также из недавно выпущенной издательством «Наука» книги «Ономастика и норма» (М., 1976).

Своими мыслями об использовании в печати редких пословиц *Надул в уши баклуши да и был таков*, *Нужда научит калачи есть* поделился с нами постоянный читатель журнала А. Г. Кац (Саратов). Москвич И. Г. Филатов

обращает внимание на такое образование терминов: «Недавно синтезированному советскими физиками трансурановому элементу было присвоено название „Нильсборий“». В этом редком научном термине оказались, таким образом, имя и фамилия знаменитого датского ученого Нильса Бора, что случается не так уж часто». Наблюдения над языком рекламных объявлений прислали Э. Д. Головина из Днепрпетровска, Б. Т. Куликов из Тольятти. Письмо, посвященное профессиональным образным выражениям тренеров, пришло от М. В. Кричфалушия (Архангельск). Любостью к русскому слову пронизаны полученные редакцией стихи В. К. Чистяковой (Электросталь, Московская область), В. П. Смирнова (Москва), С. А. Оленичева (Смоленск).

Многих читателей интересуют значение, написание и произношение новых слов, еще не вошедших в словари. Так, например, В. А. Маркин (Ростов-на-Дону) пишет: «В последнее время можно встретить в газетах и журналах, услышать по радио и телевидению слово *каскадёр*. Что оно означает, как правильно его произносить?». С подобными вопросами обращаются А. К. Воеводин (Курск), П. Х. Веденеев (Чернигов), Л. Г. Ивлиева (Москва) и другие.

Об истории и современном употреблении слова *бенефис*, «которое в последнее время можно часто услышать по радио и телевидению», просит рассказать В. Л. Вартанян (Ереван). Значением старинного русского слова *целовальник* интересуется Ф. А. Марголис (Москва).

На эти и другие вопросы «Почта „Русской речи“» постарается ответить на страницах журнала в текущем году.

Благодарим всех читателей за внимание к журналу.

Обзор писем читателей подготовил В. В. Касаркин

● ПЛАНЕТНЫЙ, ПЛАНЕТАРНЫЙ

«В современных текстах встречаются прилагательные *планетный* и *планетарный*. Закономерны ли они по своему образованию и как разграничиваются в употреблении?» — спрашивает нас А. В. Новикова из Москвы.

Планетный — давно существующее относительное прилагательное; *планетарный* — образование сравнительно новое, первое толкование его как слова литературного языка принадлежит «Толко-

вому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. *Планетарный* появилось, несмотря на то, что в языке уже существовало прилагательное, обозначающее признак через отношение к предмету *планета* (*планетный*). Появление нового прилагательного от того же существительного структурно совершенно оправдано и закономерно: с суффиксом *-арн-* образуются прилагательные от заимствованных основ (*планета* от латинского *planeta*).

Оба прилагательных оказались в положении словообразовательных вариантов — однокоренных образований, тождественных по значению. В словарных определениях одно из значений прилагательного *планетарный* соответствует основному значению прилагательного *планетный* (ср.: 'прилагательное к планета' — «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова; 'то же, что планетный' — 17-томный «Словарь современного русского литературного языка»). Эта семантическая тождественность обуславливается структурой самих образований и находит свое отражение лишь в словарях. Между тем в контекстах случаи взаимозаменяемости исключительно редки — например, такие, как: «Сейчас накоплен богатый объем наблюдений *планетных* атмосфер, их можно сравнивать между собой» («Правда», 17 сентября 1974); «Данные о химическом составе атмосфер, свойствах поверхностного слоя и климатических условиях объясняются не только местоположением небесных тел относительно Солнца, но и внутренними *планетарными* процессами, общими для различных планет» («Вечерняя Москва», 24 июля 1972).

Как известно, такие отношения семантической тождественности единиц, употребляющихся в стилистически однородных контекстах, не могут сохраниться в языке. Наблюдения над речевым употреблением показывают, что в настоящее время протекает процесс семантического размежевания названных однокоренных вариантов. С появлением нового образования обнаружились разнообразные возможности выражения тонких смысловых оттенков общего значения. Более позднее образование *планетарный* получает новые оттеночные смысловые функции. Так, в астрономической терминосфере прилагательное *планетарный* используется как определение, служащее детализации, выделению общего значения 'отношение к планете' и используется для квалификации объектов, напоминающих планеты: «*Планетарные* туманности... по внешнему виду напоминают диски планет, откуда и происходит их название» (БСЭ, изд. 3-е).

В общелитературном употреблении *планетарный* получает новое значение с качественным оттенком — 'распространяющийся на весь земной шар, всемирный' (17-томный «Словарь современного русского литературного языка»), ср.: «В нашем столетии ре-

шение ряда проблем не может больше ограничиваться масштабами одной страны, их приходится решать в масштабе всей планеты. К ним относится и проблема взаимоотношений человека с природой. Впервые восприятие *планетарного* характера этих взаимоотношений возникло в связи с появлением атомной бомбы и с угрозой мировой ядерной войны» («Правда», 15 мая 1973).

В границах данного значения в последнее время утверждается в широком употреблении сочетание *планетарный масштаб*. Для языка средств массовой информации сегодняшнего дня именно данное словосочетание оказывается наиболее постоянным и частотным: «Разрушить мощный атмосферный барьер могут разве что интенсивные процессы *планетарного масштаба*» («Правда», 16 июня 1972); «Составление долгосрочных прогнозов погоды, изучение изменений земной поверхности в результате хозяйственной деятельности человека, исследование состояния атмосферы и Мирового океана требуют систематического контроля за природной средой в *планетарных масштабах*» («Правда», 23 декабря 1973).

Итак, прилагательные *планетный* и *планетарный* являются однокоренными образованиями, тождественность и близость значений которых обусловлены их структурой. В процессе жизни в языке совершается их семантическое размежевание. Разница смысловых оттенков раскрывается в их употреблении и сочетании с другими словами.

Г. И. Миськевич

● АРБУЗ ИЛИ ТЫКВА?

Учительница В. Н. Краснова из Вологды пишет: «В произведении Н. В. Гоголя „Мертвые души“ есть одна непонятная метафора: въезжающий в город экипаж помещицы Коробочки похож на толстощекий выпуклый арбуз желтого цвета. Почему арбуз имеет такой цвет? Как это объяснить?»

На что похож экипаж достопочтенной гоголевской Коробочки? Помните, как однажды «...в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, наводивший недоуменно насчет своего названия. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку, а был скорее похож на *толстощекий выпуклый арбуз*, поставленный на колеса. *Щеки этого арбуза*, то есть дверцы, носившие следы *желтой краски*, затворялись очень плохо по причине плохого состояния ручек и замков... Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто по-

душек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями...» (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Весьма странный экипаж Коробочки не похож ни на что: ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку. Он похож на *толстоце-кий выпуклый арбуз желтого цвета*. Что же это за арбуз? У Н. В. Гоголя арбуз и по форме и по цвету соотносится с *гарбуз* (русское соответствие — *тыква*). В этом можно убедиться, раскрыв «Українсько-російський словник» (т. 1, Киев, 1953) или «Русско-украинский словарь» (М., 1948). Начальный звук украинского слова *гáрбуз* [гáрбус] в южно-русских диалектах исчез, и слово *гáрбуз* — *áрбуз* стало по созвучию смешиваться с русским *арбу́з*, которое по-украински переводится словом *кавун*. Так *тыква* превратилась в *арбуз*. Экипаж Коробочки напоминает сплюснутую, с выпуклыми боками желтую или ярко-желтую тыкву, а вовсе не зеленый или полосатый круглый арбуз!

Интересно, что в одном французском переводе (N. Gogol. Les ames mortes. T. 1. Paris, 1859, перевод Эрнеста Шаррьера) обращено внимание на форму и цвет гоголевского «арбуза» — экипажа Коробочки. Поэтому метафора *арбуз — экипаж* переведена как *тыква: une monstrueuse citrouille* (чудовищная тыква), *les bajoues de ce rotigron* (щеки этой тыквы). Так в переводе сохранена реальная предметная соотношенность.

Вот как совершилась метаморфоза — превращение наименования одного предмета в наименование другого: украинское слово *гáрбуз* «тыква» → южно-диалектное *áрбуз* «кавун» → русское *арбу́з* «кавун». Такие смещения имен случаются в истории взаимоотношений разных языков. Тому виною созвучие слов.

Отметим, у слов *арбуз*, *кавун*, *тыква* и *огурец* в их «исторической жизни» есть много точек соприкосновения и пересечения. Имя *арбуз* (*karpuz*) пришло в русский язык из персидского через турецкий, где оно означало «ослиный огурец», то есть «дыню». *Кавун* бытовало в турецком, татарском, казахском языках и имело значения и «арбуз», и «дыня». *Тыква* (древнерусское *тыкы*) ведет начало от греческого наименования *βίβηξ* «огурец» (См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. тт. 1, 2, 4. М., 1964—1973).

А. А. Брагина

О РУССКИХ ФАМИЛИЯХ

Ответы на письма читателей

Опубликованные в нашем журнале (1976, № 1—6) материалы «Из словаря русских фамилий» В. А. Никонова вызвали отклики с разных концов страны. Читатели благодарят автора, вносят дополнения и уточнения, просят рассказать о происхождении некоторых русских фамилий. Объем журнала не позволяет нам поместить ответы на все вопросы. Поэтому напоминаем: наиболее известные фамилии рассмотрены в книге Ю. А. Федосюка «Русские фамилии» (М., 1972); 2300 фамилий на А даны в четырех томах сборника «Этимология» (1970, 1971, 1973 и 1974).

В предлагаемой статье В. А. Никонов рассказывает о фамилиях на те буквы, материал по которым уже опубликован, фамилии на последующие буквы будут даны в предстоящих номерах журнала.

Анцев. В моем «Опыте словаря русских фамилий» основной фамилии признана краткая форма имени Онцифер. Т. А. Абрам (Таллин) видит в основе этой фамилии уменьшительную форму Анце, образованную от древнееврейского женского имени Хана. Но в таком случае следовало бы ожидать появление фамилии Анция. Убедительно объясняет происхождение фамилии от немецкого имени Ханс с отпадением инициального придыхания Т. А. Закачкива (Андижан). Читательница приводит много документальных примеров из десятилет XVII века: в Угличе в 1622 г. были помещики «иноземец немец Анц романов сын», «Анц володимеров сын Фанлюпик» (фон Любек, то есть из города Любек), во Владимире в 1621 г. — помещик Анцы Круз и др. (Центральный государственный архив древних актов). О более раннем употреблении в России этого имени сообщил доктор филологических наук

И. Г. Добродомов. В качестве примера он приводит фразу из документа 1598 года: «голанский немец рудознапец Анц» (сборник «Русское историческое общество», т. 38, Спб.-Юрьев, 1883).

Аулов. Носительница этой фамилии удивлена: по ее мнению *аул* — селение в горном ущелье, а ее родное село Первомайское Липецкой области (раньше Голожохово Рязанской губернии), где в прошлом больше половины дворов были Ауловы, лежит в степи. Тюркское слово *аул* означает «селение», но не обязательно горное. Огромную территорию, на которой находится и село Первомайское, вплоть до конца XVII века называли «дикое поле» (в состав Московского государства эта территория вошла только на исходе XVI века) и неудивительно, что тюркское слово там было хорошо знакомо.

Бубенчиков. Очень интересно сообщение С. З. Миллера (Свердловск): «В Сибири

бытует фамилия Бубенчиков (не Бубенчиков). Она не случайно появилась именно в Сибири и на Урале. Бубенчиков, то есть сын бубенщика — каторжника с бубновым тузом на спине. Оседая после каторги на поселении, бывший каторжанин обзаводился семьей, его прозвище давало потом детям фамилию — бубенчиков сын». Наблюдение очень ценно. Ни в Словаре В. И. Даля, ни в новейшем «Словаре русских народных говоров» нет этого значения слова *бубенщик*. Однако фамилия могла возникнуть от слова *бубенщик* 'делающий бубны' (этого значения в словарях тоже нет) или 'играющий на бубне'. Распространенная фамилия *Бубнов* связана не с карточной мастью, а с музыкальным инструментом — *бубном*.

Важенин. М. С. Медведев (Архангельск) оспаривает происхождение этой фамилии от названии реки Вага, предполагая, что отчество происходит от прозвища Важенья 'избалованный' (древнерусское *важить* 'баловать, потворствовать'). Это возможно. Но он ошибается в том, будто не существовало наименования *важенин* по местности, а было только *ваган*. В таможенных книгах 1675—1676 годов по Устюгу и Тотмье многократно называли купцов с Ваги именно так: «важенин григорий игнатов», «важенин леонтьев петр» и т. п. («Таможенные книги Московского государства. XVII век», т. III, М.-Л., 1951). И ни разу не употреблено наименование *ваган*, которое, видимо, возникло позже.

Вирясов. С. А. Вирясов (Тамбовская обл.) интересуется происхождением своей фамилии. Она возникла из отчества

вирясов, которое происходит от мордовского мужского имени Виряс (мордовское слово *вирь* 'лес', *-ас* — частый суффикс мордовских личных имен).

Воеводин. М. С. Медведев (Архангельск) удачно добавляет возможную основу этой фамилии: диалектное северное слово *воевода* 'самодур, крикливый, сварливый, со всеми воюющий'.

Всеволодов. Е. Е. Прилуцкая (Серафимович, Волгоградской обл.), сообщив, что «еще учась в Петербурге, всегда произносила эту фамилию, как и имя Всеволод, с ударением на первом слоге, а недавно по радио услышала, как заслуженный артист читал ту же фамилию с ударением на третьем слоге», спрашивает, «что теперь считается правильным?». Правильно ударение на первом слоге Всеволод(ов).

Гарипов. Этимологией этой фамилии интересуется читательница В. А. Семенова (Москва). Первоначально это наименование означало 'гарипов сын', образовано оно от арабского мужского имени Гариб 'чужой', принесенного исламом. Замена *б* на *п* произошла еще на стадии имени: оглушение финального согласного обязательно не только в русском языке, но и в тюркских языках. В фамилии же этого произойти не могло, так как там согласный находится между гласными. Иными словами, безусловно, процесс оглушения протекал так: Гариб → Гариб → гариб → гарипов.

Даньшин. В. И. Даньшина (Омская обл.) спрашивает: «Что значила моя фамилия?». Первоначально отчество *даньшин* образовалось от уменьшительной формы Даньша, которая в свою очередь про-

исходит от канонического мужского имени *Даниил* и суффикса *-ша*, как *Миша* от *Михаил*, *Саша* от *Александр*.

Дебольский. Ф. М. Позвонков (Загорск) не только желает узнать историю фамилии Дебольский (с какими социальными слоями она связана, когда зафиксирована в документах, есть ли о ней литература), но и приводит ее географическое распространение: наибольшее в Ярославской области, затем в Московской, на Кубани, единично во многих местах. Происхождение фамилии, вероятно, таково: в Ярославской области есть село Деболы (возле Ростовского озера), по нему, видимо, назвали выпускника духовной семинарии в конце XVIII века. Фамилию семинарист часто получал по тому селу, в церкви которого служил его отец. В XIX веке эту фамилию носили два видных церковных деятеля. О них есть сведения в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и в «Русском биографическом словаре» (М., 1905). Другая версия появления в России фамилии Дебольский — проникновение польской дворянской фамилии Деболи (потомки выходца из Франции де-Боль в XVII в.), но подтверждения этому не найдено.

Евдаков. Происхождение этой фамилии интересует Е. А. Евдакову (Орловская обл.). Фамилия — от отчества; *Евдак* — просторечная форма от канонических мужских имен Евдоким, Евдоксий. Форма с *-ак* нередка на Украине, особенно в западных областях, встречается в Белоруссии.

Завьялов. А. П. Завьялов (Куйбышевская обл.) просит рассказать об этимологии своей фамилии и ее распространности. Она, очевидно,

возникла как отчество в краткой форме притяжательного прилагательного *завьялов*. В «Словаре русских народных говоров» указаны два значения слова *Завьяла*: 'метель, вьюга' (калужское, онежское) и 'вялый, медлительный' (владимирское, нижегородское). Первое могли дать ребенку, рожденному во время метели, второе вполне могло стать прозвищем. Но основа на *-а* требовала суффикса *-ин*, а не *-ов*. Приходится предположить, что имя или прозвище употребляли в формах *Завьяла*, *Завьял*. На территориях, охваченных моими подсчетами, фамилия встречена во Владимирском, Пюшье, Среднем Поволжье, Забайкалье и с рекордно высокой частотностью в Притоболье между Курганом и Тюменью.

Зинин. А. А. Зинин (Пензенская обл.) интересуется: происходит ли его фамилия от уменьшительной формы *Зина* (из канонического женского имени *Зинаида*) и где она распространена. Фамилия образована либо от уменьшительной формы *Зина* (*Зиня*), которая в свою очередь происходит от прежде употреблявшегося достаточно часто канонического мужского имени *Зиновий*, либо от прозвища по глаголу *зинуль*, который и сейчас еще встречается в говорах, имея разные значения: 'сгинуть', 'сгладить', 'заорать' (Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964). Фамилия очень часта в Пензенской области (например, в селах Пласское, Анучино, Лаки и др.), в Зауралье (1897 г. — Куркинская и Чернавская волости) и многих других местностях.

Зуев. В. А. Зуева (Пермская обл.) интересуется этимологией своей фамилии, которая

ей кажется редкой. Эта фамилия не редкая, распространена почти повсеместно, как и Зуйков, происходящая из того же лексического гнезда: *зуй* и *зуйк* — наименования двух видов небольших птиц. Зуй — старинное народное мужское имя. Несколько случаев его употребления с XV по XVII век приведены в «Словаре древнерусских личных собственных имен». Н. М. Тупикова (СПб., 1903), отчетливо от него в форме кратко притяжательного прилагательного *зус* позже стало фамилией.

Капинос. В. И. Капинос (Гродно) спрашивает: из какого языка эта фамилия (муж — сибиряк из Томской обл., его

родители — русские). Фамилия украинская, образована сложением: *капать* и *нос*. Лучший из исследователей украинских фамилий Ю. К. Редько в своей книге «Сучасні українські прізвища» (Киев, 1966) привел ее в одном ряду с фамилиями Гуляйветер, Шуми-вода.

Крыгин. И. Я. Крыгин (Саратов) просит объяснить происхождение его фамилии. В русских говорах встречается слово *крыга* (чаще *крига*) в значениях 'рыболовная сеть' и 'плавающий лед'. От этого слова и возникло прозвище, а отчетливо от него превратилось в фамилию.

В. А. НИКОЛОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), Г. П. БЕРДНИКОВ,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН, О. А. ХАМИЦАЕВА (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Рисунки В. Е. Захарова, В. С. Комарова, В. В. Толстоногова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12/Х — 1976 г. Подписано к печати 23/ХІІ — 1976 г. Т-22419.
Тираж 60 000. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5.
Уч.-изд. л. 10,0. Заказ 1246.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10